

№ 7

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мурад ИБРАГИМБЕКОВ. <i>Рассказы</i>	7
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Рассказы</i>	32
Марина МУРСАЛОВА. <i>Легкая смерть. Рассказ</i>	57
Самид АГАЕВ. <i>Дороги хаджа. Роман (Продолжение)</i>	71
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Нежданный ветерок. Миниатюра</i>	131

ПОЭЗИЯ

Вильям ШЕКСПИР. <i>66 сонет</i>	52
Савелий КОЛМАНОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	127

ПУБЛИЦИСТИКА

Константин ДОРОШЕНКО. <i>Это не хаос</i>	3
Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. <i>Мистицизм Гоголя</i>	27
Эмиль АГАЕВ. <i>Село тревоги нашей</i>	53
Эльмира АЛМАСОВА. «Придет время – этот узел развязут...»	67

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелалия ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 19.06.2015г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

*Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

КОНСТАНТИН ДОРОШЕНКО

Константин Владимирович Дорошенко — украинский арт-критик, медиаменеджер, радиоведущий разговорной радиостанции «Радио-Вести» (Украина). Один из пяти самых влиятельных украинских арт-кураторов и десяти ведущих арт-критиков Украины 2000-х, по версии журнала «Art Ukraine».

Недавно Константин Дорошенко по приглашению председателя Центра художественного перевода и литературных связей Союза писателей Азербайджана Салима Бабуллаоглу побывал в Баку, где принял участие в Международном Симпозиуме «Духовная безопасность личностей и социумов в национальных литературах и в общественной мысли в эпоху глобализации», а также в Дне Поэзии. Константину Дорошенко была вручена премия имени Микаила Мушфига за вклад в диалог украинской культуры с культурой Азербайджана.

Представляем читателям текст выступления К.Дорошенко на этом симпозиуме.

Это не хаос

Венецианская биеннале – место, где глобализация встречается с национальным контекстом. В своих павильонах государства-участники, как правило, стремятся представить художественные высказывания также вовсе не о локальном. В редких случаях это удается совместить с манифестацией национальной традиции, как в проекте «Ornamentation» в азербайджанском павильоне в 2013 году. Среди других работ Рашид Алекперов представил там инсталляцию, на первый взгляд кажущуюся бессмысленным нагромождением металла. И лишь с определенной точки, благодаря математически продуманному освещению, фотографируя тень, отbrasываемую конструкцией на стену, можно увидеть фразу: «Это не хаос».

Спустя два года, когда главный проект Венецианской биеннале «Все будущее мира» вспоминают об угрозах, конфликтах, кризисах и трагедиях, о тотальном отсутствии безопасности, образ, созданный Алекперовым, воспринимается как суфийское снисхождение благодати. Как то, что стоит себе повторять и на что остается надеяться, глядя на происходящее на планете.

В изобразительном искусстве часто ищут в первую очередь эстетическое. Тогда как, строго говоря, оно всегда вело диалог с обществом и со временем, посыпало на будущее, отражая те или иные идеи, принципы, страсти. И в хитросплетениях мусульманской орнаментики, и в росписях соборов, даже в портрете или натюрморте – фиксируя, программируя некие ценности.

Сегодня модно говорить, что искусство всегда политично. Для меня более корректным является понятие «социально». Визуальное искусство стало территорией исследования общества и мира.

Проект, представленный Украиной на Венецианской биеннале в 2015-м, носит название «Надежда». Художники страны, часть территории которой подверглась аншлюсу, а другая – агрессии, страны, которой навязана война, демонстрируют не злость, не жажду реванша. Скорее, беззащитность, в которой – своя сила. Сам павильон,озвезденный PinchukArtCentre на пересечении главного пути биеннале, на набережной между Арсеналом и Джардини ди Кастрелло, прозрачен. Работы в нем словно парят в воздухе, окружающий пейзаж изысканного города живет среди произведений украинских художников, смотрит на них, не отторгая, но и не присваивая. Надежда балансирует на грани безнадежности, экспозиция не врывается в пространство, а будто растворяется в нем, рискуя оказаться незамеченной.

Это принципиальное отсутствие визуальной агрессии вызывает недоумение. Но оно как раз и является свидетельством перемен, происходящих в украинском обществе. Движения в сторону осознания права каждого отдельного человека на свою роль, решение и судьбу. Права на достоинство, на слабость, поскольку любой человек слаб. И вожди, и герои слабы, поскольку в них есть человеческое. Признание этого зачастую и ведет к героическому поступку.

Ровно в день начала киевского Майдана в 2013-м в главном корпусе Киевского Национального университета им. Тараса Шевченко я открыл выставку «Прошивая опыт» Владимира Кузнецова. Разумеется, мы не могли просчитать специально такое совпадение. Кроме живописи, инсталляций и акционизма, Кузнецов работает с непривычным для современного искусства медиумом – вышивкой. Личная и коллективная память, их взаимопроникновение и аберрации – то, что стало объектом исследования проекта. Среди работ, обращающихся к произведениям музеифицированных классиков украинского искусства Виктора Пальмова и Олега Голосия, воспоминаниям детства и Чернобыльской катастрофе, являющейся одной из важных для художника тем, Кузнецов показал вышитые на больших полотнищах зарисовки и тексты из собственного еженедельника. Не стесняясь нюансов случайного настроения, которые мы, не задумываясь, доверяем дневникам, не побоялся открыть зрителю собственную наивность, нежность, печаль.

В дни Майдана, на котором Владимир Кузнецов переживал самые драматические события вместе с тысячами других граждан Украины, этот проект зазвучал по-особенному. Утверждая смелость в том, чтобы быть собой, быть открытым, беззащитным, не прятать собственные слабости под маской успешности, неприступности или идейности. Если стоит вопрос о действительном обновлении общества и государства, то происходит оно должно именно в сторону человечности.

Безопасность личности, безопасность социума – то, за что борется сегодня Украина, то, что касается здесь каждого каждый день непосредственно. Линия фронта, оккупированные территории, угроза терактов, поляризация настроений. Художник Александр Ройтбурд в интервью «Радио Вести» говорил мне, что в какой-то момент почувствовал, будто сходит с ума от количества чудовищных новостей, ежедневно поступающих к нам через СМИ и социальные сети. Он констатировал состояние, которое пережил за последний год каждый гражданин Украины – ощущение потери чувства реальности, опасение за собственный рассудок. Этот этап прожит. И рефлексируется искусством. Здесь искусство оказывается терапевтом общества, визуализируя его переживания, оберегая от впадения в крайность.

Такова работа Николая Ридного «Слепое пятно», созданная в сотрудничестве с поэтом Сергеем Жаданом. Слепое пятно – область, существующая в глазу каждого человека. Используя его, можно не видеть часть окружающего мира, она оказывается словно в затмении. Ридный снял серию пейзажей, в которых слепое пятно закрывает фрагменты того, что видеть больно. Например, разрушенного артиллерийскими обстрелами дома. Вытесняя что-то, человеческое сознание борется за свою адекватность. Невозможно бесконечно питаться горестными известиями. Но, признавая за человеком стремление к эмоциональному спасению, Ридный дает понять, что слепота – небезопасна. Стихотворение Жадана, представленное рядом с фотографией в павильоне Украины на Венецианской биеннале, возвращает зрителя к реальности.

Несколько фотографий из цикла «Слепое пятно» экспонировал в основном проекте биеннале в Арсенале его куратор Окуи Энвэзор. Там же он разместил видео Ридного «Обычные места», в котором на привычные, будничные пейзажи улиц и домов Харькова наложены звуки споров и страстей противостояния времени Майдана. В мирном городе, в обыденной жизни, в головах и умах людей, которых власть сочла населением, кипят энергии, готовые прорваться в мир, меняя его, разрушая и преображая. Это необходимо осознавать.

Желание войны ненормально, противоестественно человеческой природе. Война навязана, она происходит, но современный украинский художник видит в ней зло. Семьдесят лет, прошедшие после Второй мировой, не были десятилетиями мира, в той или иной точке планеты вспыхивали и тлели конфликты. XX век стал веком разрушения старых империй. Но империя, как организм, умирает долго, жестоко раня тех, кого когда-то считала своими вассалами. Нагорный Карабах, Приднестровье, Чечня, Абхазия и Осетия, Донбасс – раны, которые наносит имперский монстр в своей агонии, кровоточат в судьбах народов и людей, лишь утверждая их в мысли, что война – отвратительна.

В жестком, полном боли, крови и злости, но также и уверенной силы, графическом цикле «Киевский дневник» Влады Ралко, который она начала еще в дни Майдана и продолжает до сих пор, всплывают образы зверя-агрессора, чаще всего под личиной медведя, с которым человек вынужден драться. В цикле много женских образов – могучих, отчаянных, чья хтоническая феминность относит зрителя к образам половецких баб или крестьянок Татьяны Яблонской, к женским образам времен Второй мировой. Небольшие по формату работы настолько сильны и откровенны эмоционально, что воздействуют на зрителя мощнее батальных полотен Василия Верещагина, одно из лучших собраний которых находится в Киевском Национальном музее русского искусства. Ралко безжалостна, ее графика – катарсис времени войны.

«Они умирают, а я остаюсь жить» – обезоруживающая в своей человеческой честности выставка-перформанс, организованная Андреем Сигунцовым и Андреем Чепурко в киевском арт-центре G13. В темном зале, освещенном лишь проекцией работы футуриста начала XX века Наталии Гончаровой, изображающей поле боя, на полу лежат окровавленные молодые ребята в военной форме и балаклавах. Рядом – видео, в котором булава разбивает человеческий череп. Плакатный, резкий образ судьбы солдата. Того, кто вынужден стать героем. Того, чья жизнь выступает залогом и заложником возможности будущего во все времена. В проекте приняли участие бойцы батальона «Правый сектор», путь которых лежит теперь на Донбасс. Кому предстоит своими те-

лами закрывать раны, наносимые зверем навязанной Украине войны.

Нет, украинцы не возвеличивают войну. Да, они не хотят погибать. Но нам не приходится выбирать, в какое время жить. Искусство Украины в разгар переживаемой народом трагедии обращается к человеку и человеческому. Спасти в себе человека – вот вызов метаморфоз сегодняшнего мира. Тот, в котором мы, превозмогая боль, ежедневно проверяя свой ум и душу на адекватность, видим надежду.

Все звучит и видится теперь по-новому. Как поэтические строки киевлянина Алексея Зараховича, обращенные в 2011-м к чему-то совсем интимному. Потому что интимное и есть человеческое:

Остановиться... Остаться... Жить
Остановиться, осться, выжить
Берег един, как церковная извесь
Не завоеван, не разделим.

Война поставила перед украинским обществом и искусством единую цель. Осмыслить, поверить и доказать: «Это не хаос».

МУРАД ИБРАГИМБЕКОВ

Р А С С К А З Ы

Телескоп

(Тайные секреты)

После непродолжительной командировки, связанной с заключением одной не крупной, но немаловажной для моей карьеры коммерческой сделки, я возвращался домой в Баку на своем служебном автомобиле. В тот день я продал телескоп.

Продал, разумеется, не сам, мне было поручено оформить сделку, подготовить необходимые бумаги, провести оценку объекта и прилегающей территории, определить коэффициент возможной рентабельности и аргументировать необходимость сконцентрированной приватизации. В общем-то, все как всегда. Это моя работа. Организация, в которой я служу, для того и была создана, чтобы делать частным то, что раньше было общественным или государственным. Ведь совершенно точно доказано, что частное всегда прогрессивней общественного, это аксиома. В этот раз речь шла о телескопе. Телескоп был старенький, много лет не использовался по назначению, исторической ценности не представлял и никому, в сущности, не был нужен.

Хотя к астрономии я абсолютно никакого отношения не имею, но телескопы всегда вызывали у меня живейший интерес.

Когда я бываю в загранкомандировках, а ездить мне приходится часто, я всегда любопытствую, как в месте пребывания обстоят дела с телескопами. Я даже со-бирался приобрести себе на дачу небольшой телескоп, но потом передумал. Неизвестно, как политически может быть воспринята излишняя любознательность.

Во многом невинное увлечение астрономией связано с моей службой в вооруженных силах, именно в армии я впервые в жизни увидел телескоп. Конечно, в армию я пошел не добровольно, мог бы и увильнуть, учитывая связи моего отца, но папа предусмотрительно рассудил, что хоть избежать призыва и можно, но впоследствии это может негативно сказаться на моей карьере и в дальнейшем стать помехой для продвижения по службе.

Бескрайние, живописные степи окружали нашу небольшую воинскую часть со всех сторон, потрясающие красивый пейзаж, хотя несколько однообразный. Куда ни пойдешь, везде одна степь, летом очень жарко, зимой невыносимо холодно. Изредка можно встретить отару овец или одиноко бредущего верблюда, и все, никаких развлечений и светской жизни. Была только одна вещь, вносящая хоть какое-то разнообразие в монотонный уклад армейской жизни, этой вещью был телескоп.

Телескоп находился на территории нашей части, в самом ее центре. Небольшой, серого цвета каменный куб с возвышающейся над ним металлической сферой. Располагался он в палисаднике размером десять на десять метров, отделенном от остального привычного армейского мирка неприступной оградой из колючей проволоки, по верхней линии которой былпущен ток высокого напряжения. По периметру ограждения нес караульную службу методом патрулирования бдительный часовой.

По сведениям моего приятеля, ефрейтора Леньки Громова, служащего писарем при штабной канцелярии, человека информированного и знающего, из многочисленного офицерского состава нашей части всего лишь три полковника имели допуск на территорию загадочного объекта.

Два раза в неделю, всегда на закате, эти три офицера, образуя треугольник, вершиной которого являлся один и тот же из них, степенно пересекали плац, приближались к охраняемой зоне и после переговоров с разводящим караула и часовым исчезали на несколько часов в телескопе. Этим самым часовым доводилось бывать и мне, тогда я зычно произносил: «Стой, кто идет?», интересовался паролем, отдавал честь, докладывал разводящему караула и запускал трех астрономов внутрь – в общем, все по уставу, как положено. Устав я замечательно знал, мне даже за знание устава однажды вынесли благодарность в приказе. У меня с юности был талант к работе с документами и инструкциями. В жизни это качество мне очень пригодилось. Начальство меня ценит. Я очень аккуратен в составлении различных бумаг и документов, необходимых для успешного функционирования государственного аппарата.

И вот в те дни, когда эти три астронома, или кем они были на самом деле, исчезали в телескопе, тогда-то и начиналось самое интересное. С наступлением ночи, когда на землю опускалась тьма, металлическая сфера обсерватории раздвигалась, и оттуда в течение часа или около того начинали вырываться лучи ослепительно яркого зеленого света. Это было поразительное, волнующее зрелище. Исчезающие в звездном небе стрелы света.

На многочисленных солдатских диспутах так и не было выяснено, вырываются ли эти зеленые молнии из башни, уносясь в неведомые космические дали, неся в себе важнейшую информацию для наших космонавтов, или же, наоборот, они присыпаются из космоса с многочисленных спутников-шпионов, ведущих постоянное наблюдение за нашей планетой. Этого никто точно не знал. Я думаю, что могло быть и так, и этак. Когда надо, из телескопа можно было послать сообщение тем же космонавтам, а если требовалось получить ответ, то телескоп мог работать как космический приемник. И это был не телескоп вовсе, телескопами в наше время никого не удивишь, тем более такими неказистыми, то есть телескоп, как оптический прибор, в наличии имелся, но так, для отвода глаз. Но никто из этих офицеров не занимался астрономией в традиционном понимании этого слова. На самом деле это был секретный пункт космической связи! И я до сих пор горжусь, что в среднем два раза в неделю его сторожил. Ночью один, при оружии, я стоял на посту, а в нескольких метрах от меня происходила прямая связь с космосом...

Насчет этих лучей говорили разное, одни, к примеру, утверждали, что они являются источником радиации, пагубно влияющей на мужскую потенцию. Другие, побывавшие в отпуске, с жаром опровергали наличие излучения, наоборот, вернувшиеся с побывки утверждали, что потенция в норме, а некоторые даже уверяли в ее усилении, что также связывалось с телескопом.

Я в эти рассказы никогда не верил. Потенция – это как? Потенция или есть, или ее нет – точно говорю. Взять, к примеру, меня – я человекексуально успешный. В браке вполне счастлив и жене никогда осознанно не изменяю. Однако если в деловых поездках принимающая сторона оказывает мне эскорт-услуги (а это частенько случается), я никогда от этих услуг не отказываюсь. Во-первых, из эстетических соображений, а еще из-за нежелания обидеть принимающих меня партнеров. Конечно, это не совсем легально, но так все делают, такова система.

Если эти лучи и влияли на человека, то на меня они повлияли благотворно!

У меня сохранилась армейская фотография, на которой я был снят на фоне телескопа, одетый в парадную форму, с автоматом наперевес. Смотрелся я очень значительно. Мама поместила это фото в рамку и поставила в сервант. Она с удовольствием рассказывала нашим знакомым, что именно мне было доверена охрана объекта государственной важности.

На этой же фотографии виден еще один человек – вдалеке, на крыше телескопа, можно разглядеть маленькую фигурку. Этого солдата звали Нариман и он был единственным человеком в части, который имел допуск к телескопу, помимо полковников-секретчиков. В его обязанности входила уборка телескопа, вернее, не самого телескопа, а его служебных помещений. Наримана периодически запускали на сутки внутрь секретного объекта, где он орудовал шваброй и веником. Парень он был славный, хоть и недалекий, деревенский. Мы не особенно были дружны: служили в разных ротах, ну, и социальные различия, если быть до конца откровенным.

На Габалинском перевале я попросил водителя остановиться, чтобы полюбоваться живописным видом горной долины, открывающимся со смотровой площадки. Космическая красота пейзажа нашей крохотной в масштабах Вселенной планеты Земля, которая непрерывно движется по орбите вокруг звезды под названием Солнце, тронула сокровенные струны моего естества и пробудила в моей душе волнительное чувство легкого аппетита.

К своему аппетиту отношусь очень внимательно, всегда к нему прислушиваюсь и без внимания не оставляю. К вопросам пищи не следует подходить бездумно и легкомысленно, тут я всегда стараюсь действовать основательно, продукты домой покупаю только в определенных местах и самые свежие и к выбору ресторана подхожу без излишней суеты и торопливости. Потому я и поручил своему водителю, весьма смышленному и расторопному человеку, навести справки и выяснить, какой ресторан считается в этих местах лучшим. Порасспросив небольшую группу молодых уроженцев здешних мест, ошивающихся на туристическом объекте и коротавших время за дружеской беседой в ожидании случайных заработков, водитель разузнал, что в пяти минутах езды находится известный в округе качеством еды и не низкими ценами загородный ресторан под названием «Телескоп». Я не мог сдержать улыбки, данное совпадение показалось мне забавным и в чем-то закономерным: после успешно проведенной сделки утолить голод в одноименном с предметом контракта ресторане.

По названию о ресторане судить не следует, обычно по названию не поймешь, хороша кухня или не очень, название должно соответствовать интерьеру, это правда.

Встречаются очень несуразные названия, к примеру, один мой дальний родственник открыл недавно ресторан и назвал его «Вольтер» – очень, на мой скромный взгляд, претенциозно и нелепо получилось. Конечно, если ты выхлопотал себе звание «доктор наук по философии», можно назвать ресторан «Вольтер», вполне благопристойно и со вкусом, но тогда и антураж должен соответствовать, следует завести бюсты философов и сделать декоративные полки с книгами, чтобы сразу было понятно, что здесь собираются люди интеллектуально развитые. А в том ресторане «Вольтер», о котором мне вспомнилось, сплошной хай-тек и ни одного канделябра на весь кабак. Любопытно, как будет выглядеть «Телескоп»?

– Съездим, поглядим, – сказал я своему водителю.

Ассоциативный поток воспоминаний нес меня в прошлое, воскрешая в памяти

подзабытые подробности моего солдатского бытия.

Среди салажат ходили упорные слухи, что Нариман на самом деле – гениальный астроном-вундеркинд, временно разжалованный в солдаты из офицеров. Я привожу это в качестве особо яркого примера солдатского мифотворчества, граничащего с идиотизмом. С первого взгляда на Наримана становилось понятно, что к астрономии он не может иметь никакого отношения, даже в перспективе. Он и по-русски-то толком говорить не умел. Разумеется, я его в меру сил опекал, как-никак земляк. У этого деревенского парня была какая-то трогательная привязанность к телескопу, которую он, впрочем, не особенно афишировал.

Как-то раз после ужина мы сидели и курили на спортивной площадке.

– У меня наряд только в среду, – Нариман вздохнул, – ты не представляешь, как я тоскую без наряда.

– Ты тоскуешь без наряда? – спросил я удивленно. Представить себе, что человек может тосковать о помывке чужого унитаза, как, впрочем, и своего собственного, я не мог.

– При чем здесь наряд? – Нариман выкинул окурок. – Я тоскую о телескопе.

Я замер. На какое-то мгновение я решил, что миф о гении-астрономе Наримане – не миф вовсе. Распрашивать я не решался, одно неверное замечание, и он замкнется в себе, не желая раскрывать тайну. А в том, что тайна имела место, я не сомневался с самого начала, хотя в астронома-вундеркинда я никогда не верил.

– Ты упомянул об астрономии? – стараясь не вслухнуть, произнес я.

– Какое отношение я могу иметь к астрономии? – грустно спросил Нариман.

– А какое отношение ты можешь иметь к телескопу? – поинтересовался я.

– Я за ним присматриваю, – сказал Нариман и замолчал.

Но было в его молчании грандиозное желание поделиться со мной чем-то очень и очень сокровенным, личным. Чем-то таким, что рассказать можно или по-настоящему близкому или абсолютно незнакомому человеку. Так я и не узнал, в чем там дело.

У съезда на проселочную дорогу был установлен небольшой рекламный щит, извещающий путников о том, что до ресторана осталось двести метров.

Дорога проходила через гранатовую рощу, и вскоре мы оказались на стоянке для машин перед декоративными воротцами с лаконичной надписью «Телескоп». Воротца эти были весьма уместны в рукотворном пейзаже, созданном хозяином ресторана. Все было вполне изящно, со вкусом и вполне сносно для хорошего ресторана. Старинные кувшины, коврики в национальном стиле, плетеная изгородь, дымок с запахом свежеиспеченного хлеба из трубы печки-тандыра. На склоне живописного пологого холма, поросшего невысокими кустами кизила, были выстроены деревянные беседки для посетителей, заботливо обсаженные виноградом.

Традиционно, но вполне недурственно. Твердая «четвёрка» даже для провинциального ресторана где-нибудь в Европе.

Глаз у меня наметанный, я ресторан могу сразу распознать, мне даже пробовать ничего не надо, чтобы понять, как в ресторане кормят. Я с удовлетворением отметил, что сведения, полученные от местных жителей, оказались верны, ресторан сразу произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление.

Человек с метлой, когда мы подъехали, о чем-то переговаривался с мальчиком лет двенадцати, оба весело смеялись. Увидев мой служебный автомобиль, он отдал

метлу собеседнику и, подбежав к машине, услужливо открыл мне дверь. По видимому, в этом заведении он выполнял роль привратника – дань провинциальности.

Наши взгляды встретились, и мы узнали друг друга. Это был Нариман! Бывают же совпадения, воистину – смол ворлд (маленький мир – по-английски)!

Нариман: «Начальниками, а тем более хозяевами своего дела так просто не становятся! – я как раз объяснял своему двоюродному племяннику Али, как надо с метлой управляться, он парень работящий, просто стыдится метлой орудовать. Я лично подмел стоянку, чтобы парень понял – стыдного в этом ничего нет, думаю, что урок пойдет ему на пользу. Труд – есть труд!

Когда удается, я стараюсь сам встречать посетителей, страна у нас небольшая, а людей на дороге много – всегда можно найти общих знакомых, ну, и завести новых, разумеется. Номера у подъехавшей машины были непростые, я в этом разбираюсь, явно какой-то начальник... Я вновь прибывшего не сразу узнал, хотя память у меня на лица хорошая, мы вместе служили в армии, он был в соседней роте, имени его я не помню. Парень неплохой был, никогда носа не задирал, хотя и было известно, что отец у него при должности».

– Вас ждут? – учтиво спросил Нариман.

– Да нет, дорогой друг. Просто проезжал мимо и решил перекусить. Здесь хорошо кормят? – с наигранным недоверием спросил я, доброжелательно улыбнувшись.

– Высши! – уверил меня Нариман, напустив на себя, как и подобает ресторанныму привратнику, дурашливый вид.

– Слушай! – вдруг воскликнул я, хотя, может, это и прозвучит сnobистски, никогда не одобрял излишней фамильярности с обслуживающим персоналом. – Слушай! Вот это совпадение, сегодня весь день думал о телескопе! Помнишь?!

Нариман радостно закивал в ответ. Меня тронуло, что мой армейский приятель деликатно держал дистанцию, отделяющую служащего шашлычной от человека, волей судеб имеющего пусть небольшое, но отношение к управлению страной...

Нариман: «Обстоятельства разные бывают – не следует навязывать свое общение, я к посетителям в друзья никогда не навязывался, клиент есть клиент, если человек хочет пообщаться, я против не буду.

Конечно, я помню тот телескоп. Я в роте всем запретил ходить в наряд в обсерваторию, к тому времени у меня авторитета на такое хватало. Я замкомвзвода, старшему сержанту, так и сказал:

– Кого-нибудь в телескоп, кроме меня, в наряд поставишь – не обижайся.

Доходчиво растолковал, и с тех пор кроме меня в телескоп никто из солдат не совался.

Конечно, вслух я этого не сказал, к чему излишние подробности малознакомому человеку. Просто вежливо кивнул».

Нариман повел меня к лучшей, по его уверению, беседке, где я и расположился за накрытым белоснежной скатертью столом, с которого своевременно возникший официант принялся стряхивать несуществующие пылинки, другой уже расторопно приближался с подносом, на котором стояли бутылки с холодной водой, одна с газом, другая без. Положительно, ресторан мне начинал все больше нравиться.

Прежде чем сделать заказ, я позабочился о своем водителe, конечно, сажать

шофора за свой стол не нужно, но и в машине сидеть ему не следует. Я поручил его заботам Наримана и выслушал уверение, что он получит доброкачественное питание, необходимое служивому человеку.

С недавних пор я стал разбираться в винах, говоря откровенно, я больше люблю крепкие напитки, к примеру, виски (островной, пятнадцатилетней выдержки), но следует соответствовать должности, публично принято пить вино, ну, и понимать букет, разумеется, так все делают...

Я полюбопытствовал о местных винах. Винная карта в заведении отсутствовала, но официант очень подробно перечислил весь ассортимент. Ради интереса я заказал бутылку вина одной знакомой мне винодельческой компании.

Пару лет назад я способствовал приватизации одного винодельческого хозяйства, при прежней власти они выпускали бормотуху, которую нормальный человек пить был не в состоянии. Я оформил сделку, и новый владелец за пару лет наладил выпуск современной продукции.

Дизайн принесенной бутылки был неплох, я сделал глоток и остался вполне доволен ее содержимым, вполне.

Комиссионные с той сделки, предоставленные виноделами, мне запомнились. Они организовали мне и моей семье тур по Калифорнии, в тех краях много частных винокурен, и мои клиенты любезно организовали их посещение, для изучения передового зарубежного опыта.

Я всегда получаю комиссионные. Я считаю, это справедливо, ведь мои интересы совпадают с интересами народа. К примеру, недавно мы приобрели экологические фильтры для завода бытовой химии, находящегося в небольшом провинциальном городке. Предприятие это было градообразующим, и все жители трудились на этом заводе, который отравлял атмосферу и граждан. Мы не поскупились и приобрели самые дорогие и современные очистительные механизмы, и воздух в городе и окрестностях сделался как на курорте. Этот проект был даже упомянут в докладе комиссии ООН по экологии как один из самых успешных на постсоветском пространстве. Я лично летал в Токио, чтобы оформить сделку. Город мне очень понравился, а вот кухня оставила абсолютно равнодушным, излишне много сырых морепродуктов. Именно там, в Японии, я точно осознал, что из сырого сифуда (**морская пища – Ред.**) воспринимаю только белужью икру.

На закуску мне принесли кашкалдаков, запеченных в тандыре, приготовлены они были безукоризненно, это касалось и самих птичек, и начинки из гречихи орехов с гранатом. Местный повар знал свое дело. Я так и сказал Нариману, который подошел к столу поинтересоваться, все ли в порядке.

– Слушай, Нариман, а почему ресторан называется «Телескоп»? – спросил я.

– Потому! – ответил Нариман и указал рукой на что-то позади меня.

Странно, что я не приметил это сразу, неподалеку виднелась будка обсерватории, чуть поменьше той, которая была в нашей части. Ну что ж, название ресторана полностью соответствовало интерьеру. Видимо, раньше эта территория, где сейчас устроен ресторан, принадлежала какому-то НИИ или его филиалу: зачастую при приватизации объект используется не по изначальному предназначению, такое случается, главное, чтобы людям была польза.

Скажем, телескоп, сделку по которому я сегодня оформил, очень скоро станет быть инструментом астрономии, хотя, на мой взгляд, мог бы вполне еще поработать. Я даже, смешно сказать, попытался сохранить телескоп, абсолютно

бескорыстно отдал дань увлечению юности, так сказать. Попытался не впрямую, разумеется.

– Вполне сносный телескоп, – вскользь обмолвился я в приватной беседе со своим начальником. – Может, сделать там базу юных астрономов?

При этом я сослался на известный мне опыт таких начинаний в Европе. Мой руководитель снисходительно похвалил меня за правильное видение политических перспектив, связанных с воспитанием подрастающего поколения в европейских манерах цивилизованного мира, в который мы и должны стремиться по долгу службы и природной склонности.

Мой непосредственный начальник мудр и влиятелен, он искренне мне доверяет и всецело на меня полагается, потому доверительно растолковал мне, почему данная идея с телескопом для детей не может быть реализована. Причин было две: первая – последний астроном в стране умер пять лет назад, а других у нас пока нет и не предвидится, и вторая – на территории старой обсерватории планируется построить элитный коттеджный поселок. Я горячо поблагодарил собеседника за данные мне разъяснения и с энтузиазмом приступил к оформлению сделки. Я всегда избегаю проволочек в делах службы. Сегодня я продал телескоп.

К этому моменту подоспели угри, угри были речные, я всегда интересуюсь, угорь морской или речной, морские стараюсь не заказывать, жестковаты, хотя бывают исключения.

– Слушай, Нариман, а как ты оттяпал телескоп для кабака? – поинтересовался я.

– Купили, – лаконично ответил Нариман.

– Купили обсерваторию? – переспросил я.

– Телескоп купили, а будку сами построили, так, для посетителей, – смущенно улыбнувшись, пояснил Нариман. – Привлекает клиентов, придает изюминку бизнесу и создает атмосферу.

– И как, работает?

– Вполне, когда облаков нет, – ответил Нариман.

Ну, что ж, с точки зрения ресторатора неплохой пиар-ход. Есть, что ни говори, в наших деревенских людях подсознательное стремление к цивилизации и просвещению. Можно только приветствовать, можно и должно. Жизнь идет по кругу, подумалось мне. Раньше человек служил при военном телескопе, а теперь служит в телескопе-ресторане. В юности я с оружием в руках охранял телескоп, а повзрослев, продал телескоп. Судьба, говоря иначе – провидение.

– Это карма, дорогой Нариман, – произнес я. – В армии у тебя был телескоп, и в ресторане тоже телескоп, ты мог бы и астрономом стать. Твое здоровье, дорогой!

Нариман, приложив руку к груди, вежливо поклонился.

«Действительно, кармическое во всем этом определенно прослеживается – столько лет прошло, а человек не меняется, как тогда вынюхивал, почему я телескоп люблю, так и сейчас за старое принялся. Почему его это так интересует?»

Кстати, поданные кутабы были идеальны. Я знаю много мест, где хорошо готовят это национальное блюдо, но в ресторане «Телескоп» это были не традиционные, а шемахинские кутабы, абсолютно другое блюдо, если вдуматься, требующее особого умения и сноровки, можно сказать, деликатес.

Если отвлеченно порассуждать, то из меня вполне мог бы выйти хороший астроном. Почему нет? Я за собой хорошо слежу, внешность у меня представительная и в меру интеллигентная, я достойно бы смотрелся среди астрономов.

После армии я думал пойти в астрономию. Я даже поделился с папой этой идеей. Отец не стал впрямую возражать или противиться, он просто задал себе и мне несколько вполне разумных вопросов. Как живет астроном? Сколько зарабатывает и на чем? Влиятелен ли обычный астроном или нет? Мы с отцом не нашли ответов на эти вопросы. А я всегда хотел быть влиятельным, мне с детства хотелось влиять. И потом, говоря откровенно, связей у папы в астрономических кругах никаких не было, ни одного дальнего родственника или просто знакомого астронома.

Все что ни делается, как говорится, то к лучшему. Я мог бы стать астрономом, но не стал, я сделался чиновником-управленцем и ни капельки об этом не жалею, ну, разве чуть-чуть.

Перед отъездом я осмотрел телескоп. Мы поднялись по винтовой лесенке и увидели установленную на треноге металлическую трубу длиной метра в полтора. Ничего особенного. По словам Наримана, приобретен прибор был через интернет-магазин и по вполне приемлемой цене, даже считая с постройкой будки.

– Детишкам нравится, – заметил Нариман.

Может, все-таки и мне приобрести телескоп? Для сына, ребенку полезно иметь телескоп, вещь хорошая, один недостаток: пользоваться можно только по ночам.

Хотя надо отдать должное рассудительности и здравомыслию моего мальчика, он никогда не испытывал потребности стать астрономом, даже не заикался об этом. Вполне возможно, я не был бы против. Почему нет? Деньги у меня есть, я бы его с астрономией поддержал бы. Но сын не хочет, у него способности к иностранным языкам, надеюсь определить его по дипломатической части.

Видимо, двойной вискарь в качестве диждиства (перевариватель – Ред.) после бутылки вина был излишен. Я представил себе Наримана, который, сидя в телескопе, пускает зеленые лазерные лучи в космос, вступая в контакт с инопланетянами. Картишка эта меня рассмешила.

– Признайся, Нариман, какое отношение ты имел к астрономии? – подмигнув, поинтересовался я.

Ничего обидного в этой шутке не было, как-никак, сослуживцы. Нариман ни капельки не обиделся и заговорщически подмигнул мне в ответ.

«Какое отношение я могу иметь к астрономии? В нашей семье образованных сроду не было, испокон века мы чабанами были, овец пасли. Отец мой первым в семье в город перебрался, городским стал, дело завел, у отца в ресторане было три столика, и не ресторан это был, а так, придорожная ханыжка с мангалом. Отец за мангалом стоял, а я после школы приходил и посетителей обслуживал. Отец хотел, чтобы я учился, я первое время отличником был, а потом, когда отец умер, я сам за нашей шашлычной следить стал, о маме и трех маленьких сестренках заботиться надо было, и в школу я ходить перестал. Когда после армии вернулся, то у знающих людей навел справки об астрономии. Сказали, что сперва надо закончить 10 классов, а потом ехать в Москву, поступать в астрономический институт. И мне стало понятно, что я не стану астрономом, какой астроном с шестью классами образования.»

Я знал, что не мог стать астрономом, и не мог не стать шашлычником, обидно, конечно, но ремесло свое я люблю, в нем преуспел. Кормить людей вкусно – дело почетное, ну и выгода, разумеется. Вот какой у меня бизнес, двадцать столиков, бывают дни, когда мест не хватает, и тогда мы ставим дополнительные. Восемь человек у меня работает, большинство – родственники, и мне надежней, и им заработок. Может, я из-за тех лазерных лучей умнее стал».

Профессионал – профессионал во всем, – так, кажется, гласит народная мудрость. Мой водитель, после того, как утолил голод, не сидел без дела, а успел вымыть автомобиль. Ценю работающих людей.

Мы тепло попрощались с Нариманом. Я отдельно отметил мангал – осетрина и ребрышки на углях были выше всяких похвал. При приготовлении пищи на мангале очень важно качества угля.

Нариман не взял денег, а я не стал настаивать. Людям бизнеса свойственна природная предусмотрительность, просек, что я при должности, могу пригодиться при случае. Визитку свою я ему оставил.

«Я настоящий, что обед за счет заведения, а как иначе, мы же вместе служили. Я от этого счета ни беднее, ни богаче не стану. Славный парень, излишне любопытный, но у каждого человека свой характер.

Я по природе своей человек не скрытный, но не хотел ему рассказывать, почему так телескоп полюбил. Может же быть у человека тайный секрет, верно? Работа в том телескопе была не пыльная – уборка комнаты отдыха, кухни и туалета. Чем там эти офицеры-астрономы занимались, не знаю, у них не спрашивал, да они бы и не сказали. Вроде пункт какой-то космической связи, что-то вроде космической почты. Там была комната, полностью забитая аппаратурой, но меня туда убираться не пускали, а сам телескоп был открыт, я с него пыль смахивал.

Главное начиналось, когда я в телескопе один оставался, в наряде. Я постепенно освоился и научился телескопом пользоваться, это несложно было, колесико одно надо было покрутить, люк раздвигался, и можно в телескоп поглядеть. Объект всегда под охраной был, вокруг все время часовой ходил, потому никто неожиданно прийти и меня засечь не смог бы.

В горах звезды по-другому видятся, не так, как на равнине, ярче, ближе, что ли. Я, когда к деду в село приезжал, всегда этому удивлялся, очень мне нравилось на звезды смотреть. В армии я очень по дому тосковал, и когда в телескоп смотрел, успокаивался, звезды ближе становились, как у деда на кочевье, оптический эффект такой. Может, тот, кто телескоп изобрел, тоже о чем-то таком думал. Сидел я в этой башне один по ночам в полном покое, покуривал себе и смотрел на звезды. Названия я их конечно не знал, какой из меня астроном.

Мой сын скоро станет астрономом, он уже на пятом курсе учится, в университете. Сегодня звонил мне из Болоньи. Смешное название для города, как название ткани.

Иногда думаю, что то, что мой сын астрономом стал, создает одну маленькую проблему, я не жалуюсь, просто рассуждаю. Ресторанный бизнес – хороший бизнес, но его самому вести надо, мало быть просто хозяином. Кому я свое дело оставлю? Может, со временем Али станет надежным управляющим, парень он толковый, работающий и стремление стать шашлычником у него имеется. Дело по нему, не всем же быть астрономами».

Мой дядя Надыр

Как-то раз в беседе со мной дядя Надыр высказал мысль, что, по его скромному разумению, избранная в юности профессия придает ему, дяде Надыру, дополнительную привлекательность в глазах женщин. Ни под каким видом дядю Надыра нельзя было назвать человеком голословным, все его утверждения всегда основывались на многолетних наблюдениях и практических опытах.

При знакомстве дядя Надыр именовал себя «прикладным зоологом». Он так всегда представлялся при встрече с незнакомыми людьми, независимо от их пола, возраста и социальной принадлежности. «Прикладной зоолог», – вскользь произносил дядя Надыр, не вдаваясь в подробности. В том случае, если собеседник, а такое бывало, начинал более подробно расспрашивать о названной специальности, о профессиональных обязанностях и необходимых для этого, как и для любого другого ремесла, навыков и познаний, дядя Надыр с легким поклоном после недлинной паузы пояснял: «Сейчас я служу в зоопарке». В такие минуты я очень гордился дядей Надыром и давал про себя зарок всегда брать с него пример. Потому как был убежден, что только врожденная скромность и переросшее в застенчивость безкоризненное воспитание не позволяли дяде Надыру честно именовать себя ученым.

Периодически за партией в нарды или пятикарточный покер, время которых по многолетней семейной традиции наступало после субботнего ужина, разговор заходил о том, что когда-то дядю Надыра исключили из института за хулиганство. Говорилось об этом не впрямую. Родственники обменивались короткими фразами, понятными лишь человеку, посвященному в семейные неурядицы, о которых не принято говорить с посторонними, хотя в самих этих неприятностях, кой вернее было бы назвать казусами, не было и не могло быть ничего постыдного и непристойного.

И само упоминание этой истории, разумеется, в отсутствие ее героя, со временем стало частью семейной традиции, собирающей раз в неделю под одной крышей родню первого, второго и третьего колена. По негласному договору, базирующемуся, по всей вероятности, на воспитательных резонах, нас, детей, в подробности не посвящали.

Позже я узнал причину того, почему дядя Надыр добровольно-принудительно покинул биологический факультет университета, от первоисточника.

– Мы разошлись во взглядах на вивисекцию, – объяснил он, – и мне пришлось покинуть университет.

Дядя Надыр рассказал мне, что вивисекция – вещь для науки чрезвычайно необходимая, но очень жестокая. И поэтому при проведении вивисекции настоящий исследователь ни в коем случае не должен позволять себе шутить и глумиться над предметом опыта, в случае, о котором идет речь, это был кролик. А один из соисследников дяди Надыра, не вняв его увещеваниям, продолжал отпускать грязные остроты в адрес невыносимо страдающего зверька, и тогда дяде Надыру пришлось призвать этого студента к порядку.

– Всего один раз бутылкой ударил, – уточнил дядя Надыр. Он тяжело вздохнул и махнул рукой, выразив тем самым свое отношение к излишней суровости наказания. – И мне пришлось покинуть университет, – закончил он свой короткий рассказ, дав понять тоном произнесенного о крайней нежелательности дальнейших расспросов.

Дядя Надыр часто приходил к нам в гости, мне же никогда не доводилось бы-

вать в его жилище. Знал только, что, как и полагается настоящему ученому-исследователю, живет он один в маленьком доме на побережье. Дядя Надыр был холост, а родители его умерли очень давно.

Иногда во время школьных каникул, чтобы не оставлять ребенка одного, меня приводили на работу к дяде Надыру и оставляли там на весь день.

Я с нетерпением ждал этих посещений, потому что обожал зоопарк и очень любил оставаться в нем надолго. Я мечтал когда-нибудь поселиться в зоопарке, конечно, я прекрасно понимал, что простому мальчику, даже если он родственник дяди Надыра, никогда не разрешат за просто так жить в таком замечательном месте, и уж тем более не выделят служебную жилплощадь на его территории, а поэтому твердо решил, что когда вырасту, непременно стану зоологом.

Особенно хорош зоопарк бывал в августе, когда наступала изнуряющая, зевающая, чудовищная в своем неумолимом зное бакинская жара. В такую погоду посетителей в зоопарке практически не бывало, ни один нормальный человек в такую погоду добровольно в зоопарк не припрется, а что может быть прекрасней зоопарка без людей.

В тот день их, людей, в зоопарке было двое – я и дядя Надыр.

Никто не отвлекал меня от наблюдений за обитателями зоопарка и дядей Надыром, всегда увлекательно смотреть, как работает профессионал.

В тот день дядя Надыр занимался Неуловимым. Он метко обрабатывал Неуловимого водой из шланга, следя за тем, чтобы живительная струя воды, не пропуская ни единой части, равномерно перемещалась по Неуловимому. Неуловимый в свою очередь радостно похрюкивал и ловко, с присущей ему особой грацией, подставлял под струю разнообразные части своего тела.

– *Hippopotamus amphibious*, – дядя Надыр знал множество научных терминов, именно так на древнем латинском языке называются эти животные. Обитают они в теплом, с повышенной влажностью климате, и дядя Надыр имеющимися подручными средствами самоотверженно пытался воссоздать среду мелкого пресноводного водоема южных широт нашей планеты, где и спасаются от тропического зноя африканские карликовые бегемоты.

Дядя Надыр очень любил животных и делал все, что в его силах, чтобы им жилось в зоопарке хорошо и комфортно. Однажды он даже побил одного работника, который воровал у зверей еду.

– Вы коллеги? – спросил я у дяди Надыра, когда узнал об этом инциденте, – он тоже прикладной зоолог?

– Разумеется, нет, – с улыбкой ответил дядя Надыр.

Смуглый, жилистый, пропорционально покрытый шерстью, обнаженный по пояс – на нем были надеты только старые потертые треники – босой человек и покорно стоящее перед ним дикое, но уже без пяти минут одомашненное млекопитающее. Творец и природа, человек и брат меньший, пастьба и овца, создатель и космос – фреска творения на материале зноного полдня в бакинском зоопарке.

Наблюдая за происходящим из-за ограды вольера – заходить за ограждение мне было категорически запрещено – я вдруг увидел, что взгляд дяди Надыра остановился на каком-то предмете позади меня, и Неуловимый тоже обратил на это внимание, мы оба повернулись и посмотрели туда, куда был устремлен взгляд дяди Надыра. Не знаю, что подумал Неуловимый, но я в первое мгновение решил, что это мираж.

Нечасто на улицах и в скверах нашего города встречаются блондинки. В наших широтах подобный тип женщин редкость, а шансы встретить одиноко бредущую скандинавскую красавицу в такую жару в пустынном бакинском зоопарке практически равны нулю.

Но это был вовсе не мираж. Плавной неторопливой походкой вдоль клеток с парнокопытными в нашу сторону двигалась девушка, красивей которой я раньше никогда не видел.

Она подошла к вольеру Неуловимого и с любопытством посмотрела на происходящее пронзительными голубыми глазами сверху вниз – она была высокой девушкой, и дядя Надыр заглянул в эти глаза, обрамленные светлыми пушистыми ресницами.

Мир на мгновение замер, когда эти двое увидели друг друга, потому что во фреску мироздания вошла женщина. Замер Неуловимый, замер дядя Надыр, замерли цикады и бабочки, и все остальные насекомые, замерла вода, льющаяся из шланга. Я тоже замер, зачарованный происходящим. Я стоял сбоку и, затаив дыхание, наблюдал во все глаза. А потом она поднесла к лицу висящий у нее на груди фотоаппарат «Зенит» и сделала снимок.

Медленно, с гипнотической пластикой, дядя Надыр протянул в сторону незнакомки руку, как бы желая продлить это сладостное мгновение. «Подожди, – прошептал он, – подожди», – а потом дядя Надыр бросил на землю садовый шланг, который держал в другой руке и стремглав бросился прочь. Дядя Надыр бежал к маленькой деревянной будочке, размером метр на метр, где он хранил свой инвентарь, необходимый для ухода за его питомцами.

Он распахнул дверь этого хрупкого фанерного сооружения и, обернувшись на последок с немым на сей раз призывом «Подожди», скрылся внутри, плотно затворив за собой ветхую дверь.

В тот момент я ужасно удивился такому поведению дяди Надыра, потому что совершенно не понимал, что ему могло там так срочно понадобиться и вообще, зачем надо было скрываться, когда все так удачно складывалось. Но уже через несколько секунд дверь распахнулась, и я сразу все понял. На пороге своего служебного помещения стоял дядя Надыр, но облик его был другим, это был прикладной зоолог во всей красе этой благородной профессии. Дядя Надыр был одет в черный костюм и белую сорочку. Никогда бы не догадался, что он предчувствовал этот невероятный день и так тщательно к нему подготовился.

На самом деле наличие костюма объяснялось тем, что вечером дядя Надыр был приглашен на юбилей одного нашего дальнего родственника, дядя Буллы, костюм и рубашку он принес на службу, чтобы не возвращаться домой, а свои черные туфли сдал в починку, их он собирался забрать после работы, и поэтому дядя Надыр был бос, но это ни капельки не умаляло его достоинства.

И дядя Надыр подошел к незнакомке, неотразимый в своей элегантности, и со свойственным ему шармом неторопливо завел беседу о животных, что было поучительно и увлекательно, ведь дядя Надыр прекрасно во всем этом разбирался.

Её звали Дайва, и приехала она в Баку из Клайпеды в командировку по заданию редакции журнала «Старость и море» (органа рыболовецкого профсоюза) писать статью об азербайджанской художественной самодеятельности.

И надо сказать, что дядя Надыр ей в этом здорово помог. Все дни пребывания Дайвы в Баку они с дядей Надыром были неразлучны, и он постоянно устраивал для

неё показы разнообразной художественной самодеятельности. До знакомства с Дайвой я и представить себе не мог, сколько наших родственников и знакомых умеют петь, музировать и исполнять народные танцы. Мне тоже пришлось выступать, когда Дайва пришла к нам в гости, я «с выражением» прочитал стихотворение Роберта Рождественского о войне. Дайва тогда сказала, что у меня есть актерские способности, и спросила, кем я хочу быть. И я ответил, что твердо решил посвятить свою жизнь зоологии.

Через неделю Дайва уехала к себе в Клайпеду, какое-то время они с дядей Надыром переписывались, но со временем перестали. После того случая за дядей Надыром закрепилась в семье репутация знатока женской психологии, ловеласа и сердцееда, именно в этом, по мнению родственников, была причина того, что дядя Надыр так и не связал себя узами брака. Наверно, так оно и было.

– Никогда не понимал, как человеку удается 25 лет подряд любить одну женщину, – произнес дядя Надыр, поднимая тост на серебряной свадьбе нашего троюродного дяди Азима. Тогда тетя Лейла, по-моему, несколько осерчала на дядю Надыра. Я случайно слышал, что она назвала его фривольным типом. Она так и сказала маме: «При всей моей любви к Надыру, всё-таки должны быть какие-то рамки и приличия, он просто необузданый фривольный тип, хоть и родной человек».

Потом я вырос и уехал учиться в Москву. Со временем родственники стали собираясь на семейные посиделки не столь регулярно, как во времена моего детства, сократив общение до значительных праздников и юбилеев.

Шли годы, и как-то, вернувшись погостить на родину, я решил навестить дядю Надыра. Последние лет двадцать я его видел редко, знал, что он вышел на пенсию и в городе практически не бывает, телефона у него в доме не было.

Трава и почки на ветках деревьев только начали свой путь к солнцу под пение птиц и стрекот проснувшихся после зимней спячки сверчков. В поселке Мардакан пахло весной.

Я очень обрадовался, когда еще издалека увидел сидевшую на крыльце дома мужскую фигуру и резвившуюся возле собачонку. При моем приближении щенок с лаем бросился ко мне, но не как надлежит бросаться при появлении незнакомца дворовой собаке, а по-приятельски, словно заранее учаяв во мне человека не постороннего.

Лысый старик не подал виду, что не сразу узнал меня. Вернее, узнал-то он меня немедленно, просто вначале не сумел разглядеть, его не вытекший после болезни глаз практически не видел.

Дядя Надыр очень обрадовался моему появлению. По его словам, чувствовал он себя превосходно, неудобство доставляло лишь ухудшившееся с возрастом зрение (читать он мог только с лупой) и хромота – ходил он, опираясь на палку. В остальном же он был очень доволен жизнью. В последнее время он увлекся выращиванием экологически чистых продуктов. Дядя Надыр с гордостью показал мне несколько грядок с помидорами, огурцами и редисом.

Он растопил самовар, и мы стали пить чай. Дядя Надыр очень заинтересовался темой моей докторской диссертации и горячо одобрил предмет исследования. Его тоже всегда волновали африканские носороги.

– Поразительные животные эти носороги, у нас в зоопарке их не было, и мне никогда не приходилось иметь с ними дело, – сказал он.

Дядя Надыр подробно расспросил меня о моих многолетних наблюдениях за

этими древними животными в Намибийском заповеднике и высказал надежду, что моя диссертация будет иметь должный научный резонанс. В будущем он настоятельно советовал мне заняться карликовыми носорогами, обитающими в горных районах Малайзии.

– Практически неизученный вид, – доверительно сказал дядя Надыр. – *Dircreorhinus sumatreinus*.

Он подробно расспросил меня о моей личной жизни и, узнав, что со своей будущей женой, журналистом по профессии, я познакомился в одной из своих экспедиций, удовлетворенно кивнул.

С помощью лупы он внимательно изучил небольшую фотографию, где мы с женой были запечатлены на фоне водопада Виктория, и явно остался доволен увиденным.

– Я всегда говорил, что мужчина-зоолог привлекает красивых женщин, – констатировал дядя Надыр. Он помолчал, думая о чем-то своем, а потом добавил: – Знаешь, сейчас я, конечно, не тот, что в былые годы, но всякий раз, когда побреюсь и выйду пройтись по городу, две-три за мной идут...

Это был последний раз, когда я видел дядю Надыра. На похоронах меня не было, я узнал о его смерти через неделю после того, как его не стало.

О смерти дяди Надыра властям сообщила туристка из Норвегии Гудрум Эпштейн. Именно она нашла дядю Надыра на улице, стала кричать, привлекая внимание прохожих. Она оставалась с телом дяди Надыра до приезда скорой помощи, а потом поехала в морг, где находилась, пока не приехали родственники, это была тетя Наргиз, внучка тети Севы, кузины его покойной матери.

Гудрум Эпштейн приехала в Баку на экскурсию и познакомилась с дядей Надыром совсем случайно. В далеком 1965 году она победила на конкурсе красоты и получила приз «Мисс Осло».

Ни под каким видом дядю Надыра нельзя было назвать человеком голословным, все его утверждения основывались на многолетних наблюдениях и практических опытах. Профессия зоолога привлекает красивых женщин.

Зебра с белыми рыбками, или Бобо в ставке Гитлера

Всё началось ни с чего, так, на пустом месте. Точнее, на пустой стене, на той стене, которая в гостиной, справа от окна.

Хотя, нет, всё началось с того, что мой друг Алик с женой пришли к нам в гости. Мы сидели и ужинали. Я, Соня (Соня – это моя жена) и Алик с Сайдой. Детей – у меня два сына четырёх и семи лет – не было дома. Накануне я дал согласие своей тёще на то, чтобы она забрала их на дачу отдохнуть.

Хотя, если быть совсем точным, началось всё за неделю до того ужина.

В тот день я сидел дома один. Я люблю одиночество. Когда я один, мне лучше думается, стоит одному немного побывать, как сразу что-то в голову приходит, осеняет, можно сказать. В тот день Соня пошла в парикмахерскую делать прическу, ма-

никюр и педикюр, она каждую неделю этим занимается, я не возражаю. Наоборот, убеждён, что наряду с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства забота о внешности – первейшая обязанность примерной супруги. Так вот, она пошла в парикмахерскую, а я, оставшись в одиночестве, сидел в гостиной и зыркал на стенку, которая возле окна. Зыркал, зыркал и придумал замечательную штуку. Я всё хорошо обмозговал, но ничего не говорил, а на ужине, о котором идёт речь, я подробно рассказал о своём новом проекте. Как раз подвернулся хороший момент, разговор зашёл о предстоящем ремонте. Я забыл сказать, что мы с Соней собирались делать ремонт у себя в квартире, так вот, когда заговорили о предстоящем ремонте, и дамы сошлись во мнении, что сиреневый итальянский мрамор в ванной предпочтительней, чем серый испанский, я мягко вступил в беседу:

– А на этой стене, – сказал я, предвкушая, как это будет воспринято, – я нарисую зебру с белыми рыбками.

Вот в тот момент, когда я это произнес, всё и началось.

Я был уверен, что Соня, моя жена, близкий мне человек, не посторонний никак, обрадуется. Вовсе нет, она не обрадовалась, напротив, сделала вид, что не обратила на мои слова никакого внимания. Тогда я объяснил более подробно, что это будет такая роспись на стене. Я указал на стену справа от окна и разъяснил, что на картине будет изображена зебра с белыми рыбками. Я терпеливо пояснил, что нарисую множество белых рыбок, количество их ещё предстоит обдумать, на фоне зебры. Я уточнил, что это будет не полностью зебра, а только её часть, большая часть – туловище – а на его фоне белые рыбки. Надо сказать, я сразу понял, что зебру не следует рисовать полностью, что это должна быть не какая-то конкретная зебра, которую можно узнать, а образ. Поэтому следует ограничиться частью тела, а не туловищем полностью.

Я по натуре своей человек тонкий, любую ситуацию понимаю без слов. И должен сказать, что то, как моя супруга Соня, с которой мы стоим в законном браке, на меня посмотрела, мне не понравилось. Совсем неправильно это, когда жена себе позволяет при людях на мужа родного так смотреть. Конечно, жена на мужа так смотреть не должна и когда они вдвоём, и даже если муж крепко спит, не должна этого допускать. Если бы я вдруг узнал, что моя жена Соня на меня такие взгляды бросает, когда я сплю, мне бы это ужасно не понравилось. А что говорить, если я не сплю, а бодрствую, да ещё в кругу знакомых. И поэтому я счёл необходимым не оставлять это без внимания. Я сказал, очень вежливо и мягко сказал, не называя никого конкретно, что любой образованный и интеллигентный человек непременно сумел бы оценить идею с зеброй и рыбками. Сказал, что даже не очень образованный и интеллигентный человек сразу бы догадался, в чём тут дело. Сказал, что тот самый человек, который безуспешно выдаёт себя за интеллигентного и образованного, мог бы хотя бы сделать вид, что понимает, о чём идёт речь...

И тут Алик заговорил об обоях, сказал, что лично он предпочитает шероховатые и мягких тонов. Отвлёкшись от воспитательной беседы с женой, я сообщил, что думаю о людях, столь тонко разбирающихся в оклейке стен. Возможно, я и был излишне резок, но только потому, что вся эта ситуация со взглядами Сони и темой, выбранной Аликом, стала меня ужасно раздражать. Нельзя же быть снисходительным до бесконечности. Я объяснил, что мещанский вкус, усугублённый слепым потаканием своей супруге, приводят к полной деградации личности и, как следствие этого, к полному её, личности, саморазрушению.

Разумеется, я никого конкретно не называл. Я всегда подчёркнуто вежлив, вне зависимости от того, кем является мой собеседник. Об этом я тоже упомянул. И Алик с Саидой засобирались домой. Как-то сразу засобирались. Саида вдруг сказала: «Ну, нам пора, нам пора!» Они оба вскочили и быстро направились в прихожую. Впереди Саида, за ней Алик, а Соня их провожала. А я остался в комнате один и стал смотреть на стену, где будет изображена вся эта красота.

В тот вечер мы с женой не разговаривали. Соня убрала со стола, вымыла посуду и легла спать. А я сел работать, и к утру у меня уже были готовы эскизы, пять штук. Тогда я пошёл на кухню, сварил кофе, поставил кофейник на поднос, принёс его в спальню, тщательно всё приготовил и разбудил жену. Я умею прощать, никогда не стоит таить обиду на женщину. Я думал, что Сонечка обрадуется, когда приснётся и увидит любимого мужа, который сварил ей кофе. Я думал, она просмотрит эскизы, выберет, какой ей больше по душе, и мы вместе всё обсудим. Я, правда, собирался обсудить с ней это. Я сказал: «Сонечка, просыпайся, мой зайчик-зазнайчик, просыпайся, моя голубушка-лебедушка, гулю-гулю...» Через некоторое время она на конец проснулась и перевернула кофейник. Я её успокоил, сказал: «Ничего, ничего» и показал на эскизы, которые на верёвочках развесил вокруг кровати. У женщин потрясающая способность задавать абсурдные вопросы. Моя жена спросила: «Который час?» Смешно, правда?

— Половина пятого, — ответил я, посмотрев на часы, и снова указал на эскизы. А Соня сказала: «Господи, сколько это будет продолжаться?»

Я подумал и сказал, что по моим подсчётам на саму роспись уйдёт, как минимум, неделя, конечно, ещё два-три дня надо поработать над эскизами, и сразу оговорился, что всё, разумеется, зависит от вдохновения. «Но сейчас, — успокоил я Соню, — я чувствую его прилив».

А Соня спросила: «Когда это кончится?»

Я ответил: «Не знаю, вдохновение такая вещь, что никогда нельзя быть уверенным до конца, но надеюсь, что этот прилив будет долгим».

Проснулся я поздно, что не удивительно — работал всю ночь.

И как только вошёл в ванную, понял, что Соня опять от меня ушла. Не было её зубной щётки. Она всегда, когда к родителям своим от меня уходит, прежде всего забирает средства личной гигиены.

Отсутствие жены и её туалетных принадлежностей навело меня на мысль, что вскоре последует обычное для подобной ситуации событие.

И точно, вечером того же дня раздался звонок в дверь, и в квартиру вошёл мой тесть Назим Джабраилович. Я пригласил его в гостиную и извинился за беспорядок. Дело в том, что хотя окончательный вариант не был ещё готов, я решил заранее освободить стену для предстоящей работы, снял все фотографии и сувениры, которые были на ней развесаны, и отодвинул мебель.

Со скорбным лицом тесть сообщил мне, что Соня уехала на дачу к детям, где они отдыхают с её матерью. Я сказал, что уже догадался, потому что нет Сониной зубной щётки. Назим Джабраилович посоветовал мне прекратить шутить по столь серьёзному поводу. Я сказал, что вовсе не шучу, так как всегда ценил в своей жене чистоплотность.

Потом я подробно рассказал ему о зебре и показал набросок.

Разумеется, я не рассчитывал, что человек с интеллектом моего гостя меня поймёт, но из уважения к возрасту постарался объяснить всё достаточно доходчиво.

В ответ он прочувственным голосом заговорил о долге перед семьёй.

При чём здесь долг перед семьёй? Зебра – это безобидное травоядное животное, от рыбок тоже никому вреда ещё не было. Многие люди держат рыбок в аквариумах. Так при чём же здесь долг перед семьёй? Никакого ущёरба моей семье от этих зверушек быть не может, я же не враг своим близким. «Может, ваша дочь просто не любит животных?» – спросил я.

А Назим Джабраилович сказал мне, что его дочь, моя жена, святая, а вот мне давно уже пора взяться за ум. Потому что это переходит всякие границы, если человек мало того, что не хочет работать, еще разрушает свой дом и рисует на стенах чёрт знает что.

Я спросил, что значит, «чёрт знает что», и снова показал ему один из эскизов. Он внимательно посмотрел, а потом заговорил замогильным голосом – он всегда после прочувственного голоса переходит на замогильный. В чём разница, объяснить довольно трудно, надо знать моего тестя, но отличие существует.

Прочувственный голос остался у него со времён советской власти, с тех дней, когда он пользовался любой возможностью, чтобы прийти в гости к моему отцу и очень радовался, если это ему удавалось. Тогда за ним водились кое-какие безобидные странности. Например, всякий раз, услышав слово «золото», он вздрагивал и говорил: «Тише-тише», или «Не надо об этом», или «Все мы не без греха». Вне зависимости от контекста, даже если речь шла вовсе не о металле. Например, «золотые руки» или «золотой человек» – он всё равно пугался.

А потом наступила демократия и выяснилось, что он вовсе не делец теневой экономики, а бизнесмен иуважаемый член общества, который не нуждается ни в чём покровительстве. Вот тогда-то он стал использовать для общения замогильный голос, искренне полагая, что он больше соответствует его новому образу.

Назим Джабраилович сказал, что мой отец меня бы не одобрил.

А я сказал, что папе определенно понравилось бы – папа всегда любил животных. «Вы же с ним часто общались», – напомнил я.

Тогда он почему-то закричал, чтобы я не смел его оскорблять.

Наверное, он воспринял на свой счёт. Я, разумеется, не хотел его обижать и потому сказал: «Да нет, вы не так поняли. Я не о вас, хотя папа и к вам всегда хорошо относился. Несмотря ни на что...»

Сказав прочувственным голосом: «Ну, хватит», он ушел.

Я опять остался один и вновь хотел взяться за работу, но тут обнаружил, что этот нелепый визит вспугнул вдохновение. Всегда так: как что-то путное приходит в голову, вмешивается быт.

В последний раз, когда я испытывал творческий прилив, если так можно выражаться, мне пришлось даже уволиться с работы. Я сразу понял, что для писателя главное – возможность уединиться со своими мыслями. Не было никакой возможности одновременно ходить на службу и писать повесть. И что вы думаете, мои родственники донимали меня бесконечными упрёками, доказывая, что мне не следовало уходить с работы и сидеть дома.

Мой тестя, например, на полном серьёзе утверждал, что когда выдавал за меня свою дочь, был убеждён, что я буду зарабатывать деньги и делать карьеру. Смешно, правда?

Я объяснил, что карьера и социальный успех меня никогда не волновали, что

по своей натуре я человек созерцательный и упомянул о том, что он до-
гадывался, в чём моё истинное предназначение, когда выдавал дочку замуж.

Тесть сказал, что у сына такого человека, как мой отец, мир его праху, предназначение могло быть самое завидное, замечательное предназначение могло бы быть, самое лучшее из всех предназначений на свете. Он сказал, что при желании я смог бы стать даже генеральным прокурором. (Вот, оказывается, о чём он мечтал, когда выдавал Сонечку замуж.) А вместо этого я разбазариваю имущество, нажитое моими предками, и не могу продержаться больше полугода ни на одной работе. Тут он говорил правду. Когда работа мне неинтересна, я сразу увольняюсь.

Очень деликатно я намекнул на то, что часто в подобных случаях состоятельные родственники жен непризнанных на первых порах художников и литераторов помогали их семьям, получая, благодаря этим незначительным материальным затратам, блестящие перспективы войти в недалёком будущем в историю мировой или, на худой конец, национальной культуры.

«О некоторых людях, после того как они умрут, потомки вспоминают только благодаря тому, что при жизни они являлись тестями кого-то из выдающихся живописцев или прозаиков», – мягко сказал я, скромно не называя ни чьих имен.

Мне польстило то, что Назим Джабраилович сразу воспринял это на свой счёт.

Мой тесть сказал, что его интересуют только его собственные потомки, а посторонние потомки ему глубоко безразличны. И беспокоит его не их память, а что его потомки, мои дети, будут после него, Назима Джабраиловича, смерти кушать.

Я его успокоил, объяснил, что поскольку, судя по всему, в ближайшее время он умирать не собирается, то и беспокоиться незачем. Повесть скоро будет закончена. И не только повесть! Когда мне в голову пришла идея этой сногшибательной новеллы, я сразу понял, что издам её отдельной книгой, даже набросал макет обложки и картинок. Но потом, в процессе написания, я осознал, что её необходимо немедленно переработать в киносценарий. Излишне, разумеется, упоминать, что гонорар за фильм должен был многократно превысить ту сумму, которую мне удалось бы заработать каждодневным хождением на работу и всякой подобной рутиной.

Тесть спросил, о чём книга. Но я не стал рассказывать, сказав, что это будет сюрприз. Никому ничего не рассказывал, хотя временами очень хотелось с кем-нибудь поделиться. А когда закончил, посадил свою любимую жену Соню в кресло, поставил на столик бутылку шампанского, включил торшер, закурил трубку, – в то время я стал курить трубку, – и прочитал рукопись вслух.

В повести рассказывалось о двух советских разведчиках, которые работают в ставке Гитлера. Они выросли в Баку, учились в одной школе и за годы учёбы так здорово выучили немецкий язык, что их заслали в Германию под видом коренных немцев. Это получилось в результате цепочки умопомрачительных, в прямом смысле этого слова, совпадений. Один из них музиковал на скрипке, а у другого была собачка по имени Бобо. Шпиц. Эту собачонку разведчик взял с собой в Германию для конспирации. В качестве связного. А ещё у него осталась в Советском Союзе младшая сестра, в которую его друг был безумно влюблён.

И вот потом, в конце повести, тот, у которого была собака, спасает товарища и выполняет важное правительственное задание: похищает в ставке Гитлера очень ценную компьютерную дискету, но при этом трагически погибает. А его товарищ возвращается на родину и женится на младшей сестре своего друга.

В финале они сидят за столом под портретом погибшего героя в форме СС –

других фотографий не сохранилось, и оставшийся в живых разведчик рассказывает своей возлюбленной о последних минутах жизни её брата. А собачка Бобо, которую удалось вывезти из Берлина обратно на родину, сидит рядом и слушает; а когда он закончил свой рассказ, собачка подняла двумя лапками рюмку, выпила и заплакала, а герой взял скрипку и заиграл.

Когда я прочитал повесть Соне, она сказала, что это неправдоподобно, что собаки не пьют из рюмок, что даже в цирке такого не бывает, не то, что на фронте. Смешно, правда?

Неужели интеллигентный и образованный человек не понимает, что писатель имеет право на вымысел и преувеличение. Я не стал ей ничего объяснять о литературных метафорах и аллегориях, а просто посоветовал прочитать хоть несколько книжек, если раньше у неё не нашлось на это времени. Я даже составил специальный список, в него вошли «Граф Монте-Кристо» Дюма-отца, «Машина времени» Герберта Уэллса и народный эпос «Калевала». Соня прочитала список и в очередной раз переехала с детьми к родителям.

На следующий день после того случая ко мне зашли тестя с тещей. Выяснилось, что Соня забрала с собой копию рукописи. Новелла произвела на Назима Джабраиловича сильное впечатление. Тестя изменил своё мнение насчёт моего решения уйти со службы. Он сказал, что хоть и было чрезвычайно трудно устроить меня на работу в министерство, но я поступил правильно, уволившись добровольно.

Он также очень настоятельно посоветовал не показывать повесть никому, кроме очень близких людей, потому что в наше время всё возможно и идею могут за-просто украсть.

Тёща ничего не говорила, но я заметил у неё в глазах слёзы. Я спросил: «Вы, наверное, вспомнили финал?» – и показал, как собачка берёт лапками рюмку. Тут она окончательно разрыдалась, тестя принял её успокаивать, а она почему-то кричала: «Это всё ты виноват, я с самого начала была против!»

Вот она – сила литературы!

Во вторник окончательный эскиз был готов. Мне удалось найти бесспорное со-отношение: четыре полосы и одиннадцать рыбок. Вечером того же дня я сходил в ко-миссионный магазин и договорился насчёт мебели.

В среду, когда грузчики, наконец, вынесли из квартиры этот аляповатый гар-нитур, подаренный нам на свадьбу, я понял, что могу работать спокойно.

В четверг я раздобыл стамеску и за два дня очистил стену от обоев.

В пятницу меня навестил Алик.

Обычно художник не любит, когда его беспокоят в процессе работы над рос-писью, но Алику я был рад. Как всё-таки велико желание простого человека быть со-причастным к процессу творчества. Только я впустил его в квартиру, он сразу взял веник и стал подметать пол.

Выглядел он встревоженным, всё время интересовался, как я себя чувствую и не нужно ли мне чего-нибудь.

Я сказал, что мне нужны только деньги, чтобы купить хорошие краски и кисточки. Хоть Алик и скуповат, но он с готовностью согласился. Сказал: «Не волнуйся, не волнуйся» и положил деньги на стол. При этом он почему-то взял лежащую там стамеску и спрятал в карман. Смешно, правда?

Беспокоится о моём самочувствии, а сам на нервной почве стал таким рассе-

янным, что не отдаёт отчёта в собственных поступках.

Я так и сказал: «Алик. У тебя стресс, Алик».

А что ещё может быть, если целыми днями рыться в вещах посторонних людей. Я посоветовал ему непременно поменять профессию.

«Займись орнитологией, Алик, – сказал я. – Замечательное занятие. Сидишь с биноклем и смотришь на птиц. Тебе понравится».

Он обещал подумать, но мне не верится, что он найдёт в себе силы уйти с таможни. Нужна сила воли, чтобы изменить свою жизнь.

Орнитологией занялся я сам, причём очень скоро, буквально через пару дней. Из-за того, что в последнее время я работал, не жалея сил, пришлось обратить внимание на своё здоровье и переехать в пансионат за городом.

Здесь очень мило, всё сделано для того, чтобы постояльцев ничто не беспокоило. Временами забота о нашем спокойствии кажется мне чрезмерной, на мой взгляд, решетки, установленные на окнах, излишни. Раз в день меня водят на прогулку в сад, я сижу на лавочке и кормлю крошками голубей. Мой доктор, Ефим Михайлович, согласен со мной в том, что это очень увлекательное занятие. Мы подолгу беседуем с ним о моём творчестве. Общение чрезвычайно содержательно, все наши разговоры он предусмотрительно записывает на диктофон – думаю, хочет со временем издать книгу. Смешно вспомнить, как я сопротивлялся, когда меня сюда везли.

Приезжал мой тесть.

Сказал, что в мое отсутствие они привели квартиру в порядок. Я спросил, сохранилась ли роспись. Он посоветовал мне не нервничать. Я и не нервничаю, эскизы у меня остались, и я всегда сумею всё восстановить. Доктор утверждает, что через две-три недели я смогу вернуться домой.

Мой старший сын передал мне с тестем рисунок. Это меня очень тронуло: нарисованный акварелью кораблик плывёт по волнам, на палубе стоит человечек, сверху кучевые облака. У мальчика явные способности к живописи. Мой отцовский долг велит мне серьёзно поговорить с ним. Я скажу своему сыну: «Сынок, – скажу я. – Жизнь художника – тяжёлая жизнь. Подумай лучше о чём-нибудь другом. Всем будет спокойней».

Он очень смышлённый, может, со временем станет генеральным прокурором.

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

МИСТИЦИЗМ ГОГОЛЯ

«Нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России, и нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас, – пишет М.Горький. – Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстром построенном храме по сей день ярко горят умы великой красы и силы, сердца святой чистоты – умы и сердца истинных художников».

Причину поразительного всплеска эстетических ценностей в России в XIX веке один из писателей русского зарубежья Вл.Набоков связывает с невероятной скоростью духовного роста России, которая в это время достигла уровня старой европейской культуры. У Набокова, в отличие от советских авторов, иное видение предмета. В своих «Лекциях по русской литературе» он придает важное значение жизнеописаниям писателей и поэтов, ибо зачастую, как мыслит писатель – эмигрант, нельзя должным образом воспринять художественное произведение писателя, не зная его жизни, условий формирования и развития личности.

В этой связи особого внимания заслуживает мысль выдающегося французского философа-идеалиста XX века Анри Бергсона, заключающаяся в том, что «творческая эволюция не мыслима без философии духа», т.е. важно познание духа, внутреннего мира художника.

В русской литературе в тщательном изучении духовной сущности нуждается Н.В.Гоголь,, относящийся к «яркому созвездию великих имен России».

Н.В.Гоголь часто жаловался на свое нравственное состояние, душевную неуравновешенность.

Душевные муки Гоголя долгое время находились в тени знаменитого письма В.Г.Белинского, в тени оценки, данной великим критиком «Выбранным местам из переписки с друзьями», пока спустя столетие не появилась замечательная книга русского писателя, врача по образованию, В.Вересаева (1867-1945) «Гоголь в жизни». Книга эта проливает свет на многое в трагической судьбе гениального русского писателя.

«Я не знаю ни одной работы о Гоголе, вышедшей в ХХ веке, которая превзошла бы книгу «Гоголь в жизни» по богатству материала, по общей культуре отбора свидетельств, по культуре знания, наконец. То, что мы имели за прошедшие десятилетия, нашло характер надзора за Гоголем, проработки Гоголя за «ошибки» и снисходительного поощрения его художественных заслуг, никак не связанных ни с его судьбой, ни с историей его души», – пишет в предисловии к этой книге известный литературовед И.Золотусский.

Книга аналогична другой широко известной работе В.Вересаева «Пушкин в жизни», которую автор считал одной из самых значительных своих книг.

В книге В.Вересаева, построенной в основном на письмах и воспоминаниях, сообщениях и рассказах, как самого Гоголя, так и всех его друзей, раскрываются причины болезненных отклонений, так или иначе повлиявших на жизнь и творчество писателя.

Религиозность стала неотъемлемой частью мироощущения Гоголя с детства, развив в нем ипохондрию (психическое заболевание, выражющееся в навязчивой идее болезни и сопровождающейся крайне неприятными ощущениями в различных частях тела). Ставшее обычным меланхолическое и угнетенное состояние души преследовало Гоголя всю жизнь. Кроме телесных болезней, он к тому же испытывал нравственный недуг. Ведь дело писателя неразрывно связывалось в представлении Гоголя с «делом души».

Гоголь искал спокойствия души в религии. Выдвигали даже гипотезу о том, что он скончался

несколько глав поэмы «Мертвые души», исходя из христианского смирения и стремясь к покаянию за созданное им.

Ранняя вера его в Страшный суд, в возмездие за греховность человека (*Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено...* – говорит устами Городничего в «Ревизоре» Гоголь), рассказы матери о Страшном суде, по словам Гоголя, пробудили в нем «всю чувствительность и заронили самые высокие мысли».

«Если бы вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что все успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся, – так мыслил Гоголь в минуты душевного подъема и творческого вдохновения. – Теперь я принял за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литьсятише истройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили».

Веря в предопределение, Гоголь-гимназист перед отъездом в Петербург говорит своим родным и близким: или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее.

Он с детства осознает свое высокое предназначение. Сознание соединяется с предчувствием краткости отпущеной ему жизни. Он все время помнит об этом, все время спешит, как спешат жить и его герои, постоянно видящие перед собой лик смерти. Гоголь «бежит от тоски», жалуясь на преследующее его охлаждение, на потерю свежести, меняет страны и города. Странствуя по Европе, он побывал во многих ее городах, однако для жизни избрал Рим. «Европа для того, чтобы смотреть, а Италия – для того, чтобы жить», – говорил Гоголь. Даже Швейцария его не прельщала, зато Италия всегда оставалась любимой страной, климат которой благотворно воздействовал на его слабое здоровье. Здесь он укреплялся духом и телом, обретал покой и душевное равновесие.

В молодые годы призрак смерти, так страшивший Гоголя, отодвигается молодостью, избытком душевных сил, смехом, в котором автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» топит свою печаль.

В ранний период творческой деятельности Гоголь сильно увлекается народными песнями, обычаями жителей Малороссии. Писатель отмечал, что в них заключена вся история народа. В одном из многочисленных писем матери он просит:

«Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычай и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажитесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дядечка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это все называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян; равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей... Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи, или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов и пр. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно».

И на самом деле, присыпаемые фольклорные сведения заносились Гоголем в тетрадь записей «Книга всякой всячины», а затем использовались в его повестях. В них Гоголь уходит в мир украинского легендарно-сказочного прошлого.

«Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов – обольстительного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная, как поцелуй любви», – писал Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835).

Говоря о народности «Вечеров», Белинский отмечал, что в повестях «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь, или Утопленница» и «Заколдованное место» народно-фантастиче-

ское так чудно сливается в художественном воспроизведении с народным – действительным, что оба эти элемента образуют собою конкретную поэтическую действительность, в которой никак не узнаешь, что в ней был и что сказка, но все поневоле принимаешь за былъ. К тому же, как указывает Белинский, гоголевский юмор «не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение, в их числе, стало быть, и уродливые, страшные колдуны, привидения и чудовища».

Чудеса и странные происшествия, проявления всякой нечистой силы были связаны с малороссийскими народными поверьями и преданиями, навеяны сюжетами волшебных сказок, фольклорными мотивами.

«Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки», – писал Пушкин из Царского Села. – Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился».

Из воспоминаний В.Б.Стасова мы узнаем, что «...новое поколение подняло великого писателя на щитах с первой же минуты его появления. Тогдашний восторг Гоголя ни с чем не сравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще не известный никому юмор, – все это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью катуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские выражения: «черт возьми», «к черту», «черт-вас знает» и многие другие сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком».

Громадный успех «Вечеров на хуторе...» внушил ему идею об особенном, «реформаторском», как считал Белинский, его призвании на Руси. Это обязывало и вместе с тем вдохновляло его на дальнейшие творческие поиски.

Окунувшись в стихию столичной суеты, мелких интересов светского общества, духовной окаменелости служебных апартаментов, Гоголь выносит оттуда «Петербургские повести», в числе которых «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего». В этих шедеврах русской классической литературы Гоголь продолжает удивлять читателя странными и невероятными происшествиями, с характерной для Гоголя магией письма.

«Введение в текст «Портрета» фантастики – таинственных сил, фатально вмешивающихся в судьбу художника, хоть и снижает реалистическое звучание произведения, но есть что-то ужасное, роковое, фантастическое в этом таинственном портрете, есть какая-то непобедимая прелест, которая заставляет вас насильно смотреть на него, хотя вам это и страшно. «Портрет» есть неудачная попытка г.Гоголя в фантастическом роде, – писал Белинский. – Здесь его талант падает, но он и в самом падении остается талантом». («О русской повести и повестях г.Гоголя»).

Во второй редакции «Портрета» центр внимания перенесен на трактовку вопросов искусства. Гоголь говорит в своей повести о назначении художественного творчества, о «презренном и ничтожном» в искусстве, об истинных качествах вдохновенного художника, о роли художника-творца и художника-копииста.

С чрезвычайным интересом воспринимается странное и невероятное происшествие с майором Ковалевым, у которого пропал нос. Фантастическое исчезновение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, что вызывает возмущение и негодование его хозяина, и не менее фантастическое его возвращение на свое прежнее место, или же появление призрака Акакия Акакиевича (в повести «Шинель»), крадущего шинели у прохожих на улице, как возмездие за жестокосердие, грубость и пошлость людей, окружающих его при жизни, – проявление того же яркого таланта, но уже не «падающего».

Небезынтересно, что почти все произведения Гоголя подвергались неоднократным переработкам, переделкам, ранним и поздним редакциям, цензурным запретам, изъятиям. Это всегда угнетало Гоголя, вызывала определенные волнения, колебания, смятения, огорчения и

даже потрясения. Так обстояло дело и с одним из его шедевров «Записки сумасшедшего».

Безнадежность задачи Гоголя была обусловлена тем, что он хотел найти свой идеал в примирении с российской действительностью.

Гоголя всю жизнь преследовала тоска, порой талант давил на душу. Чрезмерно требовательный к себе, он не мог оставить после себя что-то недоделанное, не отвечающее его представлению о прекрасном. Для Гоголя, для которого жизнь и смерть сочинения, есть жизнь и смерть писателя, недописанная книга граничит с преступлением, со святотатством художника по отношению к своему призванию, – и поэтому в 1845 году он скрывает второй том поэмы «Мертвые души», будучи не удовлетворен им.

Грандиозный замысел второй части заключается не столько в разоблачении русской действительности, сколько в положительных идеалах. Гоголь писал: «Что пользы поразить по-зорного и порочного, выставив его на вид вам, если не ясен в себе самим идеал ему противоположного, прекрасного человека...»

По собственному признанию писателя, в «Мертвых душах» он хотел не только показать Русь «со всех сторон» (что само по себе было колossalной задачей), но «засветить миру», т.е. просветить мир, выдвинуть новые идеи и указать пути и дороги для будущего развития России. Именно к этому призывал и ждал от него Белинский в своем гневном и сокрушительном письме.

«Вы хотите небесным путем достичь земной цели.

И это от того, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек. И это не потому, чтобы вы не были мыслящим человеком, а потому, что вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому что в этом прекрасном далеке вы живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя... Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности.

Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства.

Болезненной боязни смерти, чёрта и ада веет от вашей книги».

Уход в мистицизм, в ирреальный мир – во «вторую действительность», воспринятый окружающими как «измена искусству» (слова Белинского), на самом деле было для Гоголя единственно возможным путем осуществления своего грандиозного замысла, который в его сознании был неотделим от духовной и нравственной силы самого писателя. Совершенное произведение искусства может создать только нравственно безупречный художник, как полагал Гоголь.

Обращение к ирреальному миру, призракам, к сверхъестественным явлениям, чудовищам, колдунам, бесовской и сатанинской силе, их образное воспроизведение на основе народных поверий и сказов было наиболее характерно для раннего периода творчества Гоголя. Однако какое бы произведение Гоголя мы ни взяли, там есть суд и наказание, есть предшествующее этому суду разоблачение, покаяние, слезы.

Возмездие ждет городничего в «Ревизоре», Чичикова в «Мертвых душах». Возмездие витает над головой бедного Пискарева из «Невского проспекта» и Чарткова из «Портрета». Гром возмездия разражается над Ковалевым в «Носе» и над значительным лицом в «Шинели». Не говоря уже о колдуне в «Страшной мести», о судьбе философа Хомы Брута в «Вие», об Андрии в «Тарасе Бульбе», об участии Петруса в «Ночи накануне Ивана Купалы».

Грех, вина наказываются публичным осмеянием и фиаско, а иногда и смертью. Но, как правило, человек у Гоголя перед всеми этими событиями сам сознает ужас своего проступка и готов предстать перед судом.

Не Вий – страшное чудовище – убивает героя Гоголя, а страх Хомы Брута, что он переступил черту, т.е. черту, за которой следует смерть (несчастный Хома, сбившись с толку, спутал заклинания, могущие спасти его от смерти).

Такова философия духа писателя – мученика – одного из великих имен России.

Мы попытались разобраться в духовном кризисе гениального поэта, раскрыть причины

его духовно нравственных мучений, ухода Гоголя во «вторую действительность» – ирреальный мир образов и идей.

Духовный кризис писателя был вызван сокрушительным письмом Белинского, его идеиними внушениями о «реформаторском» призвании Гоголя, могущего стать защитником и спасителем от русского самодержавия, что представляется невозможным в силу незнания Гоголем многих вещей в России, и нынешнего русского человека на разных степенях своих мест, должностей и образований, а, следовательно и неумении найти идеал прекрасного человека и тем самым указать путь для будущего развития России.

Книга Гоголя «Переписка с друзьями», названная Белинским «гнусной», ее провал и неудача воспринимались Гоголем (как выясняется из «Авторской исповеди») как самая большая трагедия жизни. Она заставляла писателя иначе смотреть на причины общественных пороков, кроющихся в социальном устройстве, а не в нравственном несовершенстве человека, как мыслил Гоголь, вынашивающий идею нравственного переворота.

Вот причина всех мучений и страданий гениального художника, прошедшего сложный и невообразимый путь от славы к непреодолимому духовному кризису и смерти.

P.S. Загадочную смерть Гоголя современники связывали с уничтожением второго тома «Мертвых душ», который автор скрыл, якобы, в припадке безумия. Некоторые усматривали причину сожжения в художественной неудовлетворенности Гоголя результатами труда. Эта точка зрения возобладала в трудах одного из авторитетнейших исследователей жизни и творчества Гоголя Н.С.Тихонравова: «Последнее сожжение второго тома «Мертвых душ» вызвано было тем же строгим отношением художника к своему труду, каким и первое; в основе того и другого приговора лежало справедливое недовольство «выдуманными» образами, их неестественностью». Таким образом, предсмертное сожжение многолетнего труда не было у Гоголя следствием болезненного порыва, нервного расстройства. Оно было сознательным делом художника, убедившегося в несовершенстве того, что было выработано многолетним мучительным трудом. Существует и чисто медицинское объяснение смерти, согласно которому Гоголь умер от тифа, эпидемия которого в то время распространилась в Москве.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Р А С С К А З Ы

Месть раба

Мужчины кучковались на своем обычном месте – на тротуаре у оживленного перекрестка, где потоки машин не оскудевали до самой поздней ночи. Мастеровые словно несли службу, охраняя доверенный им важный участок дороги. Они ждали клиентов. Их компанию в народе прозвали «Quil bazaar» – Рынок рабов. Они и были рабами, готовыми за небольшое вознаграждение работать до изнеможения. Лишь бы хозяин остался доволен и позвал делать еще какую-нибудь работу. Среди них встречались настоящие мастера своего дела. Редко. В основном, мужчины, кормильцы многодетных семейств, учились ремеслу по ходу работы. Ни один из них не смел признаться, что он что-то не умеет делать. Вчерашний крестьянин сегодня проводил электрическую проводку, устанавливал сантехнику, клал паркет. Случались курьезы. Дорогую фарфоровую итальянскую ванну с позолоченными ножками в виде львиных лап один из новоявленных мастеров постарался утопить в цементе, а затем обложить кафельной плиткой. С заказчиком случился микроинфаркт. Ванну выбирала любимая супруга, другую такую могли привезти только через месяц... Самые удачливые смогли купить себе циклёрочные аппараты и занимались хоть и пыльным, однако довольно доходным, по мнению собратьев по цеху, делом – циклевали паркет в домах горожан. Мастеровые, чем-то похожие на стаю ворон, стали частью городского пейзажа. Одетые во все черное, хмурые, они обычно молчали, но когда завязывался разговор, то сиплые голоса разносились далеко.

Машины останавливались редко. Разные: дорогие, сверкающие, как новенькие монеты, и усталые, старые, привезенные со свалок Европы. Опытные мастеровые знали, что хозяева новых машин прижимистее тех, кто разъезжает на старых. Но-вички в этом «бизнесе», как гордо именовали свое занятие рабочие, устремились вперед при виде роскошной длинной акулы, а не машины, под стать вышедшему из нее человеку, поджарому, с заметной мускулатурой под дорогим пиджаком. Он остановился в нескольких шагах от рабочих. Каждый в душе надеялся на то, что незнакомый богач остановит свой выбор на нем, и, кто знает, может, сегодня его дети лягут спать сытыми. Качок внимательно осмотрел повернутые к нему лица и вдруг пошел к одному из мастеровых и похлопал его по плечу, как старого знакомого:

– Эльчин?! Как я рад тебя видеть, давненько не встречались! А я как раз на днях вспоминал тебя! Думаю, чем он занимается? Все надеялись, что ты станешь чемпионом мира! – Мужчина не дождался ответа. Рабочий совсем сник. Растрепянное лицо, несчастные глаза смотрели мимо довольного жизнью хозяина. А тот продолжал говорить, словно не замечая поникшей фигуры Эльчина. – Как хорошо, что я тебя встретил. Собираюсь открыть новый объект и искал надежного человека. Без выкрутасов! Знаешь, да, этих мастеров. Это им не так, то не так! А сами ничего делать не умеют!

Озабоченные лица рабочих помрачнели. Потеряв интерес к потенциальному работодателю, они отошли в сторону.

– А ты не рад мне? Или завидуешь?

Эльчин вспомнил наставления жены, прокричавшей вдогонку: «Без денег не возвращайся, слышишь?! Детям не могу в глаза смотреть».

– Рад я, рад. Я сейчас в этом бизнесе. Строю. Сантехнику могу установить... А раньше у меня магазинчик был. Только прогорел я. Не смог сразу всем дань платить. Сам знаешь, как бывает.

– Знаю! Поедем, по дороге поговорим.

Хозяин сел за руль и, дождавшись, когда Эльчин устроится на переднем сидении, рванул машину, с ходу набравшую большую скорость. Вел машину лихо, прибавляя скорость на свободных участках дороги. «Дорожные знаки – для лохов и для тех, кого дорожная полиция не знает и не уважает». Так он объяснил свою манеру вождения Эльчину. «А меня, слава Аллаху, все, как один, знают, и не просто знают. Некоторые даже обязаны мне!» Он поднял указательный палец, чтобы подчеркнуть свою значительность. Эльчину показалось, что хозяину очень хотелось, чтобы его бывший приятель стал расспрашивать о том, каким чудесным образом он стал не просто успешным богатым человеком – он стал хозяином жизни, способным осчастливить или, наоборот, обездолить любого. Рабочий молчал. Он не раз клал его на лопатки, когда выступал за сборную страны по вольной борьбе! О чем спрашивать?! И так все ясно, как божий день.

Удачливый бизнесмен всегда умел держать нос по ветру. Ему удавалось оказываться рядом с начальством в непростых ситуациях, и всегда – с пользой для себя. Эльчин вспомнил, как когда-то его нынешний работодатель носил портфель за чиновником, от которого зависела судьба команды. Его совершенно не смущали шуточки приятелей. Способность перевоплощаться, которой он обладал в полной мере, упрощала ему многие задачи, с которыми не могли справиться другие спортсмены. Эльчин интенсивно тренировался, что не мешало тренеру все время цепляться к нему и не замечать явных промахов его товарища по команде.

Прошлое, казалось ушедшее безвозвратно, вернулось. Но только на этот раз в виде фарса. Теперь они были на разных полюсах жизни. Его бывший приятель, более чем посредственный спортсмен, стоял на вершине. А он, бывшая олимпийская надежда – в самом низу лестницы, рядом с бомжами, инвалидами, никому не нужными стариками. Эльчин не слушал, о чем с таким упоением рассказывал ему Хозяин.

Выехали за город, промчались по трассе, свернули на разбитую дорогу, ведущую вглубь апшеронского приморского поселка. Высоченные стены заборов закрывали от взглядов посторонних чужую жизнь. Что прячут? От кого скрываются? Эльчин однажды попал в «Замок», как он назвал про себя дачу одного из богатеев. Нелепое трехэтажное аляповато украшенное строение. Башенки, колонны, мрамор, сложные витые украшения – все это кричало об успехе хозяина. Эльчина пригласили для того, чтобы он выложил мраморной плиткой дорожку, ведущую к беседке, устроенной в середине сада, рядом с искусственным озером. Когда слуга хозяина объяснил ему, какую работу от него ждут, то сначала Эльчин не поверил своим ушам. Зачем на даче выкладывать тропинку мрамором? Потом из рассказов прислуги он узнал, что их хозяин заведует конторой, занимающейся реставрацией. Мрамора у них столько, что хозяин уже и не знает, куда бы его еще употребить. Тогда свою работу Эльчин выполнил в срок. Счел долгом предупредить, что во время дождя, или если выпадет

сильная роса, тропинка будет скользкой и по ней лучше не ходить. Владелец Замка посмотрел на него сверху вниз: «Ты еще меня учить будешь?! Занимайся своим делом! Если ты такой умный, почему такой бедный?!». Эльчину очень хотелось ответить, что он бедный потому, что у него есть совесть, но вспомнил о том, что ему еще не заплатили за работу и промолчал. С ним расплатились, но больше не звали. Для него это стало уроком. С тех пор он старался держать рот на замке. Какая разница, что за работу ему предлагают? Самое главное, чтобы платили, а все остальное совершенно не важно. Может, как раз наоборот? Чем больше странных нелепых капризов, тем лучше? Заплатят больше.

Машина выехала на небольшую площадь и припарковалась рядом с ресторанчиком с банальным названием «Сənnət». «Почему никому не пришло в голову назвать ресторан «Сəhənnəm»? Уникальное название, и наверняка посетитель запомнил бы его на всю жизнь. Захотел бы он туда войти? Я бы точно туда пошел. Хотя бы для того, чтобы сравнить мою жизнь с этим «Сəhənnəmом», – подумалось Эльчину.

– Я вижу, тебе понравился ресторан? Ты так на него смотришь! – голос Хозяина прервал размышления Эльчина. – Ты уже догадался? Это мой ресторан! А как тебе название? «Рай». Красиво, правда?

– Красиво.

– Сюда ходят только самые уважаемые люди. На входе охрана. Знаешь, наверное, что такое фейс-контроль. Это когда пускают только тех, кто платит. У моих парней глаз наметанный. Вот тебя, извини меня, они ни за что впустят.

Эльчин с большим трудом подавил желание разукрасить физиономию собеседника наподобие щедро раскрашенной вывески его ресторана. Удержался, отвел глаза. Хозяин как будто ничего не замечал.

– Сначала я тебе покажу объект, где и что делать надо, а потом зайдем в ресторан, чаю попьем.

«Чаю попьем! У него нужно будет просить задаток, а иначе не дождусь я своих денег», – промелькнуло в голове у Эльчина. Они прошли через ресторан, декорированный в стиле «поля», каким его представлял хозяин. Пальмы в кадках, стены, разрисованные танцовщицами с голыми пупками. Красный плюш кресел и такие же портьеры. «Интерьер больше похож на декор дешевого борделя, чем рая», – подумал Эльчин. Прошли через замызганную кухню, где на большой плите, которую не мыли, вероятно, со дня открытия ресторана, стояли закопченные кастрюли с отбитыми ручками. «Хорошо, что меня не пустят в этот ресторан! Еду, приготовленную на такой кухне, разве что скотине скармливать!» Ни одной живой души в ресторане не оказалось. Хозяин поспешил объяснить.

– Днем мое заведение не работает. Жизнь начинает кипеть вечером, а основная клиентура, важные люди, приезжают ночью. Когда им отдохнуть? Только ночью могут немного расслабиться, бедненькие. Вот к вечеру собираются охрана, официанты, повара, привезут самые лучшие продукты и начнется пир! Музыканты, девочки. Всё, как положено. Рай, да и только. Так и говорят мои друзья!

Они вышли на задний двор и оказались на пустыре, еще недавно бывшем рощей. Тут и там торчали невыкорчеванные пни.

– Почему ты спилил деревья? Не поставил столики здесь, в роще? Ведь это больше похоже на рай. Летом здесь, наверное, хорошо было бы?! – Эльчин спросил и сам удивился своему интересу.

¹ Сənnət; сəhənnəm (азерб.) – Рай; ад.

– Я тоже так думал вначале, когда купил участок. А потом понял, что все не так просто. Мало кто из моих клиентов хочет, чтоб его кто-то увидел. Знаешь наших людей! Сразу завидовать будут. Снимать на телефон. Потом клеветой займутся. Шантажом. Нет, лучше в закрытом, хорошо охраняемом помещении. А здесь я поставлю магазинчик, всякую всячину буду продавать 24 часа в сутки. Мои работники утром уходят, уставшие. Им нужно – кому хлеб, кому соль, сигареты, водку, да мало ли. Тут все под боком, искать не надо. А мне в подмогу еще один маленький бизнес. – Хозяин выпятил грудь, самодовольно улыбнулся, наслаждаясь собственной смекалкой.

– Значит, ты думаешь, что твои работники у тебя товар будут покупать? – Эльчину хотелось поддеть Хозяина. Тот, ничуть не смущившись, продолжил объяснения:

– Почему бы и нет? Вначале люди с кухни тащили все подряд. Я быстро это прекратил. Уволил почти всех. А потом приставил к ним своих сторожевых псов, охрану свою. Знаешь, как я им плачу! Отлично! А они и служат!

Хозяин рассказал, чем Эльчин должен заняться. Выкорчевать оставшиеся пни, а когда подвезут стройматериалы, начать строительство. Обещал привезти ему помощника. Эльчин хотел попросить задаток, но так и не решился. Всегда, когда разговор заходил о деньгах, он словно лишался дара речи. Вот и на этот раз он не смог заставить себя спросить о том, сколько заплатит ему хозяин. Закончил работу Эльчин поздно. Хозяин пировал с гостями, а Эльчина напоили чаем с заплесневелыми шоколадными конфетами и предложили провести ночь в подсобке ресторана. В такое время добраться до города сложно, особенно если в карманах пусто. Позвонил жене и сказал, что нашел работу и останется ночевать на объекте. Услышал в ответ тяжелый вздох и только. На следующий день один из сторожей хозяина привел тщедущего парня неопределенного возраста помогать Эльчину. Ему могло быть и 25, и 45 лет. Впалая грудь, кожа серого цвета, запавшие глаза. Работать с таким помощником все равно, что работать одному. Толку от него никакого. Силенок нет, только мешается под ногами. К полудню появился хозяин. Придирчиво оглядел работу. Следом за ним приехала машина, полная камня, досок, мешков с цементом. Позвал повара, наказал хорошо накормить рабочих. Постоял еще немного, ожидая благодарности, не дождавшись, уехал. Неделю Эльчин вместе с рабочим по имени Пехлеван работали с утра и до поздней ночи, устраивая себе небольшой перерыв один раз в день, в полдень. Ели нехитрую еду и дальше «ишачили», как выразился однажды Пехлеван. Работа заставила их найти общий язык, и вскоре они понимали друг друга с полуслова. Хозяин приезжал каждый день, всегда находил какие-то недостатки и ни разу не похвалил рабочих. Лавочка росла на глазах, и к концу недели Эльчин с Пехлеваном покрыли ее шифером и с гордостью любовались своим творением. В тот день хозяин приехал под вечер. Злой, как черт. Позвал Эльчина и Пехлевана.

– Ну, наконец, закончили. За это время хорошие строители дворец могут построить! А вы?! Еще уверяли меня, что все можете! Вижу я вашу работу! Кладка кривая, шифер косо положен! После вас все переделывать нужно. Вы это понимаете?! Сколько еще мне платить придется, чтобы настоящие мастера все переделали! А еще на дармовщину ели-пили целую неделю и не платили за ночлег. Вон сколько денег я на вас угробил! Нет! Так не пойдет! За такую работу я не собираюсь платить! Никто на моем месте не заплатит за такую халтуру! Еще вы должны мне заплатить!

Рабочие молчали. Пехлеван повернулся и, не говоря ни слова, пошел в сторону кухни. Эльчин переминался с ноги на ногу, осознавая то, что сказал хозяин. Из кухни раздался крик. Истошно кричала женщина: «Помогите! Ему плохо! Сделайте

что-нибудь!» Посреди кухни, прямо на кафельном полу неподвижно лежал Пехлеван, а стоящая над ним толстая женщина продолжала вопить, призывая на помощь.

– Чего ты орешь, несчастная! Не видишь, притворяется наш Пехлеван! Думает меня разжалобить! Хочет, чтобы я за его халтуру заплатил свои кровные денежки. Не дождешься, – Хозяин пнул носком ботинка лежащего на полу рабочего.

Эльчин, молча наблюдавший за происходящим, опустил глаза, и громадный нож для резки хлеба блеснул лезвием. Он схватил со стола нож, вперился взглядом в брезгливое лицо хозяина и вонзил по самую рукоятку ему в грудь. Тот осел и повалился на пол рядом с Пехлеваном. Сторожа мгновенно отреагировали. Скрутили руки Эльчина, вызывали скорую, которая приехала на удивление быстро и увезла оба бездыханных тела. Эльчина отвезли в милицеский участок. Он позвонил жене.

Пехлевана откачали. Истощение, анемия, стресс, сердечный приступ. Простой диагноз. Пехлеван, проснувшись, очень огорчился, что его вернули с того света. Потом рассказывал всем, что попал в рай. Не такой, как у хозяина в ресторане, а настоящий, где благоуханный райский сад, нежная сладкая музыка и девушки, как ангелы вокруг. Толстая женщина, звавшая на помощь, не похожая на ангельскую девушку, приходила и приносила ему еду. Хозяину зашили рану, оказавшуюся несмертельной, и он благодарил Аллаха за то, что тот сохранил ему жизнь. Лежа в палате, он вспоминал последние события. Его раздумья прервал следователь, стремительно вошедший в палату. Невысокий, лысый, очень подвижный. Представился, сел на стул рядом с больным.

– Я следователь, Байрам Новрузов. Ждал, пока вы очнетесь. Мне все уже известно. Очевидцы все рассказали. Мне нужно ваше заявление, и этого мерзавца упекут на несколько лет. Он у нас в участке. Сидит, молчит, слова из него не вытянешь.

– Досталось мне, это правда. А Эльчин – не такой уж он мерзавец, знаете. Пока я тут без сознания лежал, ко мне Азраил наведался. Во сне. Не пугайтесь. С головой у меня все в порядке.

– Я вас понимаю. В таком состоянии не мудрено и с Азраилом пообщаться.

– Наверное. Он мне строго наказал подумать о том, хочу ли я после смерти попасть в «Сәннәт», похожий на мой ресторан. И так мне стало грустно... Я-то все про свой ресторан знаю...

Байрам Новрузов с удивлением разглядывал хозяина. О нем у него сложилось мнение уже давно. Он знал его как очень мстительного и жадного человека; вот и спешил к нему с визитом, чтобы потом не иметь проблем с начальством. Хозяин не ждал ответа:

– Эльчина я знаю с молодости. Мы с ним вместе занимались вольной борьбой. Он мог стать чемпионом. Не сложилось у него. Не все же умелые в жизни, такие как я и вы. – Он подмигнул следователю и продолжил: – Не нужно его наказывать. Я не буду писать заявления. У него жена, дети маленькие. Отпустите его.

Следователь внимательно разглядывал хозяина, словно пытаясь проникнуть в его тайные мысли.

– Как скажете! Добрый вы человек! Сейчас таких мало! Выздоровливайте! – следователь поднялся, пожал руку больному и вышел.

В участке следователь вызвал Эльчина и произнес речь о том, какие благородные люди живут среди нас. Например, его Хозяин, которого Эльчин ударил ножом в грудь, отказался подавать жалобу. И теперь Эльчин может отправляться домой и всю оставшуюся жизнь молить Аллаха о милости к его спасителю. Эльчин вздохнул,

еще больше потемнел лицом:

– Благородный хозяин! Спаситель! Лучше бы уж он пожаловался! Тогда бы я знал, кого ненавидеть! А так....

Следователь лишь покачал головой.

Хозяин улыбался, думал о том, какой замечательный поступок совершил. Не стал наказывать преступника, пожалел. Позвонил жене, чтобы сообщить ей, что сегодня он обязательно приедет домой. Потянулся, почувствовал себя вполне опрятным, позвал медсестру, приказал принести ему одежду. Представил робкую радость молчаливой, покорной жены, улыбки детей. Медсестра доложила лечащему врачу, что больной собирается покинуть больницу. Тот незамедлительно явился в палату и попытался урезонить хозяина.

– Вы понимаете, что у вас колото-резаная рана? Мы зашили ее. Но вам нельзя двигаться. Поймите! Рана может открыться, и тогда летальный исход не исключен.

– Летальный? Так я еще и полетаю! – хозяин был оптимистично настроен.

– Полетите, но только в одну сторону!

– Я даже знаю, куда! – многозначительно произнес хозяин.

Он оделся с помощью медсестры. Бодро, как ему казалось, прошагал по коридору. Любимая машина стояла во дворе больницы. Охранник припарковал ее прямо у входа в больницу. Сел за руль. Тронул машину с места, как всегда лихо. С места в карьер. Проехал километра два, не переставая думать о том, какой благородный поступок он совершил и как изменится теперь его жизнь. Он будет думать о других. Не только о себе и своей семье. Нет.... Он будет помогать людям, он понял, как важно сочувствовать другим, как важно....

Последнее, что увидели глаза водителя, был несущийся навстречу его машине лимузин стального цвета, за рулем которого сидел ангел, похожий на Эльчина, с белоснежными крыльями вместо рук.

Фокусник, Нищий и Дервиш

В воздухе запахло вольницей. Все, кто стремился осуществить свои давние проекты, навострили ушки и приготовились прыгнуть в омут авантюры. Приятное возбуждение охватило наиболее предпримчивых и смелых, уверенных в том, что настал их час – время, когда они смогут без особых потерь получить желаемое. Примеры сказочного обогащения из мирового опыта перестали быть просто мифами и сказочками для глупых обывателей, а постепенно стали завоевывать умы. Будущие миллионеры с особенным вниманием изучали опыт счастливых предшественников и старались извлечь из него рациональное зерно. Проблема заключалась в том, что рассказы об этих счастливчиках были также далеки от реальности, как и мечты будущих олигархов. Те, кто читал историю о том, как скромный грек Онассис превратился в могущественного судовладельца, друга королей и президентов, мог только догадываться, сколько подводных рифов, камней, незаконных сделок, да и просто обмана лежало в основании его сказочного богатства. Уже став на ноги, он превратился в Мидаса, одно прикосновение которого превращало в золото все вокруг. Жаклин Кеннеди, очарованная им на краткий миг, не захотела превращаться в золотую статую и сбежала от миллиардера. Однако возможные и даже прогнозируемые несчастья, связанные с

богатством, не могли остановить жаждущих: тех, кто страстно желал только денег, кто мечтал о них бессонными ночами, совсем как романтики мечтают о любимой.

Наш герой начал свою трудовую карьеру очень рано, еще в детстве. Первыми его поклонниками стали ученики в классе, с восторгом наблюдавшие за тем, как ловко он обращался с картами. Подростком он увлекся фокусами знаменитого Гудини. Ему удавалось без труда выбираться из веревок, завязанных самым сложным узлом. Не брезговал он и простыми для него фокусами: найти монетку за ухом у милой девушки, обнаружить свой носовой платок в кармане у товарища и провести сеанс гипноза, заставив учительницу по физике поставить ему высший балл по ее предмету. Блестящие способности не прошли незамеченными. Им заинтересовались люди, промышлявшие опасными фокусами – чисткой чужих карманов, ловлей настольного имущества. Известный в городе щипач, большой мастер своего дела, ювелирно обчищающий карманы ничего не подозревавших граждан, подошел к Фокуснику, как с некоторых пор называли юное дарование, и предложил ему пройти стажировку у него, классного специалиста. Щипач заботился не столько о профессии, сколько о том, чтобы воспитать себе напарника. Фокусник загордился, рассказал своим товарищам о лестном предложении и услышал в ответ от маленького чернявого Лени, день и ночь корпевшего над толстенными книгами:

– Какой ты еще дурачок, Фокусник, несмотря на твои способности! Неужели ты не видишь, что он тобой как страховкой прикрыться хочет! Ты ведь маленький еще, если тебя поймают за руку в чужом кармане, тебе пока ничего не будет, не то, что ему. Вот он и хочет тебя вперед пустить, чтобы ты для него чужие карманы обчищал! А как только подрастешь, то тут же в тюрягу сядешь, как пить дать.

Фокуснику очень хотелось защитить своего нового друга, но ни один из аргументов в его защиту так и не прозвучал. Фокусник закончил школу. Поступать, как другие, в институт не спешил. Решил осмотреться. Диплом ведь всегда купить можно, а вот жизненный опыт и гениальные идеи – нельзя. Родителям, чтобы не сильно доставали, привел в качестве примера Билла Гейтса – современного Будду успешных людей, ставшего миллиардером, не имея в кармане оксфордского диплома.

Самые большие поклонники Фокусника – дети – оставались верными и преданными друзьями. Они ходили за ним по пятам и заглядывали в глаза, с нетерпением ожидая момента, когда их кумир сотворит чудо, секрет которого известен лишь ему одному. Фокусник представил себя на арене цирка, где его маленькие почитатели хлопают в ладоши, крича от восторга. Судьба профессионального фокусника не привлекала его. Фокусник отмахивался от малышей, как от назойливых мух, и продолжал мечтать о блестящей карьере афериста международного класса. Почему именно афериста? Во-первых, задатки Фокусника предполагали способность внушать людям все, что он сочтет нужным. А во-вторых, любая самая престижная и нужная профессия при ближайшем рассмотрении оказывалась бесполезной для того, чтобы заработать хорошие деньги.

Смышленый мальчик сделал выводы, расспросив знакомых о разных профессиях. Ни один из ответов не удовлетворил Фокусника. Последним из опрошенных оказался нищий, промышлявший милостыней на одной из главных улиц их большого города. Для того, чтобы получить от него искренний ответ, пришлось прибегнуть к одному из трюков. Фокусник выгреб всю мелочь из плошки, лежавшей перед нищим. Сделал он это изящно, нагнувшись будто то бы для того, чтобы положить в миску монетку. Нищий, притворявшийся слепым, не вынес такого отношения к калеке и за-

кричал, что было мочи, чем развеселил прохожих. Фокусник показал ему язык, вытащил из кармана денежки нищего и предложил вернуть их и еще добавить несколько монет, если нищий расскажет о своем заработка. День все равно был испорчен, и нищий согласился. Расположившись на скамейке в парке, подросток и пожилой человек завели душевный разговор. Попрошайка рассказал, что перед тем, как заняться нынешним своим занятием, он перепробовал множество профессий. Работал учителем, знахарем, дворником, управдомом, даже киллером попытался, но не получилось: глазомер нужен хороший и рука верная. Тот, кто хотел его нанять в киллеры, посоветовал попробовать профессию нищего, свел с нужными людьми:

– Думаешь, так легко место на центральной улице города получить, чтобы тебя не трогали менты? Э, дорогой, все не так просто, как кажется. Плачу я каждый день свой процент властям. А как ты думал? Моя профессия очень нужна людям. Это понимают богатые люди. Нищих не должно быть слишком много. К чему крайности?! Но несколько достойных попрошаек – это очень важные и нужные люди. К примеру, идет какой-нибудь бедолага, у которого в кармане дыра, и зашивать ее не нужно, деньги у него отродясь не водились. Вот плется он вечером в свою конуру после тяжелого рабочего дня: гайки целый день закручивал или глотку надрывал с учениками, да мало ли; идет он, думает про себя, какой он горемыка и почему на свете все так плохо устроено. Одним все, а другим ничего! Плохие у него мысли, черные. Тут и до бунта недалеко. Сберет он вокруг себя таких же лютпенов и захочет поменять антураж. А если у него характер угрюмый и неохота ему с народом общаться, то пойдет грабить и убивать богатеев в одиночку. А тут я сижу; слепой, разнесчастный, передо мной железная миска, где две-три монетки, больше класть нельзя, а то не разжалобишь никого. Посмотрит он на меня, бедняга, и вроде как оттает. Подумает обязательно: «А ведь есть же люди, что хуже меня живут и ничего, живут же». И пойдет себе дальше лямку тянуть.

– Интересные вещи рассказываешь! – Фокусник потянул нищего за рукав. – Только главного ты мне так и не сказал. Сколько в день зарабатываешь? То, что гораздо больше трудяги, я понял, мне нужна конкретная цифра. Для моих расчетов она необходима.

– Так тебе все и расскажи. Знаешь, почему швейцарские банки процветают даже тогда, когда другие закрываются пачками?

– А ты про швейцарские банки откуда все знаешь? Тайну вклада соблюдают, это главная причина, по-твоему?

– Ну, конечно!

– Твои сведения немного устарели. Вот уже 15 лет, как ситуация поменялась. Швейцарские банки сотрудничают с властями и дают информацию о наиболее подозрительных вкладах. Не по доброй воле, просто боятся попасть в черный список, – Фокусник покачал головой с видом знатока. Его интересовало все, что имело отношение к деньгам, естественно, в первую очередь швейцарские банки.

– Да неужели? Вот удивил! Отстал я, значит, от жизни. Вот что значит поменять профессию! Я экономист, вернее им был. У меня два высших образования! Приходится скрывать! Говорить научился, как бродяги необученные говорят. Вот с тобой бдительность потерял. Имидж, понимаешь, диктует, – нищий поднял глаза к небу, задумался. – Я вот недавно видел своего собрата, рядом с университетом. У меня был выходной, вот я и решил прогуляться. Иду себе, на женщин смотрю, я ведь »слепой» в рабочие дни, – а тут такое удовольствие, любуюсь себе и любуюсь. Вдруг

вижу, сидит лорд. На нем пиджак, сшитый, видно что на заказ. Туфли кожаные; не просто кожаные, а из мягкой телячьей кожи. Носки и те, видно, что дорогие, высокие. Руки у него как у пианиста. Очки в золоченой оправе. Сидит себе на складном стульчике. Ему газеты в руках не хватает. Я сначала его за владельца магазинчика принял. Хотя у них, хозяев, другой стиль, сам знаешь. Только потом увидел на полу рядом с ним миску с тремя монетками. У меня, конечно, профессиональный интерес проснулся. Коллега все-таки. Удивил он меня, мой собрат. Да, я еще отметил: правильно, что всего три монетки у него в плошке. Вид у него был совершенно отсутствующий. Будто он не милостыню просил, а думал о философии Канта, Ницше. Не удержался я, заговорил с ним о жизни. Так он на меня свысока посмотрел, как будто я его королевское высочество оскорбил. Положил я тогда в миску бумажную денежку, только тогда он соизволил открыть рот

– Интересно, в самом деле, как он дошел до жизни такой? – у фокусника горели глаза в предчувствии особенного секрета, одного из тех, что кардинально меняют ход жизни.

– Он сказал всего несколько фраз, но я до сих пор не могу в себя прийти. Он и в самом деле думал о Шопенгауэре. Сам он – профессор философии и до того, как начал просить милостыню, преподавал в университете философию. Большинство из тех, кто подает ему – его бывшие ученики. В университете он работал не постоянно, а часовиком – так, кажется, это называется. Платили ему два раза в год. Зимой и летом. В остальное время он, чтобы прокормиться, писал статьи, работал над большой монографией. Ученый ведь, не хотелось ему с одного места на другое бегать, чтобы хоть что-то заработать. Думать и писать ему хотелось! За статьи так же, как и в вузе, платили символические деньги. Профессору немного нужно, он все время в своем мире обретается. Как-то приехал зарубежный коллега и смущил его покой, рассказав о своей научной работе в Европе. Профессор ведь не дурак, просто у него интересы другие, потому он так за деньгами не гонялся. А теперь, когда перспектива появилась, решил деньжат подкопить.

– Интересно, какая перспектива может появиться у профессора философии в наши дни? – Фокусник рассмеялся.

– Не смейся. Перспектива есть у всех, только не все ее видят и понимают. Раскинул он своими философскими мозгами и решил, что сейчас и здесь ему удобнее, выгоднее и приличнее всего работать нищим. А потом в Европу махнуть, а там уж и писать монографии и статьи; по рассказам коллеги, в Европе можно безбедно жить даже профессору философии. А пока он место выбрал правильное, оживленное. Профессор и полицейским не платит, не трогают они его, из уважения. Их дети учились у него и рассказывали родичам, какой он золотой человек, ни разу взятки не то, что не попросил, но даже не взял, когда давали. Я у него спросил, а почему он одет, как лорд, если попрошайкой работает? Ответил он мне с достоинством: раньше он был одет много хуже, потому что денег не хватало, а теперь он может себе позволить одеваться так, как хочет. И подают ему лучше! Такому лорду не только монетки бросят, люди понимают, что у него запросы выше. Напоследок я задал ему самый главный вопрос, тот, что наверняка и его волнует. Когда же он уедет в Европу?

– И что он тебе ответил?

– В первый раз профессор улыбнулся. «Скоро, коллега! Документы уже готовы. Через месяц, я думаю, вы меня здесь уже не застанете!»

– Так то, – грустно заключил рассказчик, – редеют наши ряды, теряем лучших!

Фокусник не стал насмехаться над умозаключениями своего нового знакомого; много интересного он узнал от него. Для умного человека такой простор для размышлений! И о доходах больше не спрашивал. Попрошайка правильно делает, что не говорит, иначе никто из тех, кто вкалывает за гроши, не будет горбиться – все погадутся в нищие. Столько конкурентов, зачем они ему! А вот о том, чтобы самому стать попрошайкой, Фокусник не помышлял. Возраст не тот, да и темперамент другой, слишком живой, не хватит терпения.

Случай помог определиться: школьный друг позвонил и попросил сходить вместе с ним в банк, чтобы получить денежный перевод. Банк оказался средней руки: не очень большой, но и не слишком маленький. Атмосфера понравилась Фокуснику. Персонал состоял из симпатичных девушек в форменной одежде. Все вокруг вежливые, деловые. В центре зала стоят кресла для клиентов; вдоль стены четыре конторки, а за ними любезные девушки. На стене несколько часов и все показывают время в различных столицах мира. По углам – пальмы в кадках, и журчат маленькие фонтанчики, освежая воздух и навевая приятные мысли о богатстве и роскоши. Друзья пробыли в банке полчаса, и улыбка, почти как заразный вирус, передалась им от милых девушек и уже не сходила с их лиц. Только выйдя за порог банка, оба очнулись, словно из мира фантастических грез вновь вернулись на грешную землю.

Друзья в самом приятном расположении духа зашли в ближайшее кафе и тут у Фокусника созрел план действий. Озарение пришло внезапно. Вернее, ему казалось, что удачная мысль, сулившая неслыханную прибыль, вдруг блеснула золотой рыбкой. На самом деле он долго размышлял над проблемой и не хватало лишь последнего штриха; им оказался удачный визит в банк. Фокусник рассказал другу о том, как замечательно они станут жить, максимум месяца через три, если только друг согласится разделить с ним тяготы первоначального устройства дела. Он задумал организовать финансовую пирамиду. Много позже, когда подобные пирамиды расплодились по городам и весям, подобная идея вряд ли кого-нибудь вдохновила бы. А на заре строительства «демократического» общества в юных амбициозных государствах идея оказалась блестящей. Новое предприятие, сулившее 50% прибыли от вложенных денег, назвали, в соответствии с амбициями, «Золотое руно». Само название оказалось чемоданом с двойным дном: золотое, как приманка алчному глупому обывателю, а вот руно, для тех, кто понимает – овечья шкура, золотая или простая, предназначена для того, чтобы ее стричь

Фокусник принял изучать будущую клиентуру. Кто скорее всего клюнет на заманчивое предложение получать неплохие деньги, ничего не делая, а лишь положив свои сбережения в банк? Конечно, те, кто ничего не смыслит ни в экономике, ни в деньгах. Простые работяги, а еще скорее – их сварливые жены, вечно недовольные жизнью. Вот кого нужно привлекать на свою сторону, а они приведут своих мужей, друзей, всех, кто попадет им под руку. Не обойдется без рекламы, нужно будет все-таки потратиться. Следующий день Фокусник посвятил чтению объявлений в газете. Какой простор для предпринимчивого человека! Какой полет фантазии! Объявление, привлекшее его внимание, обещало банковский кредит под небольшой процент на развитие малого бизнеса. «Как все удачно складывается! Я давно знал, что стоит только по-настоящему заинтересоваться какой-нибудь идеей, и предложения потекут рекой». По счастливому стечению обстоятельств банк, предлагавший кредит, оказался тем же банком, где недавно они с другом получали перевод. Все и дальше складывалось так, будто Фокусника ждали давно, и вот наконец он явился, и все вокруг

старались изо всех сил не разочаровать драгоценного клиента. Такое бережное обращение вызвало у Фокусника прилив благодарности, и он счел возможным обратиться к банку с просьбой:

– Как вы думаете, – вопрос был обращен к солидному менеджеру, чей тембр голоса свидетельствовал о его безукоризненной честности и лояльности, – а что, если я захочу снять у вас одно небольшое помещение, ну, хотя бы вот эту комнатку? – Фокусник показал на закуток, где стояли копировальная машина и факс.

Менеджер окинул Фокусника оценивающим взглядом и, видимо, остался доволен результатом осмотра:

– А почему бы и нет, коллега?

Услышав слово «коллега», Фокусник и впрямь почувствовал себя серьезным финансистом, готовым совершать чудеса не на арене цирка, развлекая детей, а на финансовых биржах, где фокусы приносят гораздо больше дивидендов. Коллеги ударили по рукам и уже на следующий день Фокусник вместе со своим другом и партнером решали, где они поставят дверь, отгородив угол от остального помещения и, самое главное, какую они закажут табличку на дверь. Остановились на простом скромном дизайне таблички. «Чем проще, тем солиднее!» – аргумент Фокусника произвел впечатление на друга. Сделали лишь одну уступку невероятным перспективам. Буквы должны быть золотые, подстать золотому руну. Обстановка в кабинете также простая, без излишеств. Фокусник с приятелем решили, что они готовы к началу боевых действий. Первым делом необходимо определиться с рекламной кампанией. Долго перебирали варианты, позволяющие привлечь как можно больше вкладчиков. На кого можно рассчитывать? Акулы бизнеса на то они и акулы, чтобы понимать, что такое этот народный банк «Золотое руно»: денежки, завоеванные благодаря кинжалным акульим зубам, они не отдадут! Остается надеяться на мелкую рыбешку – на тех, кто еле сводит концы с концами и только и мечтает заглотить наживку. Друзья долго обсуждали, кого хотели бы видеть в качестве героя рекламного ролика, и тут Фокусника осенила, как ему показалось, гениальная мысль. Он предложил сделать лицом рекламной компании Нищего Философа.

– Представь себе такую картину. Первый кадр – крупный план: утро, сидит нищий, тот самый лорд, перед ним миска с монетками. Мелькают прохожие. Кто-то безучастно проходит мимо, кто-то бросает монетку. Второй кадр. Стемнело, к нищему подходим мы и предлагаем ему поместить в наш банк ту денежку, что он собрал за день. И третий кадр: тот же нищий подъезжает на мерседесе к нашему банку и говорит в камеру: «Я смог, и вы сможете благодаря волшебному «Золотому руну!»

– Что смог твой нищий, уточни? У людей богатая фантазия! Твой текст далек от совершенства, – друг откровенно позавидовал гениальной идеей.

Фокусник великодушно предложил:

– Я не против, ты можешь предложить свой текст, я согласен.

Идея привлечь к рекламе известного в городе персонажа казалась очень привлекательной. Его знали не только как благородного Нищего, но и как честнейшего человека, известного своими принципами. Дело оставалось за малым: необходимо было уговорить Философа сняться в рекламе. На следующий день друзья с самого утра были на месте, поджиная будущую звезду телевидения. Нищий Философ подошел к одиннадцати часам. Вид у него был совершенно не соответствующий его занятию. Ухоженный, выспавшийся человек, не обремененный заботами, уселся на стул в ожидании благодетелей. В то утро на нем была серая куртка, зеленый ангоровый

шарф в крупную клетку и вельветовая фуражка в тон шарфу. Фокусник вспомнил о том, что в этом сезоне в моде зеленый и несмело обратился к Нищему Философу:

– Простите, друг, – Фокусник произнес слово «друг» и поморщился от собственной фамильярности, но не нашел лучшего обращения, – да, друг, мы хотим вам сделать предложение!

Нищий снял золоченые очки, протер их шарфом, не произнеся ни слова. Коллега Фокусника посчитал, что не стоит церемониться с нищим, будь он трижды философ:

– Эй, ты! К тебе обращаюсь! Не знаю, как зовут! Не хотел бы заработать деньжат?

Нищий Философ поднялся и выпрямился во весь рост, оказавшись на голову выше обоих друзей.

– Не имею чести быть знакомым с вами, и, признаюсь, у меня нет желания познакомиться с вами поближе.

– Мой друг погорячился, – Фокусник тесnil коллегу, опасаясь разгневать будущую звезду рекламы. – Мы хотим вам предложить... – Фокусник сделал эффектную паузу, – хотим предложить сняться в рекламе. В главной роли.

– Вы издеваетесь над старым нищим профессором? – пожилой человек от возмущения закашлялся.

– Ну что вы, что вы! Как можно! Это вполне серьезное предложение!

– И что вы предлагаете мне рекламировать? В чем я так преуспел, чтобы давать советы другим? Молодые люди, разве вы не понимаете, чем я занимаюсь?

– Понимаем, прекрасно понимаем, именно это нам и нужно.

Фокусник подробно рассказал старику содержание рекламного ролика. Профессор слушал внимательно, не перебивая, задал вопрос лишь после того, как собеседник, исчерпав все радужные перспективы, замолчал:

– А в какие проекты вы собираетесь вкладывать народные деньги? Возможно, у вас есть концессия на разработку алмазных копий в Африке? Предполагаете получать колоссальную прибыль и решили поделиться ею с трудовым народом? А может, вы торгуете наркотиками либо оружием, у вас подпольный бордель в Азии и вы пытаетесь отмыть грязные деньги? Как вы собираетесь выплачивать 50% прибыли с вложенной суммы. Это немыслимо!

Друзья переглянулись, коллега Фокусника перешел в атаку:

– Дорогой наш профессор, зачем забивать себе мозги? Ты снимаешься в ролике, мы тебе платим несколько тысяч долларов и расходимся по домам, довольные друг другом. А кто кому и что будет выплачивать – это не твоя забота! Пусть каждый занимается своим делом и тогда все будет о кей, как говорят наши друзья американцы!

Профессор покачал головой, завернулся в шарф, всем своим видом выказывая неодобрение. Друзья не уходили, не веря глазам своим, не понимая, как нищий может отказаться от такой замечательной халавы. Профессору пришлось открыть рот:

– Я не буду участвовать в этом обмане! Я слишком себя уважаю!

– Ах ты, старый хрыч! Сидеть здесь и обирать людей – это можно! А поработать на благо народа нельзя! – коллега Фокусника разошелся.

Старый человек побледнел, схватился за сердце, а друзья, не дожидаясь, когда нищего стукнет кондрашка, ретировались.

Оставался запасной вариант, который и задействовали. «O olmasın, bu olsun!»

– кстати вспомнил народную мудрость Фокусник, и друзья направился к надежному нищему, вполне освоившему профессию и понимающему толк в жизни. Слепой не стал кочевряться, а с ходу согласился, искренне порадовался удаче и предложил сотрудничать на долговременной основе. Новоявленные банкиры не спешили принимать его в бизнес, зато с удовольствием обсудили рекламный ролик и согласились на предложенные нищим пикантные детали. В окончательном варианте реклама выглядела следующим образом.

Хмурое утро. Накрапывает мелкий дождь; по тому, как люди спешат, подняв воротники, понятно, что погода холодная. Слепой нищий в черных очках, с непокрытой головой сидит на земле, перед ним жестяная плошка с тремя медными монетками. Он заунывно повторяет слова, разобрать, о чем он говорит, невозможно. Мелодия дождя, мольбы нищего, городской шум создают трагический фон. Следующий кадр – вечер, тот же антураж, поменялось лишь освещение, и нищий выглядит еще несчастнее и безысходнее. К нему подходят друзья-банкиры и громко предлагают вложить собранную за день милостыню в их банк. Нищий несмело поднимает голову в направлении приятного баритона. «Неужели это правда?» И третий кадр – финал-апофеоз. Бывший нищий, в дорогой одежде, без очков, орлиным взором смотрит на блистающее «Золотое руно», чьи лучи, совсем как лучи полуденного солнца, позолотили все вокруг. Он произносит фразу, после которой все, у кого за душой есть хоть один манат, принесут его в банк. «Я прозрел, я вижу, «Золотое руно» – спасло меня от вечной темноты!»

Народный Банк «Золотое руно» имел оглушительный успех. Люди штурмовали вход в банк, боялись опоздать на корабль, отплывающий в райские кущи, где круглый год праздник, где нет серых будней, где все счастливы, молоды и здоровы.

Судьба наших героев совершила еще один крутой вираж после того, как пирамида, не столь основательная, как пирамида Хеопса, рухнула и погребла под собой надежды многих людей. Бывшие успешные банкиры, счастливо избегнув наказания, занялись тем, к чему влекла их изобретательная натура. Фокусник выступает в цирке с номером, создателем которого являлся Вольф Мессинг. Он угадывает любое загаданное вами слово, цифру, находит спрятанную вещь. Пользуется большим успехом, хотя в последнее время появляется все больше конкурентов, и он стал подумывать о том, чтобы переквалифицироваться в экстрасенса. Его друг и бывший коллега стал клипмейкером. После успешного дебюта ему посыпались предложения, от которых он не смог отказаться. Прозревший нищий проклинает тот день, когда он согласился на авантюру с рекламой. Несколько тысяч долларов, заплаченных за роль, растаяли скорее, чем тает снег в южном городе. Работать нищим после невероятной популярности невозможно. Пришлось пойти в бухгалтеры, а это гораздо более хлопотно и менее выгодно, чем прежняя должность. Нищий Философ уехал, как и предполагал, в Европу. Одну из его статей, напечатанных в местной газете, европейский коллега перевел на английский и поместил в престижном западном научном журнале. Репутация Философа как ученого приобрела нестерпимый блеск для местных очей, и его с почетом отпустили на Запад, предварительно взяв с него слово, что он не забудет о далекой родине и будет исправно навещать родню и всех жаждущих приобщиться к неиссякаемому источнику мудрости. О Нищем Философе вспоминали еще некоторое время его бывшие студенты и благодетели, а затем он перешел в разряд легенд, где ему присвоили почетное имя Дервиша.

Неизвестный адресат

Последняя марка, самая любимая, изученная вдоль и поперек, пережившая свою минуту славы, запрятана вместе с другими сокровищами в альбом, и теперь ееявление на свет божий станет событием. До того, как марка попала в компанию проштемпелеванных собратьев, в ее существовании произошло совсем немного событий. Марку напечатали, потом она попала на почту, а затем ее приклеили к конверту, написали на нем адрес и отправили в другую страну. Пропутешествовав некоторое время, марка вместе с письмом вернулась обратно к отправителю. Уже немного освоившись в новом обществе, марка, не переставая удивляться, узнала, что и другие марки, также, как и она, попали сюда прямиком с почты, с возвратившимся обратно письмом. На всех конвертах сделали одну и ту же пометку: адресат не найден. Любопытная марка стала центром возмущения. Она нарушила покой мирной компании, дремавшей не один десяток лет. Мелкие интриги и дрязги, иногда возникавшие лишь потому, что альбом становился тесным для внушительной коллекции, затухали очень скоро. Маркам не хватало задора, энергии, чтобы по-настоящему разбушеваться и устроить бунт. Они предпочитали мирно почивать до того редкого мгновения, когда хозяин вытаскивал какую-нибудь красавицу, чтобы продать или обменять ее. Последняя марка, на которой была нарисована экзотическая бабочка с жутким именем «мертвая голова», задала всем маркам один вопрос: «Как вы думаете, почему все письма, разосланные в разные концы света, приходят обратно по одной и той же причине – по причине того, что адресат не найден?»

– Ты думаешь, что самая умная? «Мертвая голова»! Тебе спать непробудным сном, а не вопросы задавать! И без тебя мы думали об этом; у каждого из нас имеются свои соображения, – миловидная женская головка с итальянской марки выплескивала желчь, скопившуюся за долгие годы. Ей хотелось блестеть, чувствовать себя любимой и желанной, а вместо этого приходилось томиться в тесном альбоме рядом с такими невеждами, как эта новенькая «мертвая голова» – ничего не скажешь, хорошенько имя.

– Мы думали, думали и решили, – раздался приятный баритон Арлекина.

– И что мы решили? – затянула маленькая китайская собачка, уставшая молчать.

– Мы решили.... мы решили, что мужчина, который нас сюда поместил и держит взаперти, ненормальный. А что другое можно предположить? Вместо того, чтобы радиоваться жизни, веселиться, любить красивых женщин, он занимается такой ерундой! – Арлекин постарался повернуться к женской головке – обе марки оказались совершенно случайно на одном листе в альбоме.

– Это не он, это вы странные, раз до сих пор не догадались, почему он рассыпает письма несуществующим адресатам, – Мертвая голова пошевелила усиками. – Все просто и ясно, он хочет заполучить нас, для него самое главное в жизни – это мы, марки! Подумайте только, сколько марок он набрал таким путем. Вы знаете, сколько нас томится в этом альбоме? Знаете?

– Я знаю, почему он рассыпает письма. Он очень одинок. Совсем один на белом свете! Вот у нас, например, марок, запертых в альбоме, и то своя компания есть, и к тому же очень разнообразная. Никогда не знаешь, кто в следующий раз примкнет к нам. Мертвая голова и та заговорила! – Арлекин вздохнул.

– Вы думаете, мне нечего рассказать! А череп – самый модный узор во все времена!

мена. Император Фридрих Великий придумал использовать изображение черепа в форме гусаров, для устрашения врага. Я видел марку, на которой прусская принцесса Виктория Луиза изображена в форме гусара. На шапке у нее череп. Послушайте, я вам предлагаю повеселиться, а то вы совсем заплесневели в этом старом альбоме, и Одинокого скитальца развлечем!

– Почему ты называешь его Одиноким скитальцем? Он не скитаются, а, сидя на месте, рассыпает письма, – кукла рассудила логически

– Он скитаются в мыслях, вместе с марками, к тому же он один. Поэтому он Одинокий скиталец!

– Ах, какая ты умная, Мертвая голова, – огорчилась женская головка.

– Не то, что некоторые, – не удержался Арлекин.

– Конечно, умная, тяв, тяв, поэтому и мертвая, тяв, – китайская собачка помахала хвостиком и тут же уснула.

Марки согласились с тем, что самая разумная – последняя марка, и именно она должна придумать, как нарушить сонное существование, повеселиться, а если очень повезет, выскочить на свет божий, попутешествовать. Идею подсказал разговор владельца марок с одним из филателистов. Одинокий Скиталец показывал свою коллекцию, расхваливая самые неинтересные марки. Особенно он хвалил китайскую собачку. Видно, очень уж хотел расстаться с ней. Филателист взял лупу, изучил марку и поинтересовался у владельца, как ему удалось найти ее. Вместо ответа ему пришлось удовольствоваться кривой ухмылкой. Коллекцию Одинокого Скитальца знали и очень ценили, но долгое время никто не подозревал, каким образом он добывает редчайшие марки со всего света, пока самый любопытный филателист не провел расследование и не выяснил оригинальный способ приобретения марок. Филателист пришел к Одинокому Скитальцу для того, чтобы проверить свою гипотезу и, воспользовавшись смятением владельца коллекции, получить самые желанные марки. По версии филателиста, Одинокий Скиталец рассыпает по свету письма к вымышленным адресатам, они возвращаются к отправителю, а тому остается аккуратно снять марку и положить ее в альбом. Изложив свою гипотезу, Филателист впился глазами в собеседника. Тот принял индифферентный вид, покачал головой и стал уверять филателиста, что только человек с большой фантазией мог изобрести такой странный способ получения марок. У него много друзей по всему свету, которые мечтают о том, чтобы получить от него письмо и ответить, а если случается, что адресат меняет место жительства, в этом нет ничего удивительного. В жизни все бывает: все течет, меняется. Одинокий Скиталец с честью выдержал атаку. Не захотел прощавать две марки, ради которых приходил филателист, а именно – Арлекина и Мертвую голову. Так и пришлось филателисту убраться несолено хлебавши.

А вот что придумала Мертвая голова, внимательно прослушав этот разговор. Подсказать Одинокому Скитальцу настоящий адрес с реальной фамилией адресата и посмотреть, что из этого получится. Лучше всего, чтобы этим адресатом оказалась женщина, а еще лучше, чтобы она была не замужем. Вспомнить такой адрес можно. Мертвая голова не зря провела на почте несколько месяцев, прежде чем ее наклеили на письмо; много адресов бродило в ее памяти, нужно было выбрать самый подходящий. И еще одна проблема, самая сложная. Как сделать так, чтобы Одинокий Скиталец написал письмо именно по этому адресу. В заговор вошли только самые активные марки, не успевшие потерять интереса к внеальбомной жизни. А зачем, к примеру, устраивать какие-то заговоры, когда и так хорошо живется. Тихо, мирно,

сухо, без проблем, крыша над головой, никто не обижает. Ведь никогда не знаешь, чем может закончиться авантюра с неизвестным адресатом. И вообще, что может быть лучше сонного прозябания. Компания авантюристов во главе с необычной бабочкой не оставила своих дерзких проектов. Каждая из марок, желающих поменять образ жизни, предложила свой адрес. Адреса из разных концов света, как и марки, вспомнившие их. Сам Одинокий Скиталец, проживавший в Европе, очень любил экзотические страны, откуда могли прийти редчайшие марки, напечатанные маленькими тиражами. Бабочка явилась из Австралии, однако предложила своим друзьям необычный адрес из сравнительно молодого государства. Как она объяснила, после развода одной из последних империй появились маленькие и очень амбициозные государства, беспрестанно доказывающие окружающим свое право на жизнь. А как лучше всего можно рассказать миру о своем существовании? Напечатав марки. Самый простой и эффективный способ. Марки разбредаются по всему миру, и вот уже в самом отдаленном уголке земного шара знают, что на свете есть такое государство как Зизулябия. Мертвая голова вспомнила адрес из этого государства и очень настаивала на том, чтобы очередное письмо Одинокого Скитальца было послано симпатичной женщине из новой страны. Женщину бабочка видела сама, когда та пришла на почту, чтобы отправить письмо. В тот день на ней было платье цвета заходящего солнца, что весь день светило в глаза Мертвой головы сквозь стеклянные двери. Разноцветные бусы свешивались почти до колен, браслеты ручные и ножные позывали при ходьбе. «Праздник, а не женщина», – подумала тогда бабочка. Такую женщину трудно забыть, а тем более необычный адрес ее адресата. Она объяснила, что шлет письмо домой, маме, в родную Зизулябию. В Австралию она приехала недолго, погостить и скоро собирается в обратный путь. Только такая женщина может вытащить Одинокого Скитальца из скорлупы. Сообщить адрес хозяину поручили недавно прибывшей из Англии марке с изображением Чарльза Дарвина в компании обезьяны, на глазах превращающейся в человека. Марку напечатали к 200-летию ученого. Дарвин вначале стал отпираться, объясняя свой отказ естественным нежеланием заниматься несвойственным ему делом. Ведь он не какой-нибудь шарлатан-медиум вроде графа Калиостро, а солидный ученый с мировым именем. В спор вступила Мертвая голова, еще раз показав присутствующим свое умственное превосходство.

– Вы смогли убедить весь мир в том, что обезьяна в свое время слезла с дерева, взяла в руки палку, встала на две ноги, затем и вовсе заняла место олимпийских богов. Ведь вы уверили в этом не только своих собратьев ученых – никто не будет спорить с тем, что они люди со странностями, но и простых людей, даже тех, кто никак не соглашался признать своим ближайшим родственником обезьяну. Вам это сделать удалось, уважаемый сэр Чарльз. А тут такой пустяк. Всего лишь адрес!

Дарвин тяжело вздохнул, внимательно посмотрел на распрымившую спину обезьяну и согласился:

– В самом деле, возможно, я сделаю доброе дело, соединю двух одиноких людей.

Марки так громко восхищались сэром Чарльзом, что проходивший мимо Одинокий Скиталец встревожился, услышав непонятный шум; заглянул под кровать и в платяной шкаф. Никого. Только альбом с марками на почетном месте в книжном шкафу. Коллекционер вытащил альбом и стал рассматривать главное сокровище своей жизни, ради которого он жил полным отшельником и праведником. Дойдя до

марки с Дарвіним, он вытащил лупу, чтобы получше разглядеть недавнее приобретение. Он долго рассматривал ученого, потом перевел взгляд на очеловеченную обезьяну, пытаясь найти отдаленное сходство между великим человеком и его далеким предком. Не нашел. Принес свою недавнюю фотографию с той же целью – сравнить выпрямившего спину сородича с собой. С сожалением отметил, что сам он больше похож на родственника обезьяны, чем Дарвин. И тут случилось то, чего он никак не ожидал. Дарвин с марки стал явственно произносить отдельные слова, словно проверяя свою способность издавать звуки. Одинокий Скиталец оглянулся по сторонам в надежде увидеть того, кто мог произнести эти слова, но так никого и не обнаружил. Оставалось поверить в невероятное, либо признаться себе в том, что от долгого отшельничества он потихоньку сходит с ума. «Зизулябия, – пропел Дарвин. Напиши письмо в страну под названием Зизулябия, молодой очаровательной женщине – ее зовут Жозефина Махмуд Абу Галиб. Улица, на которой она живет, называется «16 апреля – День национального счастья», а дальше – дом 3/77, квартира 144. Не забудь! Я повторю еще раз и думаю, этого будет довольно, чтобы запомнить такой легкий адрес. Будешь благодарить меня всю жизнь! Это не женщина – это настоящий празднік».

Одинокий Скиталец схватился за голову и выбежал из комнаты. Он не подходил к альбому недели две, опасаясь за свой рассудок, но самое удивительное – он никак не мог забыть адрес и имя женщины, впечатавшиеся в его память почти так же хорошо, как и собственное имя. К тому же он обнаружил странное совпадение. Его самого звали Мамед Гулам, не совсем Махмуд абу Галиб, но похоже. Мучился некоторое время, не зная, как поступить. Рассказать другу о своих сомнениях он не мог. Во-первых, у него не было ни одного друга, а во-вторых, даже если бы он рискнул открыть душу коллеге коллекционеру, хотя бы тому, кто мечтал купить у него Мертвую голову и Арлекина, то неизвестно, чем кончился бы для него подобный сеанс душевного стриптиза. Он мог потерять репутацию солидного, ученого человека, знающего толк в марках. А в мире филателии, как и в любом закрытом сообществе, репутация – это фундамент твоего благополучия. Оставался один единственный выход. Послать письмо по этому адресу и забыть о нем. Глядишь, придет оно обратно и, возможно, с новой, необычной маркой. Перед тем, как решиться на поступок, а для Однокого Скитальца это и был самый настоящий поступок, он проверил, есть ли на карте такое государство – Зизулябия. К великому своему изумлению, он обнаружил небольшое государство, вклинившееся маленьким лоскутком между большой европейской страной и азиатским внушительным драконом. Как такая лилипутия могла стать государством в окружении великанов, оставалось загадкой. Одинокий Скиталец перестал задавать себе вопросы. На этот раз он решил написать настоящее письмо, а не просто вложить листок бумаги с несколькими ничего не значащими словами, как он это делал в прошлые разы. Он долго думал, как начать письмо к незнакомой женщине, которой, скорее всего, и на свете нет. В первый и последний раз в своей жизни он напишет любовное послание. Одинокий Скиталец, не смотревший не только на женщин, но даже на розы в саду рядом с домом, взялся написать столь необычное для него письмо. Он купил красивую писчую бумагу нежного розового цвета. Собирался с мыслями, надеясь поразить воображение далекой красавицы, однако ничего не получалось. Достал альбом с полки, открыл его и удивился перемене, произошедшей со знакомыми марками. Мертвая голова оказалась в соседстве с Арлекином, Дарвіним и женским профилем, хотя он отлично помнил, что поместил их на разные страницы.

Не успел он удивиться перемене, как заговорила Мертвая голова:

– Наконец ты станешь настоящим мужчиной. Ты поймешь, что такое радоваться каждому дню, солнечному лучу, расцветшему цветку, бабочке! Наконец ты полюбишь женщину!

– Да, да, обязательно женщину, – воскликнула Женская головка.

– Ты узнаешь, что значит любить, страдать, шутить, издеваться, плакать и смеяться над своими бедами, и все это благодаря женщине, – Арлекин не упустил случая погримасничать.

– И убедишься в том, что женщины ушли по эволюционной лестнице дальше мужчин, стоит только поглядеть на них; какие они прелестные, совсем не похожи на обезьян, ведь правда? – Сэр Чарльз и тут не смог отойти от любимой темы.

После первого шока, вызванного речью Дарвина, Одинокий Скиталец больше не пытался понять, каким образом простые бумажные марки вдруг обрели дар речи и учат его, взрослого, умудренного жизнью человека, уму-разуму. Он смирился и спросил: «А вы поможете мне написать письмо прекрасной Жозефине Махмуд Абу Галиб?» «Конечно, что за разговор! – хором закричали марки. – Садись и пиши!»

«Дорогая Жозефина», – продиктовала Женская головка. Она запнулась и тут же вмешалась Мертвая голова: – «Я перестал радоваться жизни, есть, спать и развлекаться с друзьями после того, как случайно увидел вашу фотографию в журнале, где была статья о вашей стране. Вы смотрите в объектив и улыбаетесь. На вас платье цвета заходящего солнца и сверкающие бусы, чей блеск не смог затмить блеска ваших черных жгучих глаз, пронзивших мое сердце. Я увидел вас на фотографии и прочел подпись под ней, где говорилось, что самая красивая женщина Зизулябии Жозефина любит прогуливаться по берегу моря, собирая ракушки. С тех пор я только и мечтаю о том, чтобы оказаться рядом и преподнести вам как можно больше ракушек...» – Мертвая голова сделала паузу, прокашлялась и собираясь продолжить письмо, но Арлекин перехватил инициативу. – «Ракушки, тем более съедобные – это замечательно, от них больше пользы, чем от простых. Надеюсь, вы любите именно такие. А еще мне хочется пойти с вами в театр и посмотреть на представление, где будут актеры в масках. Мaska – это второе лицо. Мы все надеваем его, когда выходим на люди, совсем как одежду. Без маски мы все равно, что голые. А вот сейчас, когда я пишу это письмо, мне кажется, что я снял маску и впервые в своей жизни стал настоящим». – Арлекин прослезился, и Чарльз Дарвин продолжил вместо него коллективное послание. – «Не думайте, что я бездельник, из тех, что день и ночь листают глянцевые журналы и не знают, чем себя занять, я серьезный человек, можно сказать, ученый в своей области. Мы можем поговорить с вами о разных материалах, и я не сомневаюсь, что женщина такой приятной внешности не только украшает пейзаж, но, возможно, она – интересная собеседница. Меня, например, интересуют филателия, биология, физика, химия и вообще, научный взгляд на мир очень помогает развитию цивилизации...», – Женская головка тихо вздохнула и все посмотрели на нее, согласившись с тем, что именно ей нужно предоставить возможность закончить письмо. – «Вам может показаться, что я скучный, неинтересный тип, на которого женщины не обращают ни малейшего внимания? Это не так! Я могу быть веселым, забавным, разговорчивым, могу быть душой компании, развеселить вас в минуту, когда вам грустно оттого, что идет дождь, и солнышко скрылось за тучками. У меня нежная душа, способная отзываться на самый тихий призыв, я чувствую все перемены женского настроения также чутко, как барометр погоду. Откликнитесь, и вы поймете,

что только я смогу стать Chevalier Servant такой изысканной Дамы, как вы, Жозефина. Я буду ждать вашего ответа, и лишь надежда на ваш благосклонный ответ будет поддерживать во мне жизненные силы!»

Последняя фраза была встречена остальными марками с некоторым неодобрением, в отличие от невиданного энтузиазма Одинокого Скитальца. Он даже согласился придумать, как ему подписать письмо: после некоторых сомнений он написал: «Ваш навеки Мамед Гулам» и поставил свою самую красивую подпись.

Одинокий Скиталец закрыл альбом, побежал на почту и отправил письмо. Потянулись долгие дни ожидания. Он не мог объяснить себе, чего он ждал. Поверить в то, что марки могут разговаривать, что адрес, написанный им, настоящий, а не выдуманный, как все остальные, очень трудно. Во всяком случае, нормальному, здравомыслящему человеку, каким считал себя до недавнего времени Одинокий Скиталец. Тем не менее, приходилось признать, что с ним происходили необычайные события. Время остановилось, и Одинокому Скитальцу стало казаться, что его существование до того момента, когда он написал это письмо, было лишь подготовкой к главному событию в его жизни. Он чувствовал себя пассажиром, стоящим на перроне и ждущим своего поезда. По неизвестным причинам его поезд не приходил. Вокруг бурлила жизнь: пассажиры приезжали, уезжали, люди сходились, расходились, и лишь Одинокий Скиталец продолжал стоять на перроне, забытый людьми и Богом. А вот теперь у него появилась уверенность в том, что поезд, сильно задержавшийся в пути, скоро появится на горизонте, и он сможет сделать выбор.

Письмо от Жозефины пришло ровно через месяц. На нем была не одна, а несколько марок. Как оказалось, письмо было переадресовано несколько раз, прежде чем нашло адресата. За время, пока оно шло в Зизулинию, Жозефина успела съездить еще раз в Австралию (ее приглашали туда родственники, оплатившие и расходы на дорогу) и вернуться обратно. Письмо Одинокого Скитальца как послушная собачка следовало за хозяйкой и наконец нашло ее. Жозефина очень удивилась, прочитав послание и обнаружив неведомого поклонника где-то далеко в Европе. Прочла его своей многочисленной родне, затем близким знакомым и в самом конце всем, кто заинтересовался этим необычным случаем. Жозефина так и не смогла найти журнала со своей фотографией, но не очень расстроилась. Она ответила Одинокому Скитальцу кратко и по делу. Жозефина написала, что если она заинтересовала далекого незнакомца до такой степени, что возникла угроза его жизни, то он может приехать к ней в гости, познакомиться с ней, ее родными и близкими. В скользь упомянула о том, что сердце ее свободно и до сих пор не нашлось Рыцаря, способного завладеть им. В письме она вложила свою фотографию, на которой она в оранжевом платье и в бусах. В том же самом платье, в котором ее видела Мертвая голова. У Жозефины было одно выходное платье. Одинокий Скиталец несколько раз перечитал письмо. Затем принялся изучать фото Жозефины, совсем как он изучал свои марки. Он даже вооружился лупой. Женщина показалась ему необыкновенно привлекательной, несмотря на смуглую кожу и курчавые волосы.

Одинокий Скиталец уверился в том, что главное увлечение в его жизни, марки, может стать источником счастья либо, наоборот, несчастья. Он открыл альбом, чтобы держать совет со своими главными консультантами. Одинокий Скиталец прочел им письмо Жозефины и попросил совета. Марки говорили наперебой, стараясь перекричать одна другую. Выиграла, как всегда, Мертвая голова. Она просто подождала,

пока все устанут, и только тогда вступила в дискуссию:

– Неужели тебе нужен совет! Не могу поверить! На твоем месте я давно собрал бы чемоданы, с подарками для Жозефины! Вперед, навстречу судьбе!

Выслушав патетическую речь, марки одобрительно зашелестели. Мужчине не оставалось ничего другого, как согласится. Да он и сам хотел того же.

Впервые в жизни он поедет в далекую страну, отправится в дальнее путешествие, увидит новые края, незнакомых людей. И самое главное – он встретит ту, ради которой он совершил необыкновенный поступок: решился на путешествие. В самолете он окончательно поверил в реальность происходящего. Он не предупредил заранее Жозефину. Друзья-марки посоветовали ему сделать ей сюрприз. Первое, что поразило его на земле Зизулябии, это пальмы. Одинокий Скиталец не представлял, что в каких-нибудь 3 часах полета от его туманного края находится яркая, подобная тропической бабочке страна, где голубое небо и пальмы напоминают экзотический рай. Название улицы «16 апреля – День национального счастья» не знал ни один из таксистов. Незадачливый влюбленный огорчился и подумал, что авантюра закончится прогулкой по необычному городу. Он сел в такси и попросил шофера покатать его по городу. Таксист оказался разговорчивым и трещал без умолку, рассказывая о памятниках – новейших и старых. По его рассказам выходило, что история Зизулябии уходит в глубь веков. И чем больше ее изучают, тем древнее она оказывается. Одинокий Скиталец вспомнил о Дарвине, хотел поделиться с шофером мыслями об эволюции человека, прошедшего путь от обезьяны, но был прерван радостным криком: «Кто бы мог подумать? Раньше проспект назывался «Бульвар самбы», а, оказывается, его переименовали, и сейчас – это улица «16 апреля – День национального счастья». Смирение и уныние сменились у влюбленного эйфорией. Вновь надежда засверкала брызгами фонтанов, усеявших улицы и площади города.

Дом 3/77 в мавританском стиле органично сливался с пейзажем. Не успела машина остановиться у подъезда, как из него выпорхнула Жозефина в знакомом влюбленному платье, со сверкающими бусами. Она вскрикнула, засмеялась, протянула ему руку. «Ты – Мамед Гулам и приехал за мной!» Потрясенный, потерявший способность рассуждать, Одинокий Скиталец отдался на волю Жозефины, осветившей его серое существование райской птичкой, подобной той, что была на марке, наклеенной на единственное письмо Жозефины, полученное им из Австралии.

Предсказание Мертвой головы о том, что марки будут путешествовать по свету, наклеенные на письма, не сбылось. Оказалось, что гашенные марки невозможно снова клеить на конверты. Даже такая умница, как Мертвая голова может чего-то не знать. Альбом разросся, новые марки со всего света, наклеенные на настоящие письма, которые получала Жозефина, заняли в нем свои места. Репутация солидного филателиста упрочилась, дела пошли в гору. Дом Одинокого Скитальца перестал быть убежищем отшельника, в нем появился свет, друзья, родственники и знакомые Жозефины, принявшие и полюбившие Одинокого Скитальца, превратившегося в счастливого Мужа Жозефины Мамед Гулам. Новобрачный долго бился над вопросом – рассказать любимой жене, каким образом он узнал ее адрес или нет? И все-таки решил не делать никаких признаний. У каждого человека должна быть своя тайна! А вот марки с тех пор больше ни разу не заговорили.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

66 сонет

**Смерть призываю. Мне невмоготу
Преумноженье легиона нищих,
Достоинство, томимое в аду,
Холодные улыбки власть имущих.**

**Что наглые хоочут, преуспев,
И совершенству грошевые цены;
Ещё – проституированье дев,
И малодушные у власти на раменах.**

**Искусства прерывается полёт,
Философ сносит глупых поученья,
Чистосердечный дураком слывёт,
Добро претерпевает униженья.**

**Невмоготу. Желаю умереть.
Но друга бросить – не могу посметь.**

Перевод Лачина
Ночь на 1 янв. 2015 г.

Комментарий переводчика (апрель 2015 г.)

Данный сонет переводился не менее сорока раз, во всяком случае, столько вариантов мною прочитано. Переводя, я старался уложиться в меньшее количество слов, чем Пастернак, Маршак и Дудин, чьи варианты я имел под рукой, придерживаясь содержания не меньше них, а желательно больше. Что и сделал. У меня пятьдесят четыре слова. Слово «проституированье» буквально передаёт подлинник. У Шекспира это относится к девственницам, у меня – «девам», что, впрочем, то же. Это, кстати, важный момент – Шекспир говорит о конкретных социальных проблемах, но почти все переводят стихотворение как абстрактно-моралистическое, и выходит по слову Лермонтова: «намёки тонкие на то, чего не ведает никто». Шекспир пишет о малодушных и глупых людях у власти (у меня: «малодушные у власти на раменах»), а переводы сплошь и рядом говорят о некой абстрактной силе на поводу у столь же абстрактных бессилия, слабости, *ets.* Никаких аллегорий в сонете нет, вот и я без них обошёлся. («Проституированье», думается, не переводили по трём причинам: вышеупомянутое абстрагирование, ханжество, и то, что это слово трудно уложить в стихи, особенно в пятистопный ямб).

66 сонет не только самый злободневный у Шекспира, но и, что парадоксально, самый актуальный в наше время. В последние два столетия он злободневнее прежнего. Дело в том, что поэт изображает не столько феодализм, при котором жил, сколько капитализм, тогда только набиравший силу. А капитализм сейчас владеет миром в куда большей степени, чем в шекспировские времена.

Любопытно: на днях я писал в статье ««Дон-Кихот», фентэзи и Голливуд», что «Дон-Кихот» стал актуальнее с середины двадцатого века. Здесь примерно та же ситуация. Для постсоветии сонет злободневен вдвойне. Остаётся надеяться, что когда-нибудь он вновь умерит свою актуальность, как то было в СССР. Что, конечно же, не умерит его достоинств.

ЭМИЛЬ АГАЕВ

СЕЛО ТРЕВОГИ НАШЕЙ

(Заметки полугороджанина)

2015 год объявлен в Азербайджане годом сельского хозяйства, что естественно, если учесть повышение его значения, его стратегической важности в деле самообеспечения страны, продовольственной ее безопасности в связи с экономическим кризисом.

Но вот почти полгода прошло, а, судя по прилавкам, изменений к лучшему нет (наоборот – выросли цены!).

Да, Село у нас село. Можно ли его поднять?

Дефицитная корова

Когда-то, еще до начала промышленного извлечения нефти, Абшерон утопал в садах и виноградниках. Не хватало воды – были колодцы, не хватало техники – были лопата-кетмень, были руки... Было и огородничество, хотя чаще для себя, не на продажу. Исключение составлял разве что шафран – благородный и дорогостоящий, в настоящее время, увы, полузабытый. Как на продажу (причем, в саму Россию, в Москву-Питер) в недавнем прошлом были, как вы помните, и цветы.

Что сейчас?

Мне понадобилась коса, чтобы скосить траву на дачном участке, и знаете, в хозяйственных магазинах, где обычно для сельской местности продают и сельскохозяйственный инвентарь, не оказалось... даже лопат. Даже молоко-гатых, которые под видом «домашних» продают в здешних магазинах – на самом деле порошковые. Который год живу в Шувелане и ни разу не видел на улице корову. Бараны – это пожалуйста, особенно по дороге к пиру Мирмовсум-аги, тут десятки мест, где их продают; продавцы, потрясая палками, всячески рекламируют свой товар, даже выскакивают чуть ли не под колеса проезжающих машин: «Купи!». Где то время, когда молоко разносили по домам? А сейчас не «Молоко, молоко есть!» кричат, кричат – «Хлор! Кислота!», что символично – химия все больше вторгается в нашу жизнь, вытесняя все природное, натуральное. Что до фруктов-овощей, то, помню, огурец был: надкусишь – на зубах хрустит, помидоры из Зыря – красней не бывает! А сейчас разрежешь помидор, даже, как уверяет продавец, из Зыря – внутри ядовито зелено. То ли срывают его раньше времени, чтобы подороже продать, то ли сорт уже не тот; семена сейчас – больше привозные.

Что осталось? Разве что, зелень. В основном, из самого отдаленного от Баку села Тюркян. Жители его работают на нефтепромыслах, но не забыли своих крестьянских корней, не потеряли вкуса к огородничеству. По рассказам моего отца, выходца из Тюркяна, у местных жителей по инициативе самого Мирджафара Багирова отобрали участки с тем, чтобы создать колхоз. Как Багиров полагал, инициативу заметят в Москве, поддержат в Грузии и Армении, однако этого не произошло, колхоз ликвидировали, участки пришли в упадок. Но тюркяны сумели их возродить.

Потухший тендер

Да, крестьяне на Абшероне чем занимаются сейчас? Держат скот, собирают инжир-виноград. А так... Кто-то где-то работает – на стройке, на тех же промыслах, у кого машина – занимается извозом. Зачем копаться в земле, когда город (да какой – сама столица!) под боком.

И, собственно, они даже и не крестьяне уже!

Ну, а горожане, бакинцы, известное дело, едут на дачи не трудиться в саду-огороде – отдохать. Море, пляж, шашлычок... Тоже дело стоящее. Хотя, замечу, скромные дачи советских времен все больше теснят роскошные виллы, которые, к слову говоря, пустуют годами (зачем их хозяевам Абшерон, когда можно смотреться на Багамы!).

Ладно, Абшерон – это Абшерон. И его деревни, разве что за малым исключением, и не деревни уже. Дороги, свет-газ, городская инфраструктура.

Может, положение лучше в провинции?

Но вот впечатления уже не мои – коллеги-журналиста. Цитирую:

– В пятницу отправился я на свадьбу в одну из деревень в Тертере. Свадьба-свадьбой, обычай, все-такое, но знаешь, что больше всего поразило? Лень наших людей. Ты представляешь, во всей большой деревне я не нашел места, чтобы купить именно местный «тендир». Люди перестали печь хлеб. Покупают. Вынужден был поехать за хлебом в одну из бардинских деревень. Просто принципиально решил его купить. У всех огромные территории – землю-то раздели, но яйца... тоже покупают.

– Ладно! Даже яйца покупают?

– Да, у многих даже кур-петухов нет, не разводят. Крупный рогатый скот есть. Лук и гранат выращивают и продают всей деревней. Живут нормально. Но почему не занимаются своим подсобным хозяйством, не пойму?

Захожу в гости. Дом стоит на территории, конца краю которой нет. А на ней только пять деревьев растет. Говорю: что же вы, люди, деревья не сажаете? У вас тут и артезианские колодцы через каждые 200-300 метров есть, и природа соответствующая.

– И что они?

– Молчат. Людям как будто стало западло работать на земле и с домашними животными. Свели контакты с землей до минимума, ну, чтобы себя как-то прокормить, все-таки что-то по мелочи выращивают, но... Родственник, у которого я остался на ночь, перед отъездом утром купил мне в подарок 10 литров молока. Ты представляешь, жить в деревне, а молоко и гатыг покупать... Странно ведь, нет?!

Взгляд эксперта

Ладно. Все это – взгляд журналистский. Но вот мнение эксперта:

– У нас принятая масштабная программа развития регионов. Но по всем регионам предлагается одинаковый пакет развития.

Скажем, в горных районах должно развиваться животноводство и скотоводство. На данный же момент, в силу того, что приоритетным в Азербайджане объявлено развитие зерноводства и на это брошены главные ресурсы, аграрии в этих районах вынуждены сеять зерно, которое более целесообразно сеять в Джалилабаде.

Однако одной из основных ошибок является то, что РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОТДЕЛЕНО ОТ РАЗВИТИЯ СЕЛ.

А ведь во всех передовых странах Европы политика по развитию сельских местностей является неотъемлемой частью аграрной политики. Профильные ведомства практически во всех странах Европы так и именуются – министерствами сельского хозяйства и развития сельских местностей! (Ровшан Агаев, «Эхо»).

Еще один эксперт – Вахид Магеррамов («Ени мусават»), комментируя выступление по АзТВ министра сельского хозяйства, удивляется, что министр хвалится тем, сколько закуплено комбайнов, которые можно-де использовать «для повторных посевов». Но, уточняет эксперт, у нас невозможно дважды в год выращивать пшеницу, ячмень, овес. И какой смысл в приобретении такого числа комбайнов (по сто тысяч евро каждый), если их используют только при уборке, остальное же время они стоят без надобности? Да и у фермеров, как известно, куда большая нужда в другой технике – в сеялках, сенокосилках, распылителях, машинах для прессования, уборки картофеля и кукурузы и т.д. А потому история с комбайнами – это не что иное, как разбазаривание бюджета! У Министерства сельского хозяйства, считает эксперт, давно

пора уже отобрать функции по завозу и продаже техники, удобрений, скота, дабы не было алчных посредников, передав их коммерческим структурам, а распределение субсидий передать Министерству финансам.

...Да, нужна отдельная (комплексная и адресная!) программа развития сел, в том числе заброшенных. Без этого в них едва ли вернутся молодые и самые работящие из крестьян: те, кто уехал на заработки, поскольку здесь невозможно жить и негде работать. Это уже не те крестьяне, они поездили, повидали мир. И им хочется жить в деревне, не уступающей по уровню культуры и быта жизни городской.

Гарантии

В свое время автор этих строк с воодушевлением писал о том, как впервые в республике (как и, если не ошибаюсь, на постсоветском пространстве) по инициативе Гейдара Алиева распределяли бывшую колхозную и совхозную землю между жителями села. Это было решение принципиально важное!

Но жизнь показала – этого оказалось недостаточно. Землю дали, но без реальной, как это существует во всем мире, поддержки частного предпринимателя на селе, крестьянина («фермера», как мы его называем на американский манер); на практике он зависит от кучи больших и малых начальников – в агролизинге, банковской сфере предоставления положенных ему кредитов, от самодурства местных властей... (Помню, как на одном из совещаний Ильхам Алиев резко раскритиковал министра сельского хозяйства, говоря о хищениях при выделении субсидий, сказал: «Субсидии выделяются для фермеров, не для чиновников!»).

А ведь сельское хозяйство не всегда и не везде (даже в Европе, в США), даже при современных технологиях, является занятием ГАРАНТИЙНО прибыльным. А потому оно не может существовать без постоянной и, что главное, умелой поддержки ГОСУДАРСТВА.

Это и у нас делается. Несмотря на массу огрехов – и даже прямых грехов! – того же Министерства сельского хозяйства (это тема отдельного разговора), сколько было издано президентом указов и распоряжений для решения существующих в агропромышленном секторе проблем, для осуществления тех же программ социально-экономического развития регионов, строительства дорог, для водообеспечения, сколько на это выделено средств.

Но для подъема районов, села нужны усилия ТОЛЬКО ЛИ ГОСУДАРСТВА?

Новые крестьяне?

Не люблю дачников. Сам был таким, приезжая на нашу дачу наездами. Но с тех пор, как – по примеру, к слову говоря, многих бакинцев моего поколения – стал жить на даче круглый год, то есть стал, по сути, селянином, дачников не люблю. Шум-гам, машины с бухающей музыкой в них, на дорогах мусор... Однако больше всего беспокойство вызывает то, что, живя в сельской местности, я не чувствую села. Не могу понять нежелание людей сажать деревья, что-то выращивать на своих участках. Не видно у нас садово-огородных товариществ, которые бурно развиваются, скажем, в Подмосковье. Не видно агротуризма. Я не говорю уже о агроФраншизе (аж в Перми!), помогающем по примеру Запада, где эта форма услуг возникла, всем желающим начать свое дело, свой сельский бизнес – предоставляет технологию, обучает, стажирует, консультирует.

Все мы, как говорится, когда-то были крестьянами. Ну, а тенденция бегства из городов в сельскую местность наметилась давно, а сейчас подхлестывается экологией и безработицей, тем же экономическим кризисом. Дошло уже до коллективных форм переезда из города в сельскую местность (к примеру, в Санкт-Петербурге) – переезжают семьями, вместе с друзьями-знакомыми, коллегами. Переезжают не только коренные горожане, но и, естественно, крестьяне, когда-то переехавшие в город.

Читаю: «Бывшие горожане говорят, что земля кормит не хуже офисов, считая что люди зря уезжают с земли в города». По мнению бывших питерцев, Россию поднимут НОВЫЕ РУС-

СКИЕ КРЕСТЬЯНЕ. Есть ощущение, что люди в кризис будут возвращаться к земле. Какой смысл зубами держаться за город, влезать в пожизненный кредит за жилье, мучиться в пробках, если есть возможность жить в гармонии с природой, в своем доме. Вопросы образования с развитием технологий наверняка не станут такими сложными – не исключено, что вузы и школы смогут предоставлять возможность обучаться через Интернет. Кто знает, может это не такое и далекое будущее!

Вот ведь как. Бегство из шумных, грязных городов, от искусственных пищевых продуктов на село, к продуктам натуральным, выращенным своими руками (помните призыв Руссо – «Назад к природе!») – это уже не просто призывы, не просто реальность – это тенденция, обозначившаяся давно (помните «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, написанную э-э когда!). А сегодня это выстраивается уже в серьезную для всего человечества перспективу!

Огни печальных деревень

Родина есть Родина. Как в одноименном знаменитом стихотворении Лермонтова:

*...Но я люблю – за что не знаю сам? –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям....
Просёлочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.*

Да, без села, без деревни, вписанных в природу – в прямом и переносном смысле – нет страны, нет Родины. Не только для поэта, для каждого из нас. Это уже поняли на благополучном Западе, где давно нет проблемы сближения города и деревни – в смысле благоустройства, культуры, быта (то, на решение чего были направлены, как вы помните, программные документы советского прошлого, увы, так и оставшиеся на бумаге).

Ну, а у нас деревня, увы, как была символом темноты и отсталости (даже выражение такое есть – «ты, деревня!»), так, по сути, такой и осталась. А крестьянин как пытался во времена крепостного права, а затем колхозов (то же крепостничество!), уехав из деревни, вырваться «в люди», стремится к тому же самому и ныне, когда, после распада СССР, мы ухнули в дикий «рынок».

Голубая мечта нашего среднего провинциала (не крестьянина, провинциала!) как была, так и остается – переехать правдами и неправдами в столичный Баку, жить – даже снимая квартиру – в самом, что ни есть, шумном и душном центре города...

Итак, парадокс – у нас есть провинция, но нет села. Село у нас село!

Можно ли его поднять? Можно, если мы осознаем, что современное село не может существовать в виде представлений о собственном крестьянине, копающем землю. Как не можем существовать в то же время и мы без нашего преклонения перед богом данной нам землей. Без понимания той простой истины, что наша сила, как у древнегреческого бога Антея, именно в ней, в земле!

МАРИНА МУРСАЛОВА

Легкая смерть

Рассказ

Крис прислушался. Вскоре шуршание шин по дорожке, посыпанной гравием, переместилось по направлению к воротам. Жена, прихватив детей, укатила к своей мамочке. Чуть что, сразу бежит к ней.

Крис поймал себя на мысли, что всегда думал об этом с некоторой завистью – у него самого не было таких близких отношений с родными, а матери он не знал вовсе – та оставила его с отцом, когда Крис был совсем крошкой. Перед отъездом из Вашингтона Крис поместил отца в Дом престарелых, – за стариком нужен был уже особый уход. Крис перезванивался с ним, но последний раз навещал отца ровно год назад, на этом настояла Рита, она даже предлагала перевезти старика в Орегон.

Слава Богу, отец сам отказался от этой затеи, наверное, понял, что тем самым создаст сыну и невестке немало хлопот.

После сегодняшнего скандала, внезапно разразившегося за утренним чаем, Крис был вне себя от ярости и обиды на жену, которая на самом деле, конечно же, была ему очень дорога. Он полюбил ее, как ему казалось, так давно и любил уже так долго, что это чувство словно проросло в нем, окутало подсознание самым естественным образом, и стало физически неразделимым со всей остальной его сущностью. Хотя Рита всегда была такой: взбалмошной, неуправляемой и неблагодарной. Упорно делает вид, будто перемены, наступившие в их жизни, столь незначительны, что и не стоят явного восхищения.

Крис в бессильной злобе, душившей его изнутри, с размаху смел бумаги, аккуратно сложенные чистюлей женой у него на столе. Что еще осталось от нее, прежней, так это ее патологическая страсть к чистоте.

Нет, сегодня же он отправится в Лас-Вегас и потратит значительную сумму без ее ведома, так, как заблагорассудится! Дрожащей рукой Крис вынул из кармана пиджака ключ от сейфа. Перед тем, как набрать код, еще раз на всякий случай выглянув в окно. И не напрасно. Как раз в этот момент он увидел, как из припаркованной у дома машины вышел улыбающийся Робин. В отличие от Криса, он пребывал в самом прекрасном расположении духа. В руках у Робина были роскошные пионы.

Крис спустился вниз и успел перехватить незваного гостя еще во дворе. Стаясь не показывать своего раздражения, предложил выпить по стаканчику виски на свежем воздухе, в любимой беседке Риты, сплошь увитой плющем вперемежку с гирляндами из душистых мелких роз. Точно такой же розовый орнамент украшал плющевую ограду и беседку во дворе у тестя. Криса раздражала эта вечная перекличка в его доме с «папиными» розами, шкафами и пирогами.

– Риты дома нет? – поинтересовался Робин, заприметив, что ее машина на обычном месте отсутствует.

– Она уехала с детьми погостить у матери. А что?! – вопрос прозвучал вызывающе. Что за манера притаскиваться к чужой жене с букетом?

– Насколько я помню, сегодня очередная годовщина вашей свадьбы, – Робин положил цветы на стол и взял бокал. – Но что-то я не вижу радости на твоем лице.

Брови Криса поползли к переносице. Ему показалось, что Робин знает об их ссоре и теперь пришел просто поиздеваться над своим извечным соперником. Между ними, несмотря на дружеские отношения, всегда существовало негласное соперничество, и виной тому была, конечно, Рита.

– Надо же, не забыл, – усмехнулся Крис.

– А почему я должен был забыть? – Робин на враждебный тон хозяина ответил своей обычной широкой «провинциальной» улыбкой, – я ведь как-никак был шафером на вашей свадьбе.

– Ну да.

На этом настояла Рита. У Криса в Орегоне, куда он переехал из Вашингтона за год до знакомства с будущей женой, не было никого из близких, и Рита предложила взять в шаферы Робина, с которым вместе росла, и которого, по ее словам, считала чуть ли не своим братом.

Крис не был в восторге от их дружбы и не скрывал своего недовольства от жены. Что за странная дружба между взрослыми мужчиной и женщиной? Крис всегда считал, что такая, так называемая дружба, должна основываться исключительно на взаимном (пускай даже на подсознательном уровне) притяжении полов, поскольку в человеке это заложено самой природой. Рита смеялась над подозрениями мужа и всегда говорила, что как раз по этому поводу Крис может быть спокоен: изменить с Робином для нее было равносильно измене с собственным братом. Крису пришлоось привыкнуть к их обоюдной страсти к игре на гитаре и бесконечным диспутам на темы современного искусства. Но даже когда ему надоедали их «великосветские» беседы, он никогда не оставлял наедине жену и ее друга.

– Крис, проблемы? – Робин спрятал, наконец, улыбку. – Хочешь поговорить?

Робин почти угадал. Сейчас обиженному Крису было просто необходимо излить на кого-нибудь свою накопившуюся желчь. И кандидатура Робина как нельзя лучше подходила для такого случая.

– Что ты все время лезешь со своими вопросами? Хочешь, чтобы я поплакался тебе в жилетку?!...

– Крис...

– Заткнись! – довольно грубо оборвал его Крис. – Думаешь, я ничего не понимаю? Ты ведь только и ждешь момента, чтобы подставить мне подножку. Думаешь, тогда Рита достанется тебе?

– Крис, попридержи язык, – чувствуя, что Крис на взводе и ищет повода для скандала, Робин решил развеять беспочвенные сомнения ревнивого мужа. – Рита мне как сестра...

Но это утверждение,казалось, только еще больше разозлило Криса.

– Сестра... брат... как мне все это надоело! – с ненавистью хрюплю произнес он.

– Если бы ты не встревал в наши отношения, Рита никогда не позволила бы себе таких вольностей... – Крис опорожнил свой стакан. – Святоша!

– Не советую тебе сегодня напиваться! – Робин не стал больше пререкаться, встал и своей обычной пружинящей спортивной походкой направился к машине.

– А я не нуждаюсь ни в чьих советах! – выкрикнул вслед ему Крис. – Все только и делают, что советуют! Тесть, жена, друг жены... – Робин шел, не оглядываясь.

Не в силах больше сдерживать рвущуюся наружу ярость, Крис схватил со стола

бутылку и запустил ею в Робина – бутылка пролетела в сантиметре от его головы, – он непроизвольно испуганно отпрянул в сторону. Затем медленно развернулся.

Было заметно, что Робин тоже не на шутку разозлился.

– Ты ненормальный, ты мог меня убить, – он вернулся в беседку. Тяжело дыша, схватил Криса за грудки, притянул к себе. – Я вижу, убийство становится для тебя вполне обыденным делом, – прошептал он свистящим шепотом в лицо Крису. – Только я не тот немощный старец Вильямс, поэтому я тебе отвечу!

Робин с размаху въехал кулаком Крису прямо в челюсть. Крис застонал и, не удержав равновесия, растянулся на пороге беседки. Робин был на голову выше Криса, а привычная работа механика натрудила руки почище спортивных снарядов.

Крис поднялся не сразу. Держась за челюсть, присел на краешек шезлонга, забытого под деревом. Он не спускал ненавидящего взгляда с Робина, который, постояв еще немного, опять круто развернулся и без лишних слов продолжил свой путь.

– Постой! – вдруг окликнул его Крис нетвердым голосом. Робин оглянулся. – Кто тебе рассказал про старика?

* * *

Они сидели с Робином все в той же беседке. Робин, чтобы расслабиться после пережитого стресса, выпил еще немного. Крис хотел последовать его примеру, однако Робин довольно грубо, но решительно забрал у него из рук стакан.

– На сегодня достаточно! – Крис на этот раз не стал возражать. Робин поставил бутылку под дерево. – Если хочешь, давай поговорим. Для начала о Вильямсе. – Он посмотрел Крису прямо в глаза и спросил: – Ты ввел старику лекарство, от которого тот отбросил коньки? Скажи, тебя об этом попросила его дочь?

Крис принялся растирать ноющую челюсть. С ответом он явно не спешил.

– Молчишь?! – Робин криво усмехнулся. – Да уж, тебе ничего сказать. – Робин поднял вверх наполовину наполненный бокал. – За старика Вильямса, да упокоит Господь его мятежную душу.

На Криса нашло что-то вроде ступора – нечто среднее между пьяным отупением и вполне осознаваемым ужасом внезапного разоблачения.

– Вильямс был совершенно безнадежен, – вяло промямлил он в конце концов. Робин опять усмехнулся.

– А помнишь старушку-француженку, по фамилии Шарадон, кажется? Она обитает в доме из розового туфа, недалеко от школы. Два года назад она ослепла, и прогноз врачей также был безнадежен. Я вчера ее видел, она читает без очков. Она боролась: выискала в Интернете специальные программы, ей даже какие-то травы из русской Сибири присыпали, помнишь, Рита рассказывала...

– К сожалению, диагноз Вильямса был однозначен, – упрямо повторил Крис. – Я просто избавил его от ненужных страданий.

– А ты кто, Господь Бог, чтобы решать, что Вильямс достаточно настрадался? – Робин внимательно посмотрел на Криса. – И как ты себя после этого чувствуешь?

Крис не выдержал. Он вдруг начал кричать, размахивая руками.

– Эвтаназия разрешена законодательством штата, есть письменное прошение дочери Вильямса! Я не занимаюсь ничем противозаконным!... Я врач и не имею морального права отказывать в помощи, когда меня об этом просят!...

– Ты подобрал себе замечательную компанию, – не обращая внимания на его слова, продолжил Робин. – Этого поляка Гершевича выгнали из психбольницы за то,

что он проводил над своими больными опыты.

– Он хороший специалист, – хрипло проговорил Крис. Затем, откашлявшись, добавил: – И проводил не опыты, а научные исследования. – По лицу Робина Крис понял, что его гость все же остался при своем мнении.

– Крис, наш городок слишком мал для того, чтобы можно было скрывать такие вещи. – Крис понуро опустил голову. – Неужели ты думаешь, что деньги, полученные от Греты Вильямс, пойдут тебе впрок? – Робин вздохнул. – Она всегда боялась, что старик отпишет дом своей бывшей жене, которую очень любил.

– Хватит меня мучить! – опять взорвался Крис. – И не смей делать из меня преступника!

– Неужели ты не понял еще, почему над твоим домом рушится крыша? Ты хочешь потерять Риту?

Крис испуганно взглянул на друга своей жены.

– Она знает?

– В нашем городе трудно удержать тайны под замком...

Крис почему-то сейчас вспомнил, как удивился вчера, когда на его приветствие не ответил сосед-юрист.

Этот заштатный городишко разительно отличался от огромного мегаполиса – Вашингтона, в котором Крис родился и привык жить. На первых порах ему даже казалось, будто все здешние жители принадлежат к какому-то одному огромному семейному клану – настолько, на его взгляд, непозволительно близкими были отношения между ними. Все здесь друг с другом здоровались, все друг о друге знали, даже в День благодарения и на Рождество жители неизменно собирались на главной площади, чтобы разделить свою радость с остальными.

Семья Риты была типичной для данных мест – образец идиллических родственных отношений. Если бы не Рита и не работа... привыкший к шумной сутолоке большого города, где легко затеряться и не обязательно выставлять напоказ свою добродетель, Крис давно вернулся бы обратно в Вашингтон.

Он долго рассыпал свои «cv», пока его не заинтересовало предложение, поступившее из здешних мест. В местном госпитале ему предложили на выгодных условиях работу главного врача – анестезиолога. Немного посомневавшись, но в конце концов придя к мысли, что «лучше быть первым парнем на селе, чем последним в городе», Крис распрощался с должностью ассистента и прибыл в пункт назначения – маленький городишко в штате Орегон, где судьба свела его с самой прекрасной женщиной на свете – Ритой. Они поженились через полгода после знакомства. В здешних местах не принято было долго ходить в бойфрендах.

Крис был очень счастлив со своей женой, любил её не меньше, чем она его, а их мальчики были просто чудо. В последнее время Рита поговаривала о том, что им не мешало бы завести третьего ребенка – рыжеволосую, как она, дочурку. Крис был не против, да и достаток позволял строить самые смелые планы...

Но вдруг все переменилось. Рита, эта добродетельная, наполненная светом любви, вечно воркующая с малышами и мужем женщина в один миг превратилась в грубую, упрямую и злую мегеру. Без всякого повода стала срываться на детях, пропускать мимо ушей просьбы собственного мужа, а сегодня на замечание по поводу не-приготовленного завтрака просто послала его ко всем чертям.

Теперь-то он знал причину столь неожиданной перемены в собственной жене. Не иначе, как нашелся злопыхатель, рассказавший о госпитале, об этом Вильямсе.

Скорее всего, это сделала новая санитарка. Эльза никогда бы не открыла рот понапрасну, знала, за что брала деньги. К тому же, у нее были какие-то понятия о профессиональной этике... На последнем слове мысль словно споткнулась и начала разворачиваться в обратном направлении.

А что, собственно, ему следует скрывать, что он сделал такого, за что его неизменно должна мучить совесть? Старик был обречен, точно так же, как Смит, как старушка Крамер, коматозный Флинт...

Имеются письменные свидетельства от самих больных или от их ближайших родственников. Кто может усомниться в достоверности подписанных документов, разрешающих «положить конец той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию»? Именно так оговорено в законе – идя навстречу желанию пациента. Или его родственников, если больной сам не в состоянии...

Какие могут быть подозрения или претензии к Крису, он не родственник – лицо незаинтересованное, он – врач...

Нет, себе он лгать не мог. Незаинтересованное?! Перед глазами возник чек с размашистой единицей и несколькими красиво очерченными нолями. Это – от Греты Вильямс за старика отца.

Но почему он – «незаинтересованное, постороннее лицо» – должен мучиться угрызениями совести, когда родная дочь Вильямс спокойно закрыла на все глаза, да еще не пожалела денег для того, чтобы поскорее услать своего старика на тот свет? К тому же старик и впрямь был безнадежен. И конец его был бы ужасен. А так, Крис, можно сказать, помог бедняге уйти чуть пораньше, но «уйти достойно», без этих страшных неминуемых мук, просто и легко – во сне.

Старик мог бы и сам подписать себе приговор, но он так отчаянно цеплялся за свою никчемную жизнь. Никчемная, потому что даже дочери своей он был не нужен.

Вообще, как заметил Крис, в мире существует странный парадокс: молодость – время, которое действительно стоит того, чтобы беречь каждую секунду – безрассудна. Часто молодые люди совершенно неоправданно рисуют или без сожаления расстаются с жизнью по какому-нибудь глупому незначительному поводу. А старики, даже пройдя долгий жизненный путь и неминуемо осознав, насколько быстротечна и порой бессмысленна их жизнь, становятся сверхосторожными и цепляются за нее до последнего вздоха. А ведь, если посмотреть на вещи трезво, в этом жестоком мире слабому, немощному, в принципе, и делать-то нечего. Только мучиться и страдать от своей беспомощности. Так что его миссия, считал Крис, в некотором роде даже гуманская: освобождает общество от изжитого, ненужного материала, а человека – от ненужных страданий и отвернувшегося от него общества.

Старушка Крамер... все еще жизнерадостная, несмотря на свои 93 года и полнейшую неподвижность, вызванную перенесенным инсультом. Доктору Гершевичу долго пришлось ее обрабатывать, но даже после этого явных признаков апатии к жизни у нее не выявилось. Видимо, природный оптимизм и являлся тем самым генератором, вырабатывающим ее неиссякаемую энергию жизни. В истории старушки было все «по-Бидструпу». Двадцать лет назад опекуном состарившейся состоятельной старой девы – госпожи Крамер – с радостью стал ее старший племянник. Конечно же, в надежде на скорый уход богатой тетушки с бренной земли. Все свое свободное время он посвящал «любимой тете», заботился, ездил с нею на оздоровительные курорты. Из-за постоянной занятости он не успел обзавестись семьей и умер в возрасте 55 лет от инфаркта, так и не дождавшись вожделенного наследства.

Младший племянник, боясь повторить роковой путь своего брата, на этот раз решил сократить время своего опекунства. После недолгих переговоров с «сочувствующим» врачом – Крисом – он получил пакет акций тетиной компании, а Крис – красивую небольшую яхту «Санта Эсмеральда» для прогулок по озеру. В результате переговоров пострадали интересы лишь третьей стороны – самой старушки Крамер. Она получила не совсем то, что хотела – участок на местном кладбище, где теперь ее регулярно навещает «безутешный», но богатый любимый племянник.

Крис вспомнил своего первого больного, подвергнутого эвтаназии. Это был коматозный пациент по фамилии Флинт. Он лежал без движения почти семь лет – результат авиакатастрофы. Флинт не справился с управлением маленькой «Cessna». Существование мужа в таком подвешенном состоянии – между жизнью и смертью – целых семь лет его жена (не без помощи «светила психиатрии» – Гершевича) считала кощунственным. По уверению врачей, процессы, происходящие в его организме, были необратимыми. К тому же за семь лет ее жизнь изменилась. Женщина была молода и красива, и ей хотелось устроить свое будущее, пока не поздно. Она встретила и полюбила другого мужчину, и муж стал просто помехой в ее благополучной жизни. Перед тем, как подписать бумагу об эвтаназии супруга, она долго плакала, было видно, что принять решение ей стоило больших нервных затрат. Доктор Гершевич с трудом успокоил несчастную вдову...

Крис хорошо запомнил тот день, борьбу, происходившую в нем. После подписания всех бумаг, при свидетелях в систему жизнеобеспечения больного была введена большая доза снотворного. И хотя Крис пытался успокоиться мыслью о том, что «все вполне законно» и что «он помог больному уйти достойно», он долго не мог преодолеть чувства брезгливости к самому себе.

Свои «гуманные» действия для себя лично он определял как банальное убийство, несмотря на вроде бы приемлемую упаковку из слов в виде загадочного термина – «эвтаназия»... Но в конце концов мораль отступила на задний план.

Среди среднего медперсонала в отделении для безнадежно больных дискуссии по поводу целесообразности эвтаназии тоже никогда не велись. Для них достаточно было заключения врача-профессионала, то есть Криса. А постоянные премии и прибавки к зарплате накрепко затыкали рты. «Все законно» – это был главный аргумент для очистки совести. Выполняя поручения или подписывая какие-то свидетельские «нужные» показания, они тем самым перекладывали весь моральный груз ответственности за совершиенные деяния на главного врача.

«Если это не сделаю я, то сделает другой врач, – говорил себе Крис. – Никогда не будет пустовать место, где можно хорошенеко поживиться, такова уж человеческая натура».

Старая опытная медсестра Эльза все же не выдержала.

За время, прошедшее после первой эвтаназии она словно растаяла – похудела почти вдвое. Крис всегда чувствовал, что с нею что-то происходит, прочитал однажды это по ее глазам, хотя внешне она оставалась по-прежнему невозмутимой и исполнительной. В конце концов Эльза ушла, как Крис ее ни уговаривал, – боялся, что с уходом молчаливой медсестры все происходящее в их отделении может претендовать на огласке. Так оно и случилось, хоть Эльза была здесь ни при чем.

По городку поползли слухи, с ним перестали здороваться. Но никаких претензий со стороны правоохранительных органов, слава Богу, не поступало. Да и какие могли быть претензии? Все бумаги в порядке, все законно, ни к чему не придерешься.

Все в порядке... только почему-то «рушится крыша его дома», правильно сказал Робин. Крис подумал о том, что в их отношениях с Ритой с некоторых пор тоже происходят «необратимые процессы».

* * *

Крис гнал автомобиль. Легкий дождь брызгал на переднее стекло, но черная туча, нависшая над горизонтом впереди, грозила разразиться серьезным ненастьем. При мысли о проливном дожде Крис поежился.

Как можно любить дождь? Радоваться тому, что на тебя, одетого в костюм и хорошие ботинки, вдруг ни с того ни с сего выливаются потоки холодной воды?

Рита, например, в дни, когда на улице стоит подобная сырья погода, бывает особенно счастлива, а серое небо и лужи вызывают у нее романтическое настроение. Если верить теории о переселении душ, то не исключено, что в прошлой жизни его жена была лягушкой.

При мысли о цели своего визита – что ему сейчас придется оправдываться, просить и унижаться – его злость на Риту только усиливалась.

Машина шла по автобану в первом ряду на приличной скорости. Вскоре по бокам дороги исчезли последние зеленые деревца, и впереди расстелилась бескрайняя серо-голубая долина. До дома родителей Риты оставалось не больше пяти миль. Крис почувствовал, что начинает волноваться. Он не сомкнул глаз всю ночь после разговора с Ритой. Неужели все, что она вчера наговорила по телефону, правда? Она больше не хочет с ним жить?! Эта самонадеянная женщина считает, что одним своим железным решением имеет право перечеркнуть всю его жизнь?!

Она, видите ли, не сможет жить с убийцей! Она назвала его убийцей! Кто может доказать, что он хоть на йоту преступил закон? Новая санитарка? Вряд ли ей удастся свидетельствовать против него! Существует закон, и этим все сказано!

Кстати, сама Рита – активистка всяких общественных и политических мероприятий городского масштаба – в числе первых проголосовала за депутатов, протащивших этот самый закон об эвтаназии в законодательство штата. Не было бы закона, никому и в голову не пришло отправлять человека на тот свет прежде времени – слишком уж сложно в некоторых случаях совладать с искушением...

Почему этот чертов закон был принят именно здесь, в Орегоне, таком спокойном, консервативном, гордившемся своими устоями и традициями штате? Говорят, что жестокие люди очень сентиментальны. О местных жителях можно было сказать с точностью дооборот. Добропорядочные, отзывчивые и, как следствие, сентиментальные филантропы штата решили пойти дальше всех в своей «гуманомании» – в борьбе за уничтожение барьера, препятствующих человеческому счастью, всего, что могло мешать жить и наслаждаться жизнью. Они приняли закон об эвтаназии, который, по их мнению, выполнял самую что ни на есть гуманную функцию – избавлял человека от ненужных страданий (а окружающих – от лишних хлопот). Но не жестоко ли пользоваться человеческой слабостью в момент отчаяния, который, по своей сути, есть не что иное, как крик о помощи? – признался, наконец, себе Крис.

Кстати, о возможных интерпретациях закона никто даже не обмолвился. Еще бы, разве можно подвергать сомнению нравственность представителя самой гуманной на свете профессии – врача? «Словно я не такой же – из плоти и крови – человек», – с усмешкой подумал Крис.

Рита, Рита! Вечно рассуждает о каких-то революциях, общечеловеческих цен-

ностях, о справедливости. Глупая, дожила до стольких лет и все еще не поняла, что миром на самом деле правят не президенты, не сторонники всяких там гуманитарных международных организаций и, тем более, не Папа римский.

Миром правят деньги. Банально, но от этого никуда не денешься. И если ты хочешь хоть немного взлететь над остальными и пожить, не влага жалкое существование, а – власть, так, как тебе того хочется, то для этого приходится закрывать глаза на многие вещи и чаще всего – на общепринятую мораль.

Резкий сигнал автомобиля заставил его вздрогнуть.

Позади него с запредельной скоростью нёсся черный BMW, явно в надежде, что Крис уступит ему полосу.

Впереди, на одной с Крисом скорости, вот уже около десяти минут шел белый «Линкольн», справа, как назло, маячил хвост другой машины. Уйти было некуда.

Крис весь сжался и вдруг услышал сзади отчаянный визг тормозов. BMW, чтобы избежать столкновения с машиной Криса, вырвался на встречную полосу. И в ту же секунду раздался страшный звук удара – встречный трейлер не дал шанса водителю осуществить свой маневр. Машину развернуло и понесло прямо на Криса. Последнее, что он увидел – искаженное ужасом лицо шоfera BMW – совсем еще юное...

* * *

– Ты счастлив? – спрашивал его старый Вильямс. – Скандала так и не последовало. Твое дело предали забвению. – Крис уловил в его словах насмешку.

– Ты не умер?! – ответил вопросом на вопрос Крис. Почему-то от сознания, что старик все же выжил, он почувствовал облегчение.

– Я – нет, – старик усмехнулся, – я просто ушел из этой жизни. Ты ведь сам помог мне «уйти достойно». Легкая смерть... Бедняжка Грета, с чем ей придется жить! Мне жаль ее, ведь она – моя дочь.

– Ты простил ее? – опять задал вопрос Крис. Он понял уже, что все происходит во сне, поэтому его не пугала близость отправленного им на тот свет старика.

– Даже если Грета узнает об этом, она никогда не простит совершенного злодейства в первую очередь себе, – старик покачал головой. – Что с нами сделали деньги! Мы размениваем на них свои души, мы готовы увязнуть в болоте собственной низости ради тридцати сребреников, – он смотрел Крису прямо в глаза. – Человеку дано слишком мало времени, чтобы понять это. Душа – вот что остается с нами, единственное, на что власть денег не распространяется. Можно с нею лукавить, усыплять ее, тешить иллюзиями, но обмануть самого себя еще никому не удалось. Ты все-таки подставил свою душу под удар. Теперь пришла пора расплачиваться...

Вильямс продолжал говорить, но в следующее мгновение Крис увидел, что лицо старика вдруг сделалось прозрачным, и на его месте простили черты улыбающейся, как в последнюю минуту перед смертью, «блаженной» старушки Крамер.

Затем исчезла и она, и Крис увидел Флинта, здорового, рослого, все еще красивого, каким Крис запомнил его по фотографии в газете, поместившей некролог о смерти молодого преуспевающего бизнесмена. Флинт тоже что-то начал выговаривать Крису, но тот уже не слушал, ему хотелось поскорее проснуться, избавиться от надоевшего наваждения. С чего бы это мертвцы решили учинить над ним суд? Пускай лучше занимаются своими прямыми наследниками!

Внезапно перед ним возник образ отца. Он не говорил ничего, просто смотрел на сына так, как если бы сильно соскучился. «Неужели отец тоже умер?» – развол-

новался Крис, обнаружив того в компании мертвецов. Он подумал о том, что давно не звонил отцу в пансионат...

Голоса смешались в едва различимую какофонию звуков, но вскоре и она смолкла, и стало совсем тихо.

Крис очнулся от нового, еще более громкого гула голосов. Он ничего не видел, но чувствовал рядом чье-то присутствие. Внезапно он услышал голос Риты.

– Эвтаназия?! Нет, это невозможно, – Рита судорожно вздохнула. Крис понял, что жена только что горько плакала.

– Регрессивные процессы, протекающие в организме вашего мужа, необратимы, – услышал он голос пройдохи Гершевича.

Крису стало жутко. Он слишком хорошо знал, что означают эти вступительные слова. Этот подлец Гершевич готов отправить патрона на тот свет, даже не предложив тому никакого шанса! Сразу же после аварии. Сколько же он здесь провалялся? Сутки, двое? Ну, ничего, сейчас он встанет и выдаст негодяю по первое число! Завтра же вышвырнет этого поляка-садиста из клиники.

– Ваш муж пролежал без движений в коме почти пять лет. И вы еще тешите себя надеждой?

Дыхание Криса, казалось, остановилось. Пять лет? То, что он услышал, повергло его в повторный шок.

Придя в себя, он хотел тут же вскочить и наброситься на Гершевича с кулаками, но, к своему ужасу, не смог сделать ни малейшего движения, даже пошевелить мизинцем. Он не чувствовал ни своих рук, ни ног. В его пустом теле только мерно и спокойно билось сердце, это был единственный орган, который Крис ощущал. Его мышечная деятельность, как он, наконец, понял, была полностью атрофирована.

– Зачем ему вести такой получеловеческий образ жизни? – продолжал между тем обрабатывать Риту «специалист по психиатрии». – Я думаю, если бы он сейчас мог нас слышать, то, не задумываясь, дал бы согласие на собственную эвтаназию.

Крис почувствовал, как у него на голове буквально зашевелились волосы, хотя в его положении они могли и вовсе отсутствовать. «Нет, Рита, только не это!» – в ужасе молил Крис.

– А он нас может слышать? – испуганно прошептала Рита.

– Думаю, нет.

– Думаете или знаете наверняка? – Крис узнал голос Робина.

Так вот по какой причине ведется разговор у его постели! Эти школьные друзья сообща решили просто избавиться от него, как от ненужного балласта в их жизни. А потом на его же «грязные» денежки устроить себе безбедное житье!

– Об этом не может быть и речи! – вдруг решительно произнесла Рита. – Позвольте спросить, по какому праву вы вообще завели с нами этот разговор? – Она всегда отличалась излишней прямотой.

– Простите. Я подумал, что тем самым смогу помочь решить вам некоторые проблемы... – по-видимому, его пошлый намек понял не только беспомощный Крис.

Раздался звонкий звук пощечины.

– Рита, что ты делаешь?! – Робин оттеснил Риту от психиатра.

– Это вам за мужа и за остальных, кого вы уже успели отправить на тот свет! – услышал Крис прямо над собой возбужденный голос жены. – Я постараюсь, чтобы о ваших грязных делишках узнало как можно больше людей не только нашего штата!

– Истеричка, – невозмутимо между тем отреагировал Гершевич. – Ничего вы

доказать не сможете. Только повторно испачкаете имя своего мужа, – его голос на- бирал уверенность. – Эвтаназия разрешена законодательством штата, зарубите себе, в конце концов, это на носу.

Крис услышал, как за ним захлопнулась дверь.

– Каков подонок! – возмутился Робин. – Рита, не теряй надежды, – обратился он к ней, – помнишь старуху-француженку, ту, что ослепла?

– Мадам Шарадон, – подсказала Рита слабым голосом. Она судорожно вздохнула. – Робин, я так устала от всего этого. Иногда мне кажется, что доктор Браун прав... я уже почти привыкла к мысли, что Крис... мертв...это невыносимо...

«Доктор Браун? Ну, да, свято место пусто не бывает», – с горькой ironией по- думал Крис.

– Они взяли тебя в оборот, но ты не сдавайся, – сказал Робин. – Даже этот специалист не в силах предугадать, какие чудеса может творить человеческий организм. И потом, Крис не глубокий старик, все еще может поправиться.

«Старина Робин, если бы ты знал, как недалек от истины и как я тебе благодарен за такую поддержку!» Крис знал: то, что он пришел в себя – есть первый шаг к выздоровлению, дело теперь только во времени. И в том, с какой интенсивностью будет проводиться лечение. На душе у Криса творилось невообразимое.

– Все в божьих руках и мы не вправе вмешиваться в дела нашего Создателя, – заключил друг семьи.

– Да, да, – виновато произнесла Рита, – спасибо, Робин, если бы не ты, мне было бы гораздо тяжелее. – Крис услышал, как скрипнул стоявший у кровати стул. Рита присела рядом с мужем. – Как у тебя дела с Сицилией? – спросила она Робина.

– Все хорошо, – слишком уж бодро отозвался тот.

– Может, наконец, женишься? – в палате на несколько секунд повисла неловкая тишина. – Ладно, Робин, – словно извиняясь, произнесла Рита, – если можно, оставь меня с Крисом.

– Тебя подождать?

– Нет, я не знаю, сколько пробуду здесь. Робин, – вдруг окликнула Рита, – а что будет, если Крис вдруг... все же придет в себя? – однако в ее голосе не было надежды. – Ты считаешь, я должна простить и вернуться к нему?

Перед тем, как ответить, Робин глубоко вздохнул.

– По-моему, он уже сполна заплатил за все. Ты ведь его все еще любишь...

– Робин, – все тем же тихим слабым голосом произнесла Рита, – я правда очень устала от всего этого... я не знаю, как мне быть...Крис говорил, что то, что он делал с такими же безнадежно больными, более гуманно...

За Робином закрылась дверь.

Крис почувствовал на виске прикосновение теплых губ жены.

– Крис, милый! – прошептала Рита. – Я молюсь за тебя...

Рита опять заплакала, закрыв лицо руками. Она не успела заметить, как из-под дрогнувших закрытых век мужа вдруг выкатились две слезы.

Рита плакала до тех пор, пока в палате не появился доктор Браун. Следы от слез Криса на больничной подушке к тому времени давно просохли.

– Я понимаю ваше горе, – услышал Крис незнакомый вкрадчивый голос и сразу догадался, кому он мог принадлежать. – Но все так безнадежно, так безнадежно...

ЭЛЬМИРА АЛМАСОВА

«ПРИДЕТ ВРЕМЯ – ЭТОТ УЗЕЛ РАЗВЯЖУТ...»

Передо мной сидела убелённая сединой, не утратившая привлекательности и памяти женщина. Недавно отпраздновали её 90-летний юбилей. Это – Мяхбуба-ханым Шарифова.

Сестёр Досты-ханым и Бикя-ханым объединяли не только кровные узы родства, но и ещё что-то, без чего они не могли прожить и дня друг без друга.

Помню, как в тяжёлые дни войны красивая, с грустными глазами, пожилая, но при этом энергичная Досты-ханым приходила к мемя (моей бабушке). Их беседы обычно сопровождались чаепитием. Досты-ханым поднималась на второй этаж старинного дома, открывала дверь застеклённого коридора и, склонившись, скидывая чаршоб, садилась на маленькую деревянную табуретку. Мемя – Бикя-ханым – оставляла все свои дела по хозяйству, мыла руки и присаживалась к ней. Они о чём-то перешёпотывались, и обе утирали слёзы.

Я часто спрашивала у мемя:

- Откуда она пришла, почему её беседа вызывает у тебя грусть?
- Из мечети... молилась... Аллаха просила о помощи, – коротко и тихо отвечала она.
- Чем же он может ей помочь? – приставала с вопросами я.
- Потом, потом, – торопливо отвечала она, и это означало, что разговор окончен.

Беседы двух сестёр оставались для меня долгие годы тайной.

И я решила спросить у Мяхбубы-ханым, склонной к воспоминаниям, не знает ли она причину бесконечных слёз своей матери – Досты-ханым. Вопрос застал её врасплох. Мы сидели за праздничным столом по случаю Новруз Байрамы, но ароматная пахлава, жареные орехи и миндаль меня не соблазняли. Чай в стаканах давно уже остыл. Неожиданно она словно пробудилась от мучительного сна и начала свой рассказ.

– Да, дорогая, поведаю тебе о трагической судьбе нашей семьи. Мать моя, Досты-ханым, пережила в 1937 году арест дочери Сейяры, сына Агасялима, зятя Хяняфи Зейналлы. В 30-е годы Хяняфи Зейналлы был одним из видных представителей нашей литературы. Мудрость этого человека углубляла мое понимание жизни и отношение к ней. Хяняфи преподавал в Азербайджанском педагогическом институте и был доцентом кафедры азербайджанской литературы. Сестра же моя, Сейяра-ханым, в 1930 году окончила этнологическое отделение восточного факультета Азербайджанского государственного университета (АГУ им.Кирова) и работала в Баку учителем азербайджанского языка в школе №1. После того как Сейяра вышла замуж за Хяняфи Зейналлы, в кратчайшее время он стал всеобщим любимцем нашей семьи. Я училась в музыкальной школе и из-за отсутствия пианино часто посещала семью сестры, где часами проводила время за инструментом. Это была счастливая супружеская пара. Счастье семьи дополняли чудесные малыши Азер и Земфира. Хяняфи и Сейяру объединял не только семейный очаг, но и любовь к литературе.

Хяняфи как-то подозвал меня к своему письменному столу, – продолжала рассказ Мяхбуба-ханум, – и сказал: – Мало уделяешь внимания своим занятиям, предупреждаю тебя, что без книг жизнь тускла. Людям интересно общаться с образованным человеком.

Весь этот разговор я взяла на заметку. Он рассказывал, что успеха в жизни добился благодаря своему кропотливому труду.

Хяняфи Баба оглу Зейналлы родился 24 марта 1896 года в городе Баку в семье железнодорожника. Рано осиротел потеряв отца, затем поступил в русско-татарскую школу и, окончив её, продолжил учёбу в высшем учебном заведении (ныне Азербайджанская нефтяная

академия). Завершив учёбу, он работал в Управлении железной дороги по маршруту Москва – Нижний Новгород. Одновременно Хяняфи поступил в городе Москве в Высшее техническое училище, но за активную революционную деятельность его через год исключили. Постоянное стремление к знаниям не оставляло его, и он поступил на юридический факультет в Стамбуле. На имеющиеся деньги приобретал и приобретал книги. Хяняфи любил повторять:

– Я терпел голод, понимая, что без куска хлеба прожить можно, но без книг – никогда.

Вскоре в Азербайджане устанавливается советская власть и его отзывают на родину. Однако у него не оказалось средств, и ему помогает Юсиф Везир Чеменземинли, который в тот период являлся ответственным работником в Турции.

Вспоминая свой жизненный путь, Хяняфи говорил:

– Как видишь, мир не без добрых людей. Бездельнику никто не протянет руку помощи.

Вернувшись в Баку, он поступает на медицинский факультет Азербайджанского государственного университета. Окончив его, Хяняфи получает диплом военного врача 1-ой степени.

Не довольствуясь своими знаниями и образованием, он настойчиво занимается литературой. О Хяняфи уже говорили как о крупном литератороведе и собирателе народного фольклора. Он часто выезжал в сельские районы, где встречался с местными жителями, собирая поговорки и анекдоты, которыми так богат наш народ, затем с увлечением пересказывал их. В 1936 году Хяняфи Зейналлы подготовил три тома «Азербайджанских народных сказок» и передал их для печати в издательство. Долгими вечерами работал он над книгами «Поговорки» и «Анекдоты». Им написано предисловие к «Анекдотам Моллы Насреддина», выпущенным издательством «Азернешр» в 1926г. Письменный стол его был завален кипами рукописей. Желанными гостями в их семье были Гусейн Джавид-эфенди, Микаил Мушфиг, Али Назим, врач Вейсов. Дружеские беседы происходили до поздней ночи. Они читали стихи, обсуждали насущные проблемы, события международной жизни.

Однажды Хяняфи, прийдя домой из «Азернешра», в котором с 1923-го по 1929-й годы работал главным редактором, радостно сообщил жене:

– На днях увидят свет мои две книги. Наконец, обеспечим летний отдых для детей. –

Затем повернулся ко мне и добавил: – Сестрёнка моя, Мяхбуба, там и твоя доля есть, твой труд я учёл при издании книг.

Мяхбуба-ханым погружалась в раздумья и вновь возвращалась к событиям тех далёких лет.

– Как-то зять пришёл с работы сильно расстроенным. Обычно с его возвращением вечером домой в семье воцарялась особо радостная атмосфера. Он расспрашивал о делах, проходящих в его отсутствие, интересовался успехами Азера в шахматных занятиях, здоровьем маленькой дочурки Земфиры. В этот вечер всё было иначе. Он увлёк жену в другую комнату, где за закрытой дверью они что-то возбужденно и долго обсуждали. Оказывается, причиной тому была статья в газете «Коммунист», где автор обвинял Хяняфи Зейналлы в дружбе с Рухулой Ахундовым, критиковал его научные труды и бессовестно выставлял этого человека перед читателями как врага народа.

Мяхбуба-ханым вспоминала в этой связи слова, сказанные Хяняфи:

– Чем же виновен Рухулла? Почему он вдруг стал врагом народа?

– Прошло несколько дней, когда в холодную январскую ночь 1937 года раздался резкий стук в их дверь, – продолжала свой рассказ Мяхбуба-ханым. – Сестра с мужем мгновенно проснулись, они чувствовали, чем обернётся для них статья в газете. У зятя лицо побелело, как снег, налипший к окну, пальцы нервно дрожали, когда он надевал пальто и шапку. Он взглянул на мирно посапывающих в детских кроватках Азера и Земфиру и, не нарушив их сна, ушёл. Потух очаг в еще одной счастливой, интеллигентной семье. Прошло ещё несколько дней, сестру уволили из школы, и ей пришлось устроиться работать на чулочную фабрику. Надо сказать, что при этом Сейяра верила в какую-то жуткую, нелепую чиновничью ошибку... Она часами простоявала в жаркие дни лета у дверей чиновничих кабинетов, объясняла, просила, умоляла разобраться в деле мужа. Сейяра была уверена в его честности и невиновности и надеялась на его скорое возвращение домой...

Каждое утро 1937 года люди встречали со страхом. Соседи перешептывались, передавая друг другу тревожную информацию о том, кого из знакомых забрали прошёлшей ночью. Никто не осмеливался спрашивать:

– Кто забрал? Куда и зачем увёл?

В дождливую осеннюю ночь вновь раздался резкий стук в нашу дверь. Пришли за Сейяром. Говорили грубо и кратко:

– Возьми детей на свидание с отцом.

Через много лет сестра вспоминала:

– Перед НКВД детей торопливо высадили из машины, я кинулась за ними, но конвоиры затолкали меня в машину и захлопнули дверцу. Я потеряла сознание, когда дети истошно закричали: «Ма-ма...ма-ма!!» Что было потом, не помню... Открыв глаза, у изголовья увидела несколько знакомых женщин. Одна из них, Джейран Байрамова, качая головой, прошептала:

– Ой, несчастная, и тебя сюда привезли?

Сестра не любила вспоминать эти горькие, трагические, наполненные ужасом дни. Она лишь указательным пальцем прикасалась к губам: «Молчи... ни звука». Когда же волнение переполняло ей душу, она становилась разговорчивее:

– Камера наша была большая, людей – мало. Выкрикивая номера заключенных, уводили к следователю. Возвращаясь оттуда, люди по 2-3 часа отлёживались, приходя в сознание. Однажды в коридоре я встретила Али Назима. Обе руки его были забинтованы. Затем я услышала, что на допросе ему вырвали ногти. Он размахивал руками в воздухе, давая понять, что отказался подписать протокол следствия.

После ареста сестры забрали брата Агасялима. Горе Досты-ханым совсем согнуло её. Мама, нервно растирая пальцы, шептала:

– Азраил познал нашу дверь...

Никто не знал, куда увезли Азера и Земфиру. Азеру тогда было семь лет (впоследствии Азер Зейналлы стал доктором физико-математических наук, профессором и преподавал в БГУ, затем жил в Израиле), а Земфире не было ещё и трёх лет. Глаза матери не просыхали от слёз. Она не верила в подобную жестокость и подлость власти. Каждое утро расстилала маленький коврик для намаза, воздевала руки к небесам и молила Аллаха спасти маленьких сирот.

– Ежедневно мама обивала пороги детдомов, детских колоний в поисках детей Сейяры, – с волнением в голосе продолжала рассказывать Мяхбуба-ханым. – Сейяра, находясь в тюрьме, боялась, что потеряла детей навсегда. В этом была своя горькая правда. В то время на малолетних детей, не помнящих своё имя и фамилию, оформляли документы на вымышленные имя и национальность. В будущем этих детей уже никогда не окружали родные, близкие люди. Ни в коем случае нельзя было этого допустить. С большим трудом я выяснила, где находятся наши дети. Однако возвращать их нам категорически отказывались. Это и понятно: всемогущей власти для «светлого будущего» требовалось молодые люди-манкурты, то есть люди, не помнящие своих корней. В один из дней долго стояла я в коридоре детдома в Шувелане в ожидании свидания с Азером, и ко мне подошла старенькая няня-санитарка, которая прошептала:

– Обязательно добейтесь того, чтобы забрать ребёнка, ваш мальчик такой умненький, смышленый, целыми днями на обрывках листочков рисует шахматную доску и фигуры на ней.

Земфира же находилась в баиловском детдоме. Мне удалось заполучить документы, разрешающие забрать Земфиру из детдома. Я ожидала её в кабинете директора. Наконец распахнулась дверь и раздался крик малышки Земфиры: «Тётя Мяхбуба!...»

Я прижала её к груди. Девочка вся дрожала. Земфира не знала ещё, что через пару часов мы навсегда покинем это угрюмое серое здание. Эти минуты, полные страха и радости, трудно забыть.

Огромную помощь окказал мне адвокат, благодаря советам которого удалось возвратить детей домой, оформив на них опекунство.

Сестру Сейяру приговорили к восьми годам лишения свободы. Её местонахождения мы не знали. Редко, в два года раз, получали от нее коротенькие письма-треугольники, на которых был указан лишь номер полевой почты. Одни предполагали, что она в Казахстане, а дру-

гие думали, что в Сибири. Мы и представить тогда не могли, сколь тяжелые испытания выпали на её долю.

Наконец, в 1947 году, Сейяра вернулась на родину. Вернулась через десять лет. А ведь была приговорена к восьми годам! Это возвращение обернулось для нас лишь встречей её с детьми и родными на незаметно пролетевшие сутки. Ей разрешили работать в детских яслях при чайном совхозе в Загатале. Между тем, в послевоенные годы школы республики испытывали острую нужду в педагогах с высшим образованием. Но Сейяра была «жена врага народа».

1956 год – год реабилитации несправедливо осуждённых. Репрессиям – конец! К сожалению, далеко не всем из них довелось вернуться домой, к своим семьям – ушли в мир иной...

А как долго ждали этого светлого дня мы, члены семьи «врага народа»!

...Сестра моя наконец возвратилась в Баку. Были восстановлены её гражданские права. Но Сейяра перестала улыбаться. Улыбка на долгие годы исчезла с её лица...

Мяхбуба-ханым со слезами вспоминала, как однажды Сейяра спросила:

– А ты помнишь последние слова, сказанные Хяняфи?.. Когда он уходил, сказал: «Сейяра, придёт время – этот сложный узел развязнут».

Слова мудрого человека напомнили подробности той трагической ночи: грустный взгляд на сына и дочь, спящих в кроватках, его нервно дрожащие пальцы, когда он снимал шапку с гвоздя, грустный, нежный взгляд в сторону жены...

– Да, хорошим человеком был Хяняфи, жаль его, – прошептала я.

Сейяра долго глядела куда-то вдаль и после паузы произнесла:

– О таком человеке мало сказать – хороший.

...В Союзе писателей Азербайджана на стене висит бронзовый барельеф в память о литераторах, трагически погибших в 1937 году, среди которых есть и имя Хяняфи Зейналлы.

Мы ещё долго беседовали с Мяхбубой-ханым. Рассматривали фотографии тех лет и вспоминали, вспоминали...

P.S. Мне казалось, что материал о такой разносторонней личности, как Хяняфи Зейналлы, готов к публикации, но вопросы возникали вновь. И я отправилась в Государственный архив литературы и искусства им. Салмана Мумтаза. Большую помощь окказал мне директор архива заслуженный работник культуры Маариф Теймур. Он любезно предоставил мне документы, приговаривая: «Ruhlarnan yaşayırat» (Духи меня не покидают, я живу с ними.)

Передо мной – папка Фонда №160 по описи 1. Волнуясь, читаю:

12 октября 1937г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила X. Зейналлы к высшей мере наказания –расстрелу.

13 октября 1937г. Приговор приведён в исполнение в г. Баку.

30 марта 1957 г. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор от 12.10.37г. в отношении X.Зейналлы был отменён, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

САМИД АГАЕВ

ДОРОГИ ХАДЖА

*Роман**

В море

В корзине Фомы оказался большой шмат вяленого мяса, круг хлеба, сыр, несколько луковиц, сырье яйца и редька.

– А это что? – спросил Егорка, указывая на бочонок.

– А ты что же пить здесь собираешься? Судя по тому, что капитан – мусульманин, то здесь не особо разгуляешься, – заметил Егор. – Хотя знал я одного хафиза, который перед каждой выпивкой говорил, что не пьет.

– Это ничего, – сказал Фома, – дождемся темноты и выпьем. Ночью, небось, все спать будут.

Егорка засмеялся, не выдержав.

– Что? – удивился монах.

– А ты что же, ночью спать не собираешься?

– Отчего же, собираюсь. Но не сразу. Видишь ли, брат мой во Христе, в монастыре мы только и делаем, что занимаемся умерщвлением плоти. Где же мне еще разговеться, как не в пути?

– Понятно, – сказал Егор. – Только не брат я тебе.

– Христиане – все братья, – кротко ответил монах.

– Увы, путник, я не христианин, – сказал Егор.

Здесь, в стране кипчаков, он мог признаться в этом, не боясь, что на него донесут властям.

– В кого же ты веруешь, сын мой? – вопросил монах. – Неужто в Магомета?

– Я придерживаюсь веры наших с тобой предков, – заявил Егорка.

– Да, но Русь крестилась.

– Русь крестилась, а мы не стали.

Егорка редко вспоминал, а тем более, говорил о своей вере. Но если речь заходила о религии, не скрывал ничего. Христианство, став государственной религией на Руси, несмотря на внешнее миролюбие, проявило нетерпимость к инакомыслию.

– Ну что же, – сказал Фома, – это дело такое, интимное, можно сказать, дело твоей совести.

– Я тоже так считаю, по мне был бы человек хороший.

– И я так думаю, вот за это и выпьем. Ну, когда все уснут, – добавил монах.

Тем временем погрузка закончилась. Капитан отдавал команде последние распоряжения. Когда судно отдалилось от причала на длину шестов, в дело вступили гребцы. Кормчий налег на руль, в несколько взмахов они выровняли корабль в необходимом направлении и слаженными ударами весел погнали его в открытое море. Послюнив палец, капитан определил направление ветра и дал команду поднять

¹ Продолжение. Начало см. № 6, 2015г.

парус. Двое пассажиров с интересом следили за действиями матросов. По просьбе монаха Егорка спросил у проходящего мимо капитана, когда он предполагает быть в Персии. Вопрос капитану не понравился. Нахмурившись, он ответил:

– Аллаху одному известно.

– Моряки – люди суеверные, – передавая слова капитана, добавил Егорка.

Поскольку лицо монаха ничего не выражало, Егорка продолжал:

– Мусульмане разделяют людей на три категории.

– Интересно, на какие же? – спросил Фома.

– Живые, мертвые и моряки, то есть те, кто плывет по морю, находятся между жизнью и смертью.

– Это я уже понял, – мрачнея, сказал Фома.

– Кроме того, в мусульманском судопроизводстве есть категория свидетелей – добропорядочных людей, которые зарабатывают себе этим делом на жизнь, участвуя на той или иной стороне процесса. Так вот, в свидетели никогда не допускали школьных учителей и моряков. Первых по причине их безнадежной глупости и несостоятельности, поскольку считалось, что человек настолько никчемен, что не смог найти себе другого занятия в жизни. А вторых потому, что они были безответственны, то есть в любой момент могли утонуть, не ответив за свидетельство.

– Достаточно, – раздраженно сказал Фома. – Ты более, чем полно разъяснил мне суть суеверия моряков. Ты что же, спать собираешься? – спросил монах.

– Да. А что же делать еще? Темно, ночь уже.

– Да где же темно? Луна вона. Да и звезд сейчас насыплет.

Поскольку Егорка уже не отвечал, Фома тяжело вздохнул и добавил:

– А я вряд ли засну. У, ирод, нагнал на меня страху, теперь спит, мать твою.

– Я все слышу, – отозвался Егорка.

– Да я не тебе, – сконфузился монах, – я вообще.

Реакции не последовало. Егорка мгновенно уснул. Монах, тяжело вздохнув, посмотрел за борт, где бурлила вода, перекрестился. Прочитал про себя «Отче наш, иже еси на небеси», вслух добавил: «Пресвятая богородица, спаси и сохрани».

Гребцы, несмотря на то, что судно шло под парусом, все еще сидели на веслах. Монах испустил еще один вздох, тяжелей и продолжительней прежнего, дотянулся до бочонка, лежащего на скамье, погладил его. Убедившись, что на него никто не смотрит, достал из обширных карманов деревянный цилиндрик, разъял его, получив таким образом две чашки. Вывернул из бочонка пробку, наполнил чашку вином. Перекрестился, сказав на этот раз: «Господи, прости мя грешного, бо не ведаю, что творю», выпил и сразу наполнил вновь. Корабль тем временем шел ходко, не теряя, однако, берега из виду. На небосклон взбиралась большая серебристая луна. Одна за другой зажигались звезды. Вдруг как-то посвежело. Монах выпил и налил снова.

А Егорке в это время снился довольно странный сон: будто бы он спит и чувствует, как кто-то трогает его за плечо. Сон крепок, а прикосновение легкое, ласковое: он открывает глаза и видит перед собой довольно смуглого человека с длинными черными волосами, в светлой хламиде. Разум и кротость светятся на его лице.

– Прости, что потревожил твой сон, добрый человек, – говорит он.

– Ничего, – отвечает Егорка, – я еще засну.

– Помоги рабу Божьему, Фоме, добраться до светлых чертогов, – просит человек. Егорка почему-то догадывается, кто это может быть, но не хочет произносить его

имени вслух. Однако полной уверенности нет, поэтому он считает возможным возразить.

- Неужели, – говорит он, – это имеет значение для тебя?
- Для меня никакого, – отвечает человек, – но для него это важно.
- А почему я? – спрашивает Егорка.
- Потому что тебе с ним по пути.

Егорка хочет возразить, что у него свои дела и своя дорога, но вдруг отчетливо понимает, что все, что он скажет, несущественно перед просьбой этого человека. И он не может отказать ему. Загадочный человек еще что-то говорит, а Егорка отвечает. Проснувшись, не может вспомнить подробностей разговора, отчетливо помнит только эту просьбу. Некоторое время он лежит, пытаясь заснуть, однако поняв, что это ему не удастся, встает, то есть, садится. Неожиданно почувствовав озnob, охватывает плечи руками. Фома, сидящий рядом, икает, и до Егорки доходит запах вина.

– А что, может быть, ты проголодался? – участливо спросил монах. Было видно, что он рад пробуждению товарища. – Ты давай, присоединяйся к трапезе.

Егорка вдруг заметил, что на скамье рядом с монахом, на расстеленном полотенце, лежат хлеб, сыр, мясо.

- Ножика нет.

Егорка вынул кинжал и положил на скатерть.

- Знатный ножичек, – восхищенно сказал Фома.
- Это подарок моего друга из Азербайджана.

– Только ты сам порежь, – попросил монах. – Мне, духовному лицу, не пристало брать оружие в руки, оттого и ножа у меня нет. Я и сам оголодал. – Монах наполнил вином деревянные чашки и одну протянул Егорке.

- Твое здоровье, Фома, – сказал, принимая подношение, Егорка.
- Вообще-то Фома – это мое монашеское имя, а так-то меня Кукшей кличут.
- Кукша так Кукша, все равно – твое здоровье.
- Но Фома, правда, мне больше нравится, – уточнил монах.

Выпили, стали закусывать.

- А ты, по всему видать, непростого звания человек, – заметил Фома.
- Вообще-то я смерд, – сказал Егорка.

– Да не похож ты на смерда. Такие сапоги, как у тебя, смерды не носят. Я вон в лаптях хожу. Да и кинжал твой немало стоит. Но это я так, к слову пришлось. Мне дела нет до всего этого. Главное что? Чтобы человек был хороший. Я вот, когда в Греции был, с хорошими людьми жил и работал.

- Ты был в Греции? – удивился Егор.

– Да. Настоятель посыпал меня и еще одного брата. Тексты некоторые переписывать. Год я там жил. Эх, и келья у меня была хорошая. Прямо на море глядела. Эх, хорошо мне там было, вина – хоть залейся. Поставят жбан на стол и обносят всех черпаком. Они ж воду не пьют. Вместо воды у них вино – и за обедом, и за ужином. Три цвета там в природе: белый – дома, голубой – море и рубиновый – вино. Правда, кончилось для меня все скверно. Чего-то я не то переписал, что надо было. Ох, и попало мне от настоятеля, неделю на хлебе и воде сидел.

- Сочувствую, – сказал Егорка. – Разве ты сам выбирал тексты?

– Да в том-то и дело, что нет. Но настоятель и слушать ничего не хотел. Ты, говорят, дурья башка, что переписал? Я тебя зачем посыпал? Если бы, говорит, я не за-

метил, какой конфуз приключился бы, если бы наши переписчики размножили то, что ты привез, и разослали бы по приходам Руси.

– И что же там было крамольного?

– Сейчас объясню. В евангелии, которое я переписал, Господь наш Иисус во время распятия не произнес ни слова и лишь перед самой смертью воскликнул: «Или, или, лама самахвани», что означает: «Сила, сила моя, зачем покинула меня». В то время как в священном писании сказано, что он страдал и кричал на кресте. Один раз он сказал: «Боже мой, Боже, зачем ты оставил меня!», а второй раз просто возопил.

– Ну и в чем разница? В чем крамола?

– Ты невнимательно меня слушал, – укорил монах.

– Нет, я внимательно слушал.

– Ну, как же – в моем варианте Иисус не страдал, пока в нем был святой дух, и как только дух покинул его, он тут же закричал от боли, возвзвал к нему и умер.

– А что это меняет? – недоумевал Егор.

– Это многое меняет, – понизив голос до трагического шепота, заговорил монах. – Это означает, что Иисус не был богом. – В ужасе от произнесенных слов Фома перекрестился и стал оглядываться, хотя сзади было только море. – Это означает, – продолжал он, – что Иисус был обычным человеком. Он, пока в нем обретался святой дух, творил чудеса и не испытывал боли во время казни. Но как только святой дух оставил его, Иисус-человек сразу умер.

Фома вздохнул, взялся за бочонок.

– И что же, – Егорка никак не мог постичь весь трагизм ситуации. – Насколько я знаю, он действительно умер.

– Да, но воскрес через три дня. И получается нелогично. Зачем было святому духу оставлять его? Чтобы он умер в мучениях?! Тогда дальнейшее выглядит очевидной нелепостью, потому что через три дня Иисус воскрес и вознесся на небеса.

– А разве ты, когда переписывал свитки, не заметил этого несоответствия?

– Нет, я переписывал машинально. Наложил на меня игумен епитимью, неделю я сидел на хлебе и воде.

– Да, брат, сочувствуя, – сказал Егор. – Правда, ничего еретического я здесь не вижу. Пророки все умирают рано или поздно. Я одного не пойму: почему настоятель тебя, провинившегося монаха, вновь отправил в путь, доверил такую ответственную миссию.

– Дороги нынче опасны, – недолго думая, ответил Фома. – Меня ему менее всего жальче оказалось. Сказал: сделаешь дело – искупишь свою вину, а нет – пропадешь. Значит, наказание настигло тебя за грехи твои.

– Суров батюшка, – заметил Егор.

– Да-а, – протянул Фома, – ох, и крут.

Дамаск

Ко времени описываемых нами событий Дамаск был в руках одного из семи сыновей Адиля-Сафа-ад Дина – Малика Ашрафа Мусы, последовательного противника крестоносцев.

Так сложилось, что владетель Дамаска всегда считался главой рода Айубидов.

Хама, Хумс, Алеппо... Наши паломники проехали эти сирийские города и наконец прибыли в Дамаск. Здесь Али снял небольшой дом с внутренним двориком и

видом на гору Касион, на которой Каин когда-то убил Авеля. На это обстоятельство особенно упирал маклер, отказываясь снижать цену.

– Мне представляется, – недоумевал Али, – что дом из-за этого должен сдаваться дешевле. Там произошло убийство. Кому же понравится, каждый раз глядя на эту гору, думать, что там убили человека.

– Ну что вы, господин! – маклер этот довод в расчет не принимал. – Это же историческая достопримечательность. Это недорого для такого дома. На какой срок вы хотите снять дом?

– Для начала на месяц, но если ваш город нам понравится, то и больше. Торопиться нам некуда. А здесь у нас есть дела.

Маклер отдал ключи.

– За деньгами я приду в конце месяца, но если вы не возражаете, я поначалу буду наведываться раз в неделю, чтобы узнать, все ли у вас в порядке.

– Хорошо, – сказал Али.

– Если я вам вдруг понадоблюсь, я постоянно сижу на рынке. Там, где вы меня нашли, между писцом и менялой.

– А хозяин дома? Он появится? – спросил Али.

– Возможно, но вряд ли. Это женщина, одинокая, сами понимаете. Она мне доверяет. Я давно веду ее дела. Кстати, если вам понравится наш город и вы захотите купить себе дом, я могу оказать вам услугу. У меня много предложений...

– Спасибо, – Али прервал словоохотливого маклера. – Мы хотим отдохнуть, устали с дороги, господин...

– Юнус, меня зовут Юнус, – напомнил маклер.

Когда за ним закрылась дверь, появилась Лада, которая ходила по дому и осматривала комнаты.

– Я думала, что он никогда уже не уйдет, – сказала она, – но дом мне нравится. И вид хороший. Там, на горе, пещера, ты видишь?

– Да, он говорит, что там Каин убил Авеля.

– Да, и что с того, нашел чем удивить, каждый день кого-то убивают, – равнодушно ответила Лада.

– Это не кто-нибудь, а наши праотцы, первые люди. Так, по крайней мере, написано в иудейской библии.

– Не знаю, мне до еврейских разборок дела нет. Я мусульманка. Что сейчас будем делать?

– Я пойду во дворец, – сказал Али, – узнаю, какие там порядки. А ты отдыхай.

– Хорошо. Я отдохну немного. А потом пойду, пройдусь, куплю себе чего-нибудь. А ты на обратном пути позаботься об ужине.

...Раздавая дирхемы, Али легко добрался до канцелярии. Но здесь его ожидали закаленные многолетней службой прожженные мздоимцы – катибы и дабиры, чиновники, привыкшие брать деньги, но месяцами не выполнять своих обещаний. После работы в суде, а затем в городском диване Али очень хорошо знал эту публику. Невнимание к посетителю, равнодущие в их глазах исчезали лишь после того, как до их слуха доносился звон монет. Но Али знал толк в обращении с ними. Он произносил магическую фразу: «Эфенди, я пришел для того, чтобы проявить к вам свое уважение». Сначала в глазах чиновника появлялось удивление, поскольку человек не на-

чинял, как все остальные, с жалобы, просьбы. Затем проявлялся интерес.

– Наверное, есть какие-то способы ускорить дело, – сказал Али. – Я не думаю, что такой важный человек, как вы, не знает их.

При этих словах Али подмигнул катибу.

– Начальник канцелярии может это сделать, – сказал катиб, – но это недешево. Двадцать золотых динаров, и не позже, чем через месяц.

– Большие деньги, – заметил Али, – а если я дам пятьдесят золотых динаров?

– Тогда вы попадете к нему на следующий день, – ответил взволнованный катиб, – но Правитель в Египте, раньше, чем через месяц, его можно не ждать.

– Ну, ничего, – сказал Али, – я приду через месяц.

– Я буду ждать, – искренне ответил взволнованный чиновник.

Уходя, Али спросил:

– Скажи, друг мой, сколько отсюда пути до святого города?

– Вы имеете в виду Иерусалим?

– Я имею в виду Мекку. Разве ты не мусульманин?

– Ох, простите, – сконфузился катиб, – здесь столько было разговоров об Иерусалиме, когда его отдали крестоносцам. В голове так и засело. Я думаю, за месяц как раз и обернетесь.

Шевалье Раймонд. Видал де Бесалу

Караван шел в Дар-ас-Сувейду, чтобы через Иорданию попасть в Аравию. Али, несмотря на уговоры купцов, с которыми они ехали, отделился и решил двигаться в направлении Палестины, чтобы спрятать путь в Мекку. Крестоносцев, о которых ходило здесь множество устрашающих историй, он не боялся. К тому же между Айубидами и крестоносцами действовало перемирие. Франки сидели в своих крепостях. Али теперь вообще ничего не боялся, утратив все, что ему было дорого в жизни. Выезжая из Дамаска, он предложил Ладе остаться в доме и ждать его возвращения. Но Лада отвергла все его рассуждения.

– Ты забыл, что я мусульманка? – заявила она. – Я тоже совершаю хадж.

Али нечего было возразить на это. Дом он оставил за собой, заплатив арендную плату за два месяца вперед. К этому времени Али рассчитывал вернуться.

Они ехали весь день и к вечеру остановились в небольшой рощице на ночлег. Али стреножил лошадей, снял с них поклажу и пустил ощипывать листву с деревьев.

– Что может быть лучше ночевки под открытым небом? – произнес Али, пытаясь развеселить Ладу, хмуро наблюдавшую за его действиями.

– Караван-бashi сказал, что это разбойничье места.

– Это он погорячился. Думай о хорошем, – посоветовал Али. – Пойду, наберу хворосту для костра, – бросил он, удаляясь.

– Далеко не уходи, – предупредила Лада.

Набрав хвороста, Али вернулся и застал свою спутницу в напряженной позе.

– Что с тобой? – спросил Али.

– Слышишь? – в свою очередь спросила Лада. – Кто-то поет.

– Это ветер, – сказал Али.

– Какой ветер, посмотри, ни один листочек не шевельнется.

Али прислушался и действительно услышал мелодичные звуки, это было похоже на песню.

- А я тебя предупреждала.
- Разбойники петь не будут, – желая успокоить ее, сказал Али.
- Все разбойники сентиментальны, – заявила Лада, – особенно дети пустыни.
- Али пожал плечами. Он взялся устраивать костер, но Лада схватила его за руку:
- Не шуми, он рядом. Я слышу его шаги.

Али подчинился. Певец в самом деле был где-то рядом. Пение становилось все ближе, можно было уже разобрать отдельные слова, но только разобрать, понять было нельзя, ибо пел он на незнакомом языке. Али силился вспомнить, что это за язык, но не мог. Оставив возню с костром, он извлек саблю из ножен, притороченных к седлу лошади, и прислонил ее к стволу дерева, чтобы иметь возможность в любой момент дотянуться до нее рукой. Певец вышел прямо на них. Это был светловолосый юноша, в камзоле, плаще, широкополой шляпе с пером. На плече его висел какой-то струнный инструмент, а на поясе – длинный меч. При виде Лады он сорвал с головы шляпу и помахал ею перед собой. Поклонился, а затем перевел взгляд на Али и, что-то воскликнув, схватился за рукоятку меча.

– Ну, не так уж он и страшен, этот разбойник, – заметил Али, протягивая руку за саблей. – Понять бы еще, что он говорит. Но, кажется, я ему не понравился.

Юноша обратился к Ладе с взволнованной речью.

– Он франк, – сказала Лада. – У нас в гареме было несколько девушек из страны франков. Мы дружили.

– Значит, он франк, – пробормотал Али. – Надеюсь, он не крестоносец. Впрочем, не похоже, у тех плащи с крестами.

– Он интересуется, не являюсь ли я твоей пленницей. Если это так, то тебе не поздоровится.

– Вот спасибо, – сказал Али, – и это твоя благодарность.

– А я-то здесь при чем?

– Так объясни ему, что к чему, а то мне не хочется грех на душу брать. Грех детоубийства.

Юноша что-то произнес, на этот раз адресуясь к Али.

– Кажется, он вызывает тебя на поединок? – неуверенно произнесла Лада

– Только этого мне не хватало. Спроси, нельзя ли отложить это дело до завтра.

Не хочется драться, на ночь глядя.

Лада заговорила с незнакомцем, жестикулируя, щелкая пальцами, очевидно, в те моменты, когда ей не хватало словарного запаса. Наконец, юноша отпустил рукоятку меча и стал что-то объяснять, обращаясь то к Али, то к Ладе. Когда он закончил, Лада размышляла некоторое время, испытывая терпение Али. Затем сказала:

– Я, как могла, объяснила ему, что ты близкий мне человек. Теперь он предлагает тебе дружбу, а меня просит стать дамой его сердца.

– И что это означает?

– Понятия не имею.

– Может быть, он сумасшедший? – заметил Али.

– Сударь, выбирайте выражения, – вдруг на тюркском сказал юноша.

– Так вы говорите по-турецки? – воскликнул Али.

– Не так хорошо, но понимаю много. Во всяком случае, значение слова «*dəli*» мне известно.

– В таком случае приношу свои извинения, у слова «*dəli*» несколько значений. Я употребил его не в оскорбительном смысле, а в информативном.

- Я принимаю ваше извинение, – ответил юноша.
- Ну, что же, – сказал Али, – раз уж все обошлось, как говоривал мой незабвенный друг и брат этой знатной дамы: милости прошу к нашему шалашу.
- Благодарю вас. А где шалаш? – юноша посмотрел по сторонам.
- Шалаш – это для рифмы, – пояснил Али.
- Так вы поэт! – обрадовался юноша.
- В некотором роде. Вообще-то я законовед. А чему вы так обрадовались?
- Я тоже поэт. Я трубадур. Странствующий рыцарь. Мое имя Раймонд.
- Так что вы там говорили про даму сердца? – поинтересовалась Лада.
- Я прошу вас стать дамой моего сердца. Я буду всюду воспевать ваш образ и посвящу жизнь служению вам и ... – Раймонд сделал паузу.
- Что же вы замолчали, – приободрила его Лада, – продолжайте.
- Лучше я спою, – сказал рыцарь, сняв с плеча гитару, ударил по струнам и запел. Лада внимала ему и одобрительно улыбалась.
- Али покачал головой, глядя на них, и стал разводить костер. Спев несколько куплетов, Раймонд поклонился и убрал гитару за спину.
- О чём он пел? – вполголоса спросил Али.
- Не поняла, я не так хорошо понимаю, чтобы разбирать слова песни, но что-то о любви.
- Могу я узнать ваше имя, сударыня? – спросил рыцарь.
- Лада взглянула на Али.
- Госпожу зовут Лада, – сказал Али. – Она принцесса.
- Я уверен, что вы знатная дама, – воскликнул рыцарь, – и какое красивое имя!
- А как вас зовут, сударь?
- Мое имя Али. – Али решил не говорить о том, что он тоже в некотором роде принц, подумав, что две царственные особы одни, без челяди, – это будет слишком для впечатлительного юноши. – А где ваша лошадь? – в свою очередь спросил Али.
- Я странствую пешком, – заявил рыцарь. – Видите ли, я совсем поиздергался, у меня нет денег, чтобы кормить животное. Чтобы не уморить лошадь голодом, мне пришлось её продать.
- Хорошо, что напомнили о голоде. Не желаете ли разделить с нами трапезу?
- Благодарю вас. Это честь для меня.
- Али стал извлекать из корзины запасы съестного.
- Вина, – предложил Али.
- Благодарю, не откажусь.
- А как вы здесь оказались? Вдали от крепостей крестоносцев? – спросил Али.
- Если это не секрет.
- Раймонд в нескольких словах рассказал о том, что был участником крестового похода. Прибыл он сюда вслед за одной знатной дамой, сопровождавшей своего мужа. Излишне говорить, что знатная особа была предметом его поклонения.
- А где же ваша дама? – поинтересовалась Лада.
- Она вернулась домой, – тяжело вздохнув, ответил Раймонд.
- А что стало с мужем вашей дамы? – спросила Лада. – Он тоже вернулся во Францию?
- Увы, нет, он погиб сразу же, в первом сражении.
- Выходит, что вам повезло, – заметил Али.
- Увы, сударь, – ответил рыцарь. – После смерти мужа графиня заявила, что

не желает больше меня видеть.

– Это свойственно женщинам, – сказала Лада, – поглядывать на сторону при живом муже и хранить верность мертвому. Почему же вы не вернулись на родину?

– Дело в том, что я младший сын. Мой отец умер незадолго до моего отъезда. Согласно майоратному праву наследования, все имущество семьи отошло старшему брату. Поэтому мне возвращаться во Францию нет никакого смысла. Мне просто некуда возвращаться. Мы с братом никогда не ладили. Но все, что ни делается, к лучшему, – сказал рыцарь, – я встретил вас, и счастье вновь поселятся в моем сердце.

– Иншаллах, – произнес Али.

– Вы мусульманин? – уточнил Раймонд.

– Да, рыцарь, я мусульманин, – с некоторым вызовом подтвердил Али. – Вы что-то имеете против мусульман?

Он извлек из хурджина два раздвижных кубка, встрихнул, чтобы они раскрылись, наполнил их вином и протянул один Раймонду.

– Что вы, сударь, нет, – спокойно ответил Раймонд. – Хотя я прибыл в святую землю освобождать ее от неверных, простите, мусульман. Но это внешняя причина. Как я уже сказал, я здесь из-за любви. Мне нет никакого дела до папских делишек.

– Думаю, что мы с вами найдем общий язык, – заметил Али. – А почему вы решили, что она моя пленница? – спросил Али.

– Я сразу подумал, что вы, должно быть, мусульманин, а она нет....

– Она тоже мусульманка, – прервал его Али.

– Нет, этого не может быть, – в отчаянии воскликнул Раймонд.

– Поздно, друг мой, вы нарекли ее дамой сердца. Не будете же вы отказываться от своих слов? Или будете?

Лада с улыбкой встретила взгляд юноши.

– Поздно, – сказал рыцарь, – кажется, я уже влюблен.

– Так давайте же выпьем за это, – предложил Али.

– Когда ты прекратишь пить? – сурово произнесла Лада. – Кажется, мы совершим большой хадж. Или ты будешь пить...

– Как только пересечем границу Аравии, сразу брошу, – прервал ее Али. – Между прочим, Пророк пил вино, живя в самой Медине. А потом бросил, когда это стало сказываться на его здоровье. А я еще не доехал до Медины. А с каких пор ты стала ревнителем наших устоев?

– С тех пор, как приняла ислам.

– Неофиты всегда более ревностны, – заметил Али. – При такой жаре вино долго хранить нельзя, тем более, в движении. Поэтому я должен выпить его как можно быстрее.

– Какое небо! – запрокинув голову, воскликнула Лада, меняя тему разговора.

– Это небо ты видишь каждую ночь, – равнодушно сказал Али, что-то разглядывая в своем кубке. – Кажется, в вино что-то упало, мошка.

Недолго думая, он выплеснул содержимое на землю и наполнил чашку вновь.

– Да, и не перестаю восхищаться. Когда я умру, моя душа полетит туда, к этим удивительным звездам.

– И чем позже это случится, тем лучше, – добавил Али. – Однако мы невежливы к нашему гостю. Почему вы не пьете? – осведомился он.

– Я не пью вина, – ответил юноша, – так, иногда, из вежливости, чтобы не обидеть хозяев. Я дал обет воздержания.

– Сколько в нем достоинств, – заметил Ладе Али. – А откуда вы знаете тюркский язык?

– Я давно здесь, скоро пять лет, кроме тюркского, я знаю латынь.

– А что вы делали здесь все это время? Пять лет – это большой срок.

– Воевал, был в плену, именно там я выучил тюркский язык. Потом, по условиям перемирия, выпустили пленных и отдали нам священный город Иерусалим. С тех пор я странствую в поисках приключений и дамы сердца, потому что сидеть в крепости не по мне.

Пока Раймонд рассказывал о своих злоключениях в сирийском плену, Али думал о предстоящей ночи. Когда рыцарь стал благодарить за угощение, Али воспользовался случаем и спросил:

– Уже покидаете нас? Простите, сударь, а вы где собираетесь провести ночь?

– Здесь неподалеку, за холмом, есть постоянный двор, я, собственно, направлялся туда, когда встретил вас.

– Постоянный двор?! – воскликнул Али. – Что же вы молчали? Мы здесь собираемся стать пищей для комаров, а вы направляйтесь в гостиницу. Хорошо ли это?

– Прошу меня простить, – сказал рыцарь, – я буду счастлив проводить вас туда.

– Отлично, – сказал Али, – тогда давайте покончим с этим вином, оно портится от лишней тряски, и поедем ночевать в караван-сарай.

– Ты хотел сказать, покончу, – заметила Лада.

– Ну, что сказал, то сказал, – ответил Али, – не брать же слова обратно.

Постоянный двор принадлежал сирийцу, и он был христианином. Али понял это, увидев крест на воротах. Читатель уже мог составить мнение о характере Али, который, несмотря на профессию, не принадлежал к числу ортодоксов и отличался веротерпимостью. Тем не менее, он почему-то подумал, что это дурной знак. Сириец вышел к нему навстречу. Свободные комнаты нашлись. Одну из них заняла Лада и сразу же легла спать. Али оставил вещи в своей комнате и спустился в общий зал, чтобы осмотреться и понять, где он находится. Раймонд сидел в зале, за общим столом, и встретил Али приветливой улыбкой. Но Али было не до веселья. За столом были сплошь разбойничьи физиономии, не считая сирийца, лицо которого тоже не внушало особого доверия. Новый поклонник Лады, увидев Али, махнул ему рукой и крикнул по-турецки: «Я занял для вас место». Тюркская речь вызвала у франков еще большее любопытство и усилило внимание к прибывшим. Али подошел и сел рядом с Раймондом. Один из франков обратился к Раймонду с вопросом. После короткого объяснения удовлетворенно кивнул, что-то сказал остальным, и прерванный появлением Али разговор возобновился.

– Я им сказал, что вы мой друг.

– Очень любезно с вашей стороны, – язвительно ответил Али. – Особенно после того, как вы привели нас в это заведение.

– Можете повторить, я не понял. Очень сложный оборот.

– Ничего, пустое.

Али просидел за столом около часа. Пил местное вино, обмениваясь с рыцарем несложными фразами, а затем, пожелав всем присутствующим спокойной ночи, отправился спать. Когда он открывал дверь своей комнаты, у него мелькнула мысль, что благоразумнее всего сейчас немедленно собраться и уехать. Но ему было неловко будить Ладу, вызывать хозяина для расчета, чем-то объяснять свой поспешный отъ-

езд. И он вошел в комнату, положившись на волю Аллаха.

Несмотря на беспокойство, он заснул мгновенно и проснулся, когда солнце уже было высоко. Досадуя на то, что проспал (обычно вставал с рассветом), Али быстро оделся и постучался в дверь Лады. Но та не отозвалась. Али постучал сильнее, от стука дверь отворилась. Он заглянул и увидел спящую подругу. Окликнул ее, но Лада не реагировала. Али вошел и потряс ее за ногу. Лада открыла глаза и улыбнулась.

– Извини, что я вошел, – сказал Али. – Ты не отвечала, а дверь почему-то оказалась открытой.

– Да, – зевая и потягиваясь, произнесла Лада. – Я надеялась, что ты придешь пожелать мне спокойной ночи, потому и оставила дверь открытой. Но ты не пришел.

– Это было неразумно, – сердито сказал Али. – Твой воздыхатель привел нас в место, где полно всякого сброма. Крестоносцы, какие-то бродяги.

– Какой еще воздыхатель?

– Как какой? Вчерашний рыцарь. Тот ненормальный.

– Ах, да, я и забыла, слушай, как я могла забыть про него. А почему ты решил, что он ненормальный?

– Если человек, едва завидев незнакомую женщину, сразу же признается ей в любви, по-твоему, это нормально?

– А разве ты Йасмин не с первого взгляда полюбил? По-моему, это происходит именно так. И это так романтично.

– Возможно, но сказал я ей об этом через полтора года. Одевайся, мы давно должны были выехать. Жду тебя внизу.

С этими словами Али вышел из комнаты. Во дворе караван-сарай было безлюдно, к удивлению Али.

– А где народ? – спросил он у хозяина.

– Разъехались кто куда, – ответил сириец.

Али заплатил за постой, велел оседлать и привести своих коней. Он был доволен тем, что не надо испытывать на себе взгляды франков. Хоть и существовало перемирие, но все равно было неприятно.

– Далеко ли путь держите? – спросил хозяин.

– В Иорданию, – сдержанно ответил Али.

Лошади уже были оседланы, потряхивали гривами, переступая с ноги на ногу. А Лады все не было. Али поднялся за ней и поторопил.

– Уже иду, – отозвалась Лада из-за закрытой двери.

Али вернулся во двор и заметил рыцаря, который направлялся к нему.

– Не успели, – с досадой подумал Али, – и все из-за нее. Специально, наверное, время тянула.

– Доброе утро, – приветствовал его рыцарь.

– Поживем – увидим, – отозвался Али.

– Уезжаете? А где королева? Спит, наверное. Красивые девушки любят понежиться в постели.

– Это вы верно заметили. А некрасивые встают ни свет, ни заря и принимаются за работу, – продолжил Али мысль рыцаря, – к тому же, Лада давно уже не девушка. Она вдова.

– Я неточно выразился, – сказал рыцарь, – я имел в виду молодых женщин. Ведь она молода.

– Это вопрос или утверждение? – спросил Али.

– Конечно же, утверждение, – смутился Раймонд. – Всему виной мое неважное знание тюркского. А кто был ее муж?

– Правитель Азербайджана, – ответил Али. О втором неудачном замужестве Лады он благородно умолчал.

– Что вы говорите? – воскликнул рыцарь. – Как высоко вознесла меня любовь!

– Вы считаете?

– Конечно, – взволнованно сказал Раймонд. – Полюбить королеву!

– Ну, получается, что так, – согласился Али.

– Сударь, я буду просить ее о чести стать ее пажем. Вы могли бы содействовать мне? Я хочу служить ей.

Али задумался и вдруг переменил свое отношение к рыцарю. В местности, где крестоносцы попадались на каждом шагу, его присутствие могло сослужить пользу. Пока он размышлял, взвешивая все за и против, во двор караван-сарая въехал отряд вооруженных людей в черных плащах с белыми крестами. Они сразу же окружили Али и Раймонда. Один из них заговорил с рыцарем короткими и отрывистыми фразами. В их интонации слышалась агрессия.

– Что он говорит? – спросил Али.

– Простите, сударь, – смущенно ответил Раймонд. – Вы вызвали у них подозрение. Я поручился за вас. Но оказалось, что этого недостаточно. Это госпитальеры, – добавил он, – они утверждают, что вы шпион.

Тем временем двое госпитальеров спешились и подошли к Али.

– Что им надо? – спросил Али.

– Они собираются обыскать вас.

Али схватили за руки. Он попытался было вырваться, но не тут-то было. Его обыскали и извлекли из одежды именно то, что Али хранил, как зеницу ока, – письмо Малики-Хатун. Али рванулся с силой, какой от него было трудно ожидать, госпитальеры полетели в разные стороны, но вернуть письмо ему не удалось. К нему бросились еще несколько человек и скрутили его.

– Так, так, – произнес командир отряда, внимательно осмотрев письмо. – Я вижу имя султана Ашрафа, заклятого врага христиан. Сударь, можете это объяснить?

– Это письмо частного характера, – сказал Али после того, как Раймонд перевел ему слова командора. – К тому же у вас, кажется, перемирие с ним.

– Перемирие перемирием, но бдительность терять нельзя, – сказал командор Раймонду. – Передайте ему, что он арестован. Мы отвезем его в Иерусалим, пусть король сам разберется с ним.

В этот момент во дворе появилась Лада. Али качнул головой, подавая ей знак не приближаться, и вполголоса бросил Раймонду:

– Рыцарь, прошу вас, скажите им, что она с вами, и позаботьтесь о ней.

– Будьте спокойны, сударь, – сказал Раймонд и поспешил навстречу Ладе.

Появление Лады привлекло внимание командора. Он спросил у рыцаря:

– Кто эта женщина? Она с ним?

– Эта женщина со мной, – сказал Раймонд.

Командор удовлетворился ответом. Али позволили сесть на своего коня, после этого связали ему руки, и отряд выехал со двора.

– Что здесь произошло? – испуганно спросила Лада.

– Вашего друга, королева, обыскали, заподозрив его в шпионаже, нашли при нем письмо, адресованное сирийскому государю. Из-за этого его арестовали.

– В этом письме нет ничего плохого! – возмутилась Лада. – Бывшая жена моего покойного мужа просит султана Ашрафа выпустить из тюрьмы одного человека, секретаря ее второго мужа.

– Его отвезут в Иерусалим, разберутся и отпустят, – попытался успокоить ее рыцарь.

– В Иерусалим? Да вы с ума сошли! Какой Иерусалим! Мы едем в Мекку. Надо догнать их, – сказала Лада, – и убедить отпустить Али. Вы должны поехать со мной.

– Благодарю за то, что разрешаете мне сопровождать вас, – сказал Раймонд.

– У вас нет другого выхода, это вы привели нас сюда. Значит, вы – причина его ареста, и вы должны помочь мне освободить его.

– Если вы, королева, считаете меня виноватым, значит, так оно и есть, – благородно согласился Раймонд, – но я буду счастлив служить вашему величеству.

– Тогда в путь, – приказала Лада.

– Простите, – сказал Раймонд, – у меня нет лошади.

Лада подозвала к себе хозяина постоянного двора.

– Уважаемый, у тебя найдется лошадь для этого рыцаря?

– Лошадь? – оживился хозяин. – Конечно же, у меня найдется лошадь. Вы хотите купить ее?

Слуга вывел из конюшни тощую кобылу, такую старую, что казалось, следующий ее шаг будет последним.

– Простите, любезный, вы уверены, что этот одр может скакать? – опасливо спросил Раймонд.

– Этот скакун никому спуска не даст, – не моргнув глазом, сказал хозяин, – если, конечно, его как следует раззадорить.

Рыцарь недоверчиво покачал головой. Но Лада, уже не слушая никого, выехала со двора, и ему ничего не оставалось, как взгромоздиться на бедное животное и последовать за ней.

Крестоносцы

Гроб Христовский всегда пользовался уважением у мусульман. Сам Иисус признавался святым Кораном, как один из наиболее почитаемых Пророков. В течение пяти веков Иерусалим находился в руках арабов, и на протяжении всего этого времени христиане свободно приходили на поклонение к Святому Гробу. В том случае, если христианину приходилось искупать совершенное убийство или другое тяжкое преступление, церковь обычно предписывала ему епитимью в виде паломничества. Прикосновение к Гробнице Христовой было наиболее действенным способом искупить свои грехи. Кающиеся паломники небольшими группами садились на корабль, обыкновенно в одной из итальянских гаваней, плыли в Сирию и дальше караванами шли в Иерусалим. Босые, они приходили приложиться к Святому Гробу, искупаться в Иордане, уносили с собой пальмовые ветви с Иерихона. И хотя мусульмане позволяли им беспрепятственно совершать богослужения, европейцам казалось, что освобождение Святого Гроба от нечестивых было бы делом, приятным Христу. Дело стало двигаться осенью 1095 года, после зажигательной речи папы Урбана на Клермонтском соборе, где присутствовали 14 архиепископов, 250 епископов, 400 аббатов, 1000 рыцарей из южной Франции и несметное количество простого народа. Урбан призвал рыцарей взяться за оружие, чтобы защитить Христа от неверных сыновей Агари.

– Пусть каждый отречется от себя, – напомнил он им слова Евангелия, – и возьмет крест.

Толпа, охваченная религиозным экстазом, разразилась криками: «Так хочет Бог, так хочет Бог». Эти слова стали боевым кличем крестоносцев. Епископ Адемар Монтеильский стал на колени и попросил папу благословить его на поход. Многотысячна армия сделала то же самое. Урбан поспешил благословить их. Затем он издал указ относительно похода.

«Всякий, – гласил декрет, – кто отправится в Иерусалим для освобождения церкви, а не для приобретения денег или почестей, заслужит своим путешествием полное отпущение грехов». Монахи и священники стали объезжать Францию и Германию, проповедуя крестовый поход.

Итак, принято считать, что причиной крестовых походов была клермонская речь папы Урбана, произнесенная на соборе 18 ноября 1095 года, возбудившая религиозный пыл европейцев. Однако собака зарыта гораздо глубже. С тех пор, как сельджукский султан Алл-Арслан, к которому восходил род принцессы Малики-Хатун, одержал победу над византийскими войсками и взял в плен царя Романа Диогена, Константинополь чувствовал себя довольно неуютно. К тому же печенеги, близкие родичи сельджуков, все чаще тревожили империю. В 1088 году они разгромили войско императора Алексея Комнина при Дерстре и захватили в плен многих знатных византийцев. Сам император едва спасся бегством. Император разослав письма с просьбой о помощи. Он обратился к половцам, к русским князьям и западным правителям. Вот что он писал в числе прочего графу Фландрини Роберту Фризу:

«Святейшая империя христиан греческих утесняется печенегами и турками, они грабят ее. Убийства и поругания христиан неисчислимы, и так страшны, что способны возмутить самый воздух. Земля от Иерусалима и Греции подверглась нашествию. Остается один Константинополь, и если не подоспеет помочь верных христиан, то они угрожают взять и его. Именем Бога умоляем вас, спешите на помощь мне и греческим христианам».

Воззвание Комнина произвело на Западе сильное впечатление, и крестовый поход состоялся бы и помимо папы. Европа была готова к этому движению. Когда Урбан произнес свою знаменитую речь, движение в пользу крестовых походов в рыцарских замках и деревнях уже набирало силу. К тому же началу походов предшествовало семь неурожайных лет. Народ бедствовал, в деревнях свирепствовал голод. Все это сопровождалось ростом религиозных настроений. Сельский житель воспринимал стихийные бедствия по-своему. Неурожай, голод, засуха, чума – все это представлялось ему карой небесной за людские грехи. Отсюда поневоле и возникла мысль о необходимости искупления грехов, мученичества за веру.

Папа лишь вовремя присоединился к этому движению, как это водится у политиков, и благословил. Однако за то время, что на Западе шли приготовления, ситуация в Византии изменилась. Пока Запад воодушевлялся религиозным пылом, на помощь Алексею Комнину без всякого воодушевления пришли соседи, а хороший сосед, как известно, лучше родственника. Императора спасли половцы и русские. Сократысячные половецкие отряды Тугоркана и Боняка, а также войско князя Василька Ростиславовича уничтожили печенегов, а их остатки перешли на службу Византии.

Первый крестовый поход продолжался 3 года. Результатом его было возникновение христианских государств-княжеств в Эдессе, Антиохии, Триполи и Иеруса-

лиме. Однако положение их было непрочным. У христиан осталось слишком мало войска, чтобы удерживать завоеванные города. Требовалось подкрепление из Европы. Атабек Мосула Имад-ад-Дин Зенги в скором времени завоевал Эдессу. Этот факт послужил толчком для возникновения второго крестового похода.

Он состоялся в 1147 году. Крест приняли Людовик VII, король Франции, и Конрад III, король Германии. Общее количество войска, собранного ими, доходило до 150 тысяч рыцарей. Немцы двинулись через Дунайскую область и Фракию, разграбив по пути области и предместья Константинополя. Торопясь начать войну с неверными, они шли в Малую Азию кратчайшим путем, через Никую и Конию. Турецкие всадники постоянно нападали на них, совершая молниеносные вылазки. Тяжеловооруженные рыцари выбивались из сил, пытаясь преследовать их. Большая часть их была перебита или погибла от лишений в пути.

Французы обошли Малую Азию берегом моря через Смирну, Эфес и Лаодикею. Им пришлось переходить через горы, где они подвергались нападениям турок. Из двух армий в Палестину прибыло лишь несколько отрядов рыцарей. В Иерусалиме они совершили поход против Дамаска, закончившийся полной неудачей, и вскоре после этого вернулись в Европу.

На корабле

Монах проспал весь следующий день и проснулся лишь к вечеру.

– Эй, на палубе, – хрюпло сказал он, – скоро ли рассвет?

Егор, созерцавший сереющий берег, удивленно оглянулся.

– Однако крепок твой сон, монах, я уже не чаял тебя добудиться.

– Ну что ты? – откашлявшись, сказал Фома. – Так, прикорнул малость. А что, скоро ли Дербент?

– Дербент ты уже проспал, друг мой.

– Как это проспал, – не поверил Фома. – Иди врать.

– Следующая остановка – Баку, затем – Энзели, конечная.

– Пить хочется, – пожаловался монах, – вина-то не осталось? Башка трещит.

– Ты меня спрашиваешь? – поинтересовался Егорка.

– Нет, просто вслух размышляю, – Фома пнул ногой пустой бочонок из-под вина. Свободный от содержимого бочонок завертелся от удара.

– Ты хочешь еще вина? – удивился Егорка. – Я было решил, что ты напился вина на всю оставшуюся жизнь. Ведь в этом сосуде было немало.

– Ты не ошибся. Но не один я пил, а с тобой.

– Что, долг платежом красен? – спросил Егорка. – Настало время мне тебя вином потчевать? Я сейчас его раздобуду.

Егорка, ни слова более не говоря, ушел и вскоре вернулся, неся объемный глиняный кувшин.

– Благодетель! – воскликнул Фома. Он схватил кувшин, нежно погладил его бока и сломал печать, закупоривавшую горлышко.

– Капитан продал с условием не пить на глазах у команды, – сказал Егорка.

– Уважим капитана, – отозвался Фома. – Он разлил вино по кружкам, прикрывая действие рукой. – Хотя уже темнеет, и можно не прятаться.

В ногах катался пустой бочонок. Егорка недоверчиво спросил:

– Неужели ты в самом деле все выпил?

- Нет, я его за борт лил. Что за глупые вопросы, конечно, выпил.
 - Однако силен ты по этой части, монах.
 - Твое здоровье, – сказал Фома.
- Егорка выпил и вспомнил кое-что.
- Послушай, – сказал он, – у христиан сейчас, кажется, пост.
 - Верно, – подтвердил монах, утирая губы рукавом.
 - Зачем же ты пост нарушаешь, скромное ешь, вино пьешь?

Вместо ответа Фома рассказал притчу.

Причта, рассказанная Фомой

Как-то один христианин во время поста поднялся на гору, подальше от соблазнов, и сидел там в одиночестве, чистый в помыслах, благословляя Бога за то, что принял его в свое лоно. Как вдруг увидал рядом благообразного седого старца. И спросил тот старец: «Почему ты здесь сидишь без видимого дела и смотришь вдаль просветленным взглядом?». «Потому, господин, что нахожусь я на стоянии, – отвечал ему христианин, – то есть, пощусь я, потому и удалился я от людей и мирских соблазнов». И сказал ему старец: «Пост, который, как вам кажется, вы соблюдаете, – не есть истинный пост, но я научу тебя посту, который есть совершенный и угоден Богу. Слушай же: Бог не хочет такого суетного поста, ибо, постясь таким образом, воздерживаясь от скромного и прочего в течение сорока дней, а потом объедаясь, наверстывая упущенное, вы не совершаете правды. Поститься Богу надо следующим постом: не лукавствуй в жизни, но служи Богу чистым сердцем, соблюдай его заповеди, ходи в его повелениях и не допускай ни похоти, ни злого желания в сердце своем. Веруй в Бога, и если исполнишь это и будешь иметь страх Божий, и удержишься от всякого злого дела, то будешь жить с Богом. И только так ты совершишь великий и угодный Богу пост. А эти все внешние проявления поста ему не нужны».

- Вот так то, – закончил Фома, – вот за это давай и выпьем.
- Справедливо, – согласился Егорка, – но мне не наливай. Я спать собираюсь.
- Ну, ладно, спи, – вздохнул Фома, – а я тут пригляжу, вещи покараулю.
- Знал я одного такого, – ворчал Егорка, пытаясь поудобнее устроиться на деревянной скамейке. – Все время твердил, что он непьющий, а пил постоянно. И в пост у него всегда оправдания находились, как у тебя. И все норовил какую-то подходящую фразу из Корана произнести.
- Из Корана? Он что, мусульманин был?
- Был и есть. Надеюсь, находится в добром здравии.
- Ну что же, мусульмане – тоже люди, и пост блюдут. А тот, о котором ты говоришь, судя по всему, неглупый человек.
- Это точно, – подтвердил Егорка и надолго замолчал.
- Давай поговорим, – сказал Фома. – Поднимайся, давай выпьем.
- Сон убежал.
- Так это же хорошо, – обрадовался монах, – посидим, поговорим.
- О чем говорить-то?
- Ну, скажем, не хочешь ли ты принять веру нашу, христианскую, истинную?
- Нет, не хочу, – равнодушно ответил Егорка.
- А почему не хочешь? Чем она тебе не глянется?

– Я не говорил, что не глянется. Просто я рожден в вере своих отцов. Чего я буду изменять ей? Нехорошо это.

– Так все изменили. Вся Русь крестилась вон еще когда.

– Пусть, а я один не буду.

– Против воли народа идешь. Нехорошо это, – укоризненно сказал монах.

– Сдается мне, что выбор веры – это дело добровольное, – зевая, сказал Егорка. Передернув плечами, заметил, – что-то зябко стало.

– А ты выпей, – предложил Фома, – и согреешься.

– Ладно, – согласился Егорка, – давай выпьем.

Приняв чашу, он поглядел на небо и сказал:

– Но если пойдет дождь, вином мы не спасемся.

Тут же, словно на небесах ждали его слов, стали падать редкие, но крупные капли.

– Это ты виноват, – укорил монах, роясь в своем мешке. – Тут у меня хламида, укрыться, если надолго зарядит.

– Почему это я виноват? Дождь давно собирался.

– Собираться-то он собирался, а после твоих слов закапал. Потому что Господь все видит, после твоих слов Он пролил дождь.

– В чем же смысл дождя?

– Он тебя в неверии упрекает.

– А что это ты, монах, – спросил Егорка, – взялся меня вдруг в веру свою обращать? Стоит ли тебе отвлекаться от своей миссии?

– А я не отвлекаюсь, – простодушно ответил Фома. – Это входит в мои обязанности. Ты правильно употребил слово, ибо предназначение мое есть миссия, возложенная на меня, – обращать людей в христову веру.

– За это и выпьем, – предложил мировую Егорка и попал в точку.

Монах обрадованно закивал и надолго припал к своей чаше. Осушив её, он проникновенным голосом спросил:

– Так что, сын мой, готов ли ты принять веру истинную?

Егорка, не ожидавший такого оборота, опешил.

– Постой, постой, – сказал он, – осади назад, нельзя же так сразу. Надо подготовить человека. Ты объясни мне, что к чему. И чем твоя вера лучше моей, а я взвешу все за и против и скажу, что думаю. Вот ты мне объясни, почему Русь приняла веру христову, а не магометову, скажем, или иудейскую. Насколько мне разъяснил мой товарищ, которому я волей своей обязан, заповеди-то и тут, и там имеются и мало чем друг от друга отличаются.

– Это тот товарищ, что пост не соблюдает и вино в пост пьет?

– Именно он, только пост он блюдет так, как ты сказал – чистотой сердца и помыслов своих.

– То есть ты предлагаешь мне с ним в полемику заочную вступить?

– Если мне выпадет свидеться с ним, я передам ему твои слова, а тебе – ответ, если, в свою очередь, с тобой доведется еще раз встретиться. Почему вообще надо было отказываться от веры наших отцов? – спросил Егорка. – Кому она мешала, и какой в этом был смысл?

– Мешать она никому не мешала, – ответил монах, – но смысл в этом был. Политика – вот главный смысл. Нельзя же было иметь дело с Византией, Францией, Аравией, исповедуя язычество. Надо было иметь общие интересы с другими монар-

хами, так сказать, родство душ. Удовлетворил тебя мой ответ?

– Нет, не удовлетворил, – буркнул Егорка. – Бог ничего не сделает человеку за то, что он верит не в Христа, а в Магомета или в Иегову. Так же, как родитель не наказывает малое неразумное дитя за то, что тот не в силах объять своим разумом мир и считает, что ветер дует, потому что деревья качаются, а не наоборот. По моему разумению, религия выполняет для власти две функции: не дает человеку оскотиниться, ибо во всех религиях определены понятия добра и зла, хороших и плохих поступков, что, на мой взгляд, хорошо. И – позволяет управлять народом с помощью духовных пастырей. Ведь это Христос сказал: «Отдай кесарю кесарево, а Богу – Богово». Только он не сказал, что человеку остается – смиление и кротость, я полагаю.

– Давай не будем спорить, – неожиданно миролюбиво сказал монах, видя, что разговор принял неожиданный поворот. – Чего нам делить с тобой? Я же на службе, понимаешь? Войди в мое положение.

– На какой еще службе?

– Миссионер я, поелику должен стараться обращать людей в нашу веру.

– Нет, Фома, не старайся, давай лучше при своих останемся. У меня твердые установки на сей счет. Я рожден многобожником и считаю это правильным, ибо коллективный разум справедливей единоличного. И поскольку я рожден в вере своих отцов, как бы ни хороша была другая, я ее не приму, ибо сие означать будет предательство предков. А это не по моей части.

– Предательство – это когда ты один, а когда вместе со всеми – это выбор.

– Насчет всех не скажу, у нас в волости только начальство – бояре да воеводы христиане, а остатний люд втайне все равно всем богам по отдельности молится.

– Нет, с тобой невозможно разговаривать, – посетовал монах, – давай лучше вино пить.

– Нет, погоди. Известно ли тебе, что Иисус продал апостола Иуду Фому, не желавшего проповедовать в Индии, индийскому купцу Хаббану за 20 сребренников.

– Давай о чем-нибудь другом поговорим.

– С меня хватит, я ложусь спать, – сказал Егорка. – А то мне неведомо уже, море меня качает или вино. – Егор устроился на лавке, укрылся плащом и добавил: – Ты бы тоже спал, а то второй день не просыхаешь. Перед командой неудобно.

– Ничего, – отозвался монах, – я украдкой. Им не видно. Посижу еще, подумаю о Боге. Надобно очиститься сердцем после твоих невежественных речей.

Но, несмотря на такое заявление, до Егоркиного слуха вскоре донесся носовой посвист. Монах спал.

«Кажется, он уже освоился на море», – подумал Егор и закрыл глаза. Но мир сразу же закачался, и Егорка, опасаясь возможной тошноты, открыл глаза. Выпил он немного, но вкупе с корабельной качкой вино оказалось влияние на организм. Егорка несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул свежий морской воздух, приводя чувства в порядок. Ему полегчало, но он решил пока не спать, на всякий случай. Тем более, что ненавязчивые поначалу носовые посвисты Фомы стали ниже и басовитее. Он начинал похрапывать. На море было небольшое волнение. По-видимому, рулевой разбудил капитана, поскольку на мостице появилась его фигура. Ветер крепчал. Корму, где находились пассажиры, уже изрядно поднимало вверх и опускало вниз. Команды, отдаваемые капитаном, привели к тому, что на судне возникла некоторая суета. Команда пришла в движение и полезла на мачты. Паруса поползли вниз, разбуженные гребцы сели на весла. Егорка с любопытством наблюдал за происходящим, не ис-

пытывая ни малейшего страха. Ветер усилился настолько, что когда Егорка встал, чтобы обозреть окрестности, ему пришлось схватиться за борт, иначе не удержался бы на ногах. Берега не было видно, да и вообще ничего не было видно. Было загадкой, как капитан умудряется следовать курсу. В том, что корабль движется целенаправленно, Егорка не сомневался. Кормчий налегал на руль, а гребцы погружали весла в воду каждый раз, когда судно падало вниз, оказываясь между гребнями волн.

«Кажется, штурм начинается», – подумал Егорка, и, словно в подтверждение его слов, корабль задрал нос, а затем корму. При этом Фома упал со скамейки, но не проснулся. Егор поднял его, уложил на скамью, однако вскоре он опять свалился. Егор хотел было привязать его к скамье поясным ремнем, но затем решил, что без опасней для монаха будет сохранить свободу движения в случае, если корабль пойдет ко дну. Но монах проснулся сразу же, как огромная волна накрыла корму.

– Что происходит? – закричал он, отплевываясь, дрожа от холода, вымокший с головы до ног.

– Перун гневается, – спокойно ответил Егорка.

– Какой еще Перун? Это твое богохульство всему виной, – недолго думая, бросил ему обвинение монах. – А я тоже, глупец, позволил тебе кощунственные речи.

Егорка хотел было ему возразить, но заметил фигуру капитана, который, с трудом удерживая равновесие, шел к ним.

– Ну что, дождались, гяуры проклятые, – приблизившись, закричал он, – со своим вином прогнавали Аллаха Всевышнего. Как я мог разрешить вам пить вино, будь я проклят!

Погрозив им кулаком, он вернулся на мостик.

– Видишь, – сказал Егор, – сколько людей, столько мнений. Но заметь, что я, в отличие от вас, христианина и мусульманина, никого не обвиняю.

– Так ты и виноват, – нашелся монах, – кого ж тебе обвинять.

После этих слов Егор почувствовал неудержимое желание дать ему затрещину. Накрывшая их новая волна спасла монаха от расправы, но не от шторма. Когда Егорка открыл глаза, Фомы на палубе не было. Он бросился к борту и увидел далеко внизу барахтающегося в морской пучине монаха. В следующий миг Егорка, схватив бочонок из-под вина, катавшийся под ногами, бросил его Фоме в качестве спасательного средства. Но поскольку бочонок угодил прямо в голову монаха, Егор был вынужден прыгнуть за борт сам, во избежание угрызений совести.

Крестоносцы

В 1187 году Салах-ад-Дин, владетель Египта, осадил Иерусалим. Когда его воинам удалось пробить брешь в крепостной стене, христиане капитулировали. Салах-ад-Дин отпустил их, получив выкуп по 10 золотых с рыцаря, по 5 – с женщины и 30 тысяч – за всю бедноту. Вступив в Иерусалим, он приказал сбросить с церквей кресты, разбить колокола а мечети окропить розовой водой и обкурить ладаном. Когда весть о падении Иерусалима дошла до Европы, Папа Урбан III стал писать всем государствам, приглашая объединиться против неверных, утвердил посты, богослужения, обещал отпущение грехов. На этот раз крест приняли три короля. Фридрих Барбаросса во главе 100-тысячной немецкой армии пошел через Болгарию. Они переправились через Геллеспонт на корабле византийцев, и далее, через горы Малой Азии, неся потери от нападений сельджуков, стали углубляться в страну, опустошенную

войнами. Вскоре у них закончились припасы и фураж. Лошади стали падать. Наконец они прибыли в Конию и с криками «Христос царствует, Христос побеждает» взяли город. После отдыха армия отправилась в Сирию и расположилась на отдых в долине Селефа. Вечером Фридрих, поужинав на берегу реки, решил искупаться в ней и утонул. Армия рассеялась, большинство вернулось домой, а остальные отправились в Антиохию, где многие умерли от эпидемии.

Английский король Ричард (Львиное Сердце) и французский король Филипп, приняв крест, тем не менее продолжали периодически воевать друг с другом. Они выступили в поход морским путем лишь спустя два года после гибели Фридриха. Оба войска встретились в Мессине, где тотчас между ними начались раздоры. Сами сицилийцы с ненавистью смотрели на чужеземцев. Как-то английский солдат поссорился с торговкой из-за хлеба. Его избили горожане и заперли ворота города. Тогда Ричард взял Мессину и отдал ее на грабеж своему войску. Филипп тут же потребовал своей части добычи. Весной 1191 года часть английского флота была прибита ветром к берегам Кипра, которым правил узурпатор Исаак Комнин, двоюродный брат Алексея. Он ограбил несколько кораблей. При этом в его руки попала и невеста Ричарда. И Ричард был вынужден начать войну. Он высадился на Кипре и, разбив греческое войско, в течение месяца завоевал остров. Затем он роздал земли своим рыцарям, а в крепостях оставил гарнизоны. Прибыв в Сирию, оба короля приняли участие в осаде Акры, которая к тому времени продержалась уже в течение двух лет. Гарнизон Акры сдался. Ему было дозволено уйти, если Салах-ад-Дин уплатит выкуп в двести тысяч золотых и вернет животворящий крест. В обеспечение договора осажденные дали две тысячи заложников из числа знати. Но когда Салах-ад-Дин в установленный срок не смог собрать требуемую сумму, Ричард велел вывести заложников за стены города и казнить их. Тогда Салах-ад-Дин отказался платить и освобождать Иерусалим. Филипп Август после завершения осады вернулся во Францию. Конрад Монферратский заключил союз с Салах-ад-Дином против Ричарда, но неожиданно был убит исмаилитами. Между тем из Англии пришли вести о том, что Филипп, пользуясь отсутствием Ричарда, стал грабить его земли. Чтобы не потерять корону, последний был вынужден заключить мир с Салах-ад-Дином и вернуться в Европу. На обратном пути он был арестован в Вене герцогом Леопольдом и заключен в тюрьму, где провел около двух лет. И был освобожден только после вмешательства Папы.

В плenу

Отряд вооруженных людей, пленивших Али, принадлежал к ордену госпитальеров, иначе говоря, иоаннитов. Обязанностью госпитальеров в мирное время было патрулирование территорий, сопредельных с мусульманскими государствами, и сопровождение христиан-паломников к святым местам.

Али, хотя и был ошеломлен переменой участи и арестом, пытался понять, как они очутились на земле крестоносцев, и в конечном итоге пришел к выводу, что это не так. Но в таком случае он не может являться шпионом и не должен быть арестован. Он пытался заговорить с крестоносцами, но на него не обращали никакого внимания и продолжали скакать. Когда отряд сделал привал, Али допросил командор.

Вопросы переводил один из капелланов.

— Кто вы такой? Откуда и куда путь держите? — спросил командор.

— Мое имя Али. Я родом из Азербайджана, — ответил Али. — Совершаю палом-

ничество в Мекку. – При этих словах рыцарь переглянулся со своим окружением, кре-
стоносцы засмеялись. – Что их так насмешило? – поинтересовался Али у перевод-
чика.

– Обычно мы сопровождаем паломников, – сухо ответил толмач.

– А почему ты не смеешься? – спросил Али.

– Не вижу ничего смешного.

После этого Али почувствовал к нему симпатию.

– Каким образом у паломника оказалось письмо сирийского султана?

– Необходимо уточнение, – поправил Али, – это письмо не сирийского султана,
а к сирийскому султану.

– Если бы письмо было адресовано султану, то вы должны были ехать по на-
правлению к Дамаску, а вы двигаетесь в противоположном направлении. Где логика?

– Я не застал султана в Дамаске. Он находится в Египте, поэтому я решил про-
должить хадж, а на обратном пути передать письмо.

– Трудно поверить, что имея при себе письмо, адресованное султану, человек
занялся бы личными делами.

– Это письмо частного характера, это не срочно. В Египет я не мог поехать. Я
решил ожидание провести с пользой. Совершить паломничество.

– Твое объяснение слишком сложно, в то время как действия просты и понятны.
Это письмо малика Ашрафа к кому-то из наших тайных врагов, поскольку ты дви-
гался в сторону Иерусалимского королевства.

– Я не силен в географии, – сказал Али, – но мне казалось, что Иерусалим на-
ходится в стороне от моего пути.

– Это несущественно в данном случае.

– Мне, напротив, это кажется чрезвычайно существенным, – заявил Али, – от
этого зависит мой статус: шпион я или нет. Мне представляется, что если вы аре-
стовали меня в Сирии, то я никак не могу быть шпионом. Это называется по-другому.
Это называется похищением человека.

– Что в письме? – спросил командор, переводя разговор, не желая углубляться
в скользкую тему правомочности своих действий.

– Просьба о помиловании одного человека.

– Довольно нелепо выглядит ваше объяснение.

– Правда довольно часто выглядит нелепо, но от этого не перестает быть ею,
в то время как ложь всегда правдоподобна, потому как ее приспособливают к об-
стоятельствам.

– Хорошо сказано, вы, сударь – философ.

– Отчасти, вообще-то я законовед.

– Вот это ваше признание выглядит правдоподобно. Но, следуя вашей теории,
оно должно быть ложью.

– Я не говорил, что это теория.

– Может быть, его допросить? – вмешался в разговор другой капеллан, веду-
щий протокол допроса.

– А чем я, по-твоему, занимаюсь? – раздраженно заметил командор.

– Я имел в виду подвергнуть пыткам.

– А потом ты его на себе понесешь, умник? Нам еще далеко ехать.

– Простите, я не подумал.

– О чем они говорят? – спросил Али у переводчика.

– Вам лучше этого не знать, – ответил переводчик.
«Кажется, дело принимает нежелательный оборот», – подумал Али.
– Мы можем легко во всем разобраться и установить истину, – обратился Али к переводчику, – надо прочитать письмо. Оно докажет правоту моих слов.

Толмач перевел сказанное командору. Тот отказался.

– Моя задача – доставить тебя с письмом к королю. Это просто, я не хочу усложнять себе жизнь. Неизвестно, что в этом письме. Новая информация заставит меня принимать решения и нести за них ответственность. Не хочу.

– Какой благородный человек! – сказал Али.

– Что он сказал? – спросил рыцарь.

– Он восхищен вашим благородием, – ответил переводчик.

– Это ирония? – поинтересовался командор.

– Не думаю, – сказал переводчик.

Командор посмотрел на непроницаемое лицо переводчика, затем перевел взгляд на мрачного пленника.

– Развяжите ему руки, – распорядился он, – и накормите.

На этом допрос закончился.

– Вам развязут руки и дадут поесть, – сказал переводчик, сопровождая свои слова жестами. – Не отчаивайтесь, сударь, – добавил он, – мне жаль, что вам так не повезло, и вы оказались на пути следования нашего отряда. Мы немного сбились с пути. Наш командир недавно на святой земле. Уж очень ему хочется выслужиться перед королем.

Командор отряда что-то резко спросил у переводчика, тот так же резко ответил. Они явно были не в ладах. Али стал думать над тем, как бы это использовать для бегства. Ему развязали руки, но еды не дали, поскольку ее было мало. Едва хватило только своим. До этого момента Али есть не хотел, но как только выяснилось, что кормить не будут, сразу же ощущал чувство голода. «Подумать только, – сказал он себе, – какова насмешка судьбы. Еще вчера я мог накормить сотню человек, а сегодня не могу утолить собственный голод». Далее он вспомнил подходящую к слухаю русскую пословицу из лексикона Егорки. Она гласила: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Верный друг Егорка, вот кто бы сумел прийти к нему на помощь, если бы был поблизости. Но Егорка, увы, не мог прийти к другу на помощь, ибо в это время он вяло переругивался с монахом, сидя на пустынном берегу, куда их выбросил внезапно разыгравшийся штурм.

Побережье Каспия

Они сидели на валунах нагишом. Вымокшая одежда была развезшана на ветвях низкорослых деревьев. Благодаря тому, что корабль совершил каботажное плавание, то есть плыл вдоль берега, они с большим трудом все же сумели выбраться на сушу. Когда Егорка сиганул за борт, монах, получивший бочонком по голове, был не то чтобы без сознания, но малость не в себе. Удар оказался не таким сильным благодаря тому, что бочонок был пуст, а Фома в этот момент был погружен в воду по макушку. Егорка подхватил Фому и поддерживал некоторое время, пока тот не пришел в себя. Затем, держась за бочонок, они болтались в море, моля о спасении, каждый своего Бога. Услышаны были оба, ибо в конце концов море вынесло их на берег.

Теперь монах то и дело дотрагивался до здоровенной шишки на своей тонзуре

и качал головой.

– Желая мне помочь, ты бросил бочку прямо мне в голову, хорошая помошь.

– Вот если бы я хотел бросить её тебе прямо в голову, – возразил Егор. – Лучше другое скажи: почему море не расступилось перед тобой, чтобы ты мог, аки посуху, выбраться.

Монах пожал плечами.

– Я же не еврей, чтобы передо мной море расступалось.

– На все у вас, попов, ответ найдется. Неблагодарный ты человек, Фома. Я спас тебя от гибели, а вместо благодарности одни попреки слышу. Ты лучше подумай, что нам дальше делать.

– Господь велик, – ответил монах, – надо уповать на него. А я бы сам выплыл, если бы меня по башке бочкой не шарахнули.

Егор поднялся и стал снимать одежду с ветвей.

– Высохла? – спросил Фома. – Куда пойдешь?

– Я думаю, что Баку недалече будет. Если бы не буря, к утру бы там были.

Монах встал и торопливо стал одеваться.

– Куда это ты, батюшка? – поинтересовался Егор.

– С тобой пойду, – ответствовал Фома.

Спутники вскоре вышли на дорожный тракт и бодро зашагали по нему. Через пару часов на небосклон выкатилось солнце.

– Ну, слава Иисусу, солнышко вышло, – заметил монах, – одежда хоть подсохнет, а то ведь и заболеть недолго.

Впереди показалась повозка. Возчик, это был молодой дюжий детина, удивленно оглянулся на их приветствие и кивнул в ответ.

– Далеко ли путь держишь, добрый человек? – обратился к возчику монах.

Возчик долго думал, прежде чем ответить, наконец, буркнул: «а вам на что?»

– Да ни на что, – ответил монах, – просто спросил. Идем в одну сторону, вроде, нам по пути. Что ты такой нелюдимый?

– А кто вас знает, что вы за люди. Может, лихие, – возразил детина.

– Мы мирные люди, я священник. Вот ты, малый, какого вероисповедания?

– А тебе что за дело до моей веры?

– Ну что ты заладил: что за дело, да что за дело. Говорю тебе – священник я.

– Иудей я, – неожиданно ответил малый.

– Как это иудей? – удивился монах. – Откуда здесь взяться иудею?

– Так хазарин я. Иудейская у нас вера.

– У него работа такая – лезть ко всем в душу, – пояснил Егор, – миссионер он.

Монах укоризненно взглянул на товарища.

– Неразумные речи ты ведешь, – возразил он Егорке, – я несу свет и радость новой веры, а не лезу людям в души. – И, обращаясь к возчику: – Так куда ты путь держишь, добрый человек?

Но возчик пропустил вопрос мимо ушей, продолжая как ни в чем не бывало править кобылой. Монах вздохнул и развел руками, поняв, что упрямца не сломить.

– А что это за местность? – задал вопрос Егорка.

Возчик подозрительно взглянул, но, не найдя подвоха в вопросе, ответил:

– Афшаран, – и тут же сам спросил: – а вы что, с неба свалились, что не знаете местность, по которой идете?

– Не с неба, а с корабля, – ответил Егор.

Детина недоверчиво взглянул на него.

– Здесь пристани нет нигде поблизости, – сказал он.

– А корабль не приставал к берегу, мы вплавь добрались.

– А что так?

– За борт смыло нас, – великодушно сказал Егор. Монах бросил на него взгляд, который можно было расценить как благодарственный.

– Вот как, – заметил возчик, – повезло. Господь ваш, значит, любит вас.

– Это верно, – согласился монах, но, поглядев на Егорку, добавил: – Он у нас у каждого свой по отдельности.

После этого долгое время шли молча, вернее, возчик ехал, а монах с Егоркой бодро шли рядом, держась за телегу. Поскольку дорога шла несколько под уклон, то кобыла переставляла копыта довольно резво. Фоме с его тучным телосложением приходилось нелегко, в отличие от Егорки, атлета, к тому же привыкшего к долгим лесным переходам.

– А что, друг, – заговорил вконец запыхавшийся монах, – не позволишь ли ты присесть на твою телегу?

Возчик молчал так долго, что Фома собрался повторить свой вопрос, но тот в конец ответил:

– Я бы позволил, да животину жалко.

– Что же ее жалеть, работа у нее такая, – укоризненно сказал Фома, – к тому же дорога под уклон идет, не тяжело ей будет, а нам отдохновение. Нельзя так – животное жалеешь, а человека – нет, не по-христиански это.

– А я не христианин, – равнодушно сказал возчик, – еврей я.

– Оно и видно, – бросил в сторону Егорки Фома.

– Силы беречь надо ей, – через некоторое время пояснил возчик, – обратно груз везти.

– А если мы тебе заплатим? – вмешался Егорка, поглядев на Фому, у которого по лицу градом катился пот, а ряса парила.

– Как это – заплатим? – оживился возчик. – Дирхемы возьму.

– А лошадь не жалко будет?

– Так она для того и существует, чтобы деньги зарабатывать. Это ее работа.

Егорка и Фома сели на телегу, а иудей спрыгнул и пошел рядом.

– А ты чего слез? – спросил Егорка.

– А я пешком пойду, животному легче будет. Жалко.

– Ну, как знаешь. Ты скажи хоть – нам в Баку надобно – в правильном направлении мы движемся?

– Да вроде, правильно, – нехотя признал возчик, – только ты деньги-то сразу дай. Так оно вернее будет.

Егорка заплатил возчику. Тот попробовал монеты на зуб и спрятал.

– Тебя как зовут-то? – вновь спросил Фома.

– Хайм, – ответил возчик, – а вас?

– Меня зовут Егор, а его – Фома, что значит – неверующий. А твой тезка был знаменитым поэтом.

– Какой еще тезка?

– Омар Хайям.

– Не знаю, не слышал о таком.

– А ты не в Баку часом едешь-то?

– Не, я в предместье еду, нефть загружу – и обратно.

– А на что тебе нефть?

– Торгую я ею.

Фома, оказавшись на телеге, сразу же лег и уже начинал похрапывать. Егор некоторое время любовался чередой горных вершин, тянувшихся по правую сторону пейзажа. Слева должно было быть море. Но его закрывали заросли камышей, над которыми летали утки. Через некоторое время Егор почувствовал сонливость и тоже лег. Проснулся он от крика чаек, открыл глаза и тут же прищурился от слепящей голубизны неба. Солнце стояло высоко и припекало изрядно. Егор стал расталкивать спящего монаха. И когда тот наконец разомкнул сонные веки, сказал:

– Поднимайся, приехали.

– Куда, зачем? – спросонок бормотал Фома, тяжело выбираясь из тенет сна.

– Внизу пристань, вставай, может, удастся сесть на один из этих кораблей.

Затем Егор свистнул, привлекая внимание хазарина.

– Это порт внизу там. Мы попробуем сесть на корабль, – объяснил Егор. – Ты грузиться будешь?

– Грузиться? Верно, буду. Только здесь пассажиров не берут. Это не порт. Корабли пристают кто воды набрать, кто еще зачем.

– Ничего, мы попробуем. Спасибо, что довез. Мы же в расчете, верно?

– В расчете? Верно, – у Хaima была привычка повторять вопрос. – Хотя...

– Что – хотя? – насторожился окончательно проснувшийся монах.

– Неплохо было бы прибавить.

– Окстись, дядя, – урезонил его монах, – за деньги, что он тебе отвалил, можно обратно до Киевской Лавры доехать.

– Вот сколько бы я с ними не имел дела, – ворчал Фома, когда они, оставив повозку позади, спускались к берегу, – не было такого, чтобы уступили в цене, а уж прибавить сверх оговоренной суммы – это для них правило.

– Да ты не суди по одному обо всех, – возразил Егорка.

– Я знаю, что говорю, – стоял на своем Фома.

Попасть на корабль оказалось делом нелегким. Поскольку пристани не было, корабли стояли на изрядном расстоянии от берега. Между ними сновали лодки. Но удача, если в их случае можно было говорить об удаче, состояла в том, что один из кораблей был тот, с которого они так неудачно сошли прошлой ночью. Именно от него сейчас к берегу направлялась лодка.

– Проклятие шайтану, – вскричал рулевой, когда лодка ткнулась носом в берег, и он встретился взглядом с поджидавшей их парочкой. – Это же те двое, которых смыло за борт. Как вы здесь оказались?

– Мир вам, труженики моря, – цветисто отозвался Егор. – Если бы ты был христианином, мой товарищ рассказал бы тебе про одного иудея по имени Моисей, перед которым расступилось море.

– Зачем же твоему товарищу, если он христианин, рассказывать мне об иудеях? – резонно возразил рулевой.

– Действительно, – озадачился Егор, – а мне почему-то в голову не пришло спросить его об этом. Ну, у нас, у русских, говорят: пьяному море по колено.

– Вот в это мне легко поверить, – согласился рулевой, – пили вы здорово. Особенно этот толстый. Мы всей командой любовались им.

– Какая удача, что вы здесь причалили, – сказал Егор, – мы уж не чаяли об-

ратно на борт попасть.

- Уж не знаю, возьмет ли вас обратно капитан, суеверный он больно.
- Что значит – возьмет ли? – возразил Егор. – Проезд оплачен.
- Ну что же, раз оплачен, я спорить не стану, садитесь в лодку. А мы сейчас соль загрузим и отчалим.

Капитан встретил их с невозмутимостью бывалого моряка. Не задав ни одного вопроса, не выказав удивления, он лишь молча кивнул, отвечая на приветствие, и отвернулся. Пассажиры, осторожно ступая по шаткой палубе, прошли на корму.

– Ох, – сказал монах, – прямо как домой вернулся. Пить на корабле больше не будем, ладно?

– Это ты мне предлагаешь? – уточнил Егор.

– Ну да.

– Ладно, не будем, – согласился Егор, – А может, все-таки за возвращение благополучное?

Монах укоризненно посмотрел на него, но затем взгляд его смягчился, и он заметил:

– Вина все равно нет, а к капитану идти неловко.

А рулевой в это время удивленно говорил капитану:

– Как это вы с вашим суеверием позволили взойти им на борт? Ведь прошлой ночью вы говорили, что это из-за них шторм начался. Я был уверен, что вы их не возьмете.

– Вот поэтому я их и взял, из суеверия. Уж если эти двое, свалившись за борт в бушующее море, не утонули, а на следующий день умудрились догнать нас, значит, они приносят удачу.

– Как это мудро, – сказал рулевой, – а ведь не всякий до этого бы додумался.

– Поэтому я и капитан, – ответил тот.

Крестоносцы

Принято считать, что всего было восемь крестовых походов, хотя на самом деле их было двенадцать. Историки обычно не принимают во внимание походы 1101, 1172, 1197, 1239, 1240 годов.

Среди прочих заслуживает внимания четвертый крестовый поход, во время которого пал Константинополь. Папа Иннокентий III, вступивший к этому времени на престол, считал своим долгом возвращение Иерусалима. Он слал во все католические страны своих легатов проповедовать крестовый поход. В 1195 году в Византии произошел дворцовый переворот. Исаак Ангел был свергнут своим братом Алексеем. Исаак был арестован и ослеплен. Его сын, царевич Алексей, сумел бежать и добраться до Европы, где принял участие в подготовке к IV крестовому походу. Он прибыл в Германию к королю Филиппу, женатому на его сестре. Филипп дал ему рекомендации к крестоносцам. И хотя возвзвания Папы долгое время не находили отклика у европейских государей, поборников веры он нашел во Франции. Ими были граф Шампани Тибо, Людовик Блуа – родственник короля, и Балдуин, граф Фландрии. Князья направили переговорщиков в Венецию, чтобы зафрахтовать суда для перевозки армии. После долгих переговоров дож Данццоло предложил руководству крестоносцев отработать деньги натурой, завоевав для Венеции город Зару, в Далмации, мешавший свободной торговле венецианцев. Князья дали согласие, а чтобы

держать в заблуждении простой народ, который был уверен, что они держат путь в Египет, Дож, посадив крестоносцев на корабли, приказал целый месяц плавать в водах Адриатики, а после этого подступить к Заре, объяснив решение не плыть в Египет наступающей зимой и возможными бурями. Венгерский гарнизон Зары оказал яростное сопротивление, но в итоге был взят приступом и подвергся разграблению. С жителями христианского города крестоносцы обращались так же, как с мусульманами: убивали, насиловали и продавали в рабство. В январе 1201 года вместе с царевичем Алексеем в Зару прибыл посол германского короля Филиппа со следующим обращением к крестоносцам: «Сеньоры! Я посылаю к вам брата моей жены и вручаю его в руки Божии и ваши. Вы идете защищать право и восстанавливать справедливость, вам предстоит возвратить константинопольский трон тому, у кого он отнят с нарушением правды. В награду за это царевич заключит с вами такую концепцию, какую никогда и ни с кем империя не заключала...». Царевич обещал 200 000 марок серебром, продовольствие для всей армии и содержание ее в течение года.

Константинополь был взят штурмом и предан трехдневному разграблению.

Амазонка

Мы расстались с Ладой на постоялом дворе, где Али, принятый за шпиона, был арестован крестоносцами. Наша героиня в сопровождении Раймонда сразу же последовала вслед за госпитальерами. После того, как Раймонд уверил ее в том, что сказал все, что можно, в защиту Али, Лада отказалась от первоначального намерения попробовать объясниться с иоаннитами. Она поняла, что если командор оставил без внимания заступничество франкского рыцаря, то ее слова вовсе не будут иметь никакого значения. Более того, крестоносцы схватят и ее и лишат свободы действий. Лада решила не догонять отряд, поскольку у нее не было определенного плана действий, но ехать за ним, не показываясь на глаза и не теряя его из виду. От этого недоразумения определенную пользу получил только один человек – рыцарь, он теперь мог быть рядом с предметом поклонения.

– Ваше величество, – обратился рыцарь к Ладе, – простите меня за то, что я стал невольной причиной пленения вашего спутника. Это просто стеченье обстоятельств.

– Странным образом сложились эти обстоятельства, – ответила Лада. – Вы уговарили нас поехать в гостиницу, где Али арестовали. Постойте, вы назвали меня – «ваše величество»?

– Ваш спутник сказал, что вы бывшая жена короля Азербайджана, – ответил Раймонд.

– Это правда, – сказала Лада, – только наоборот. Я настоящая жена, а он бывший. Поскольку он умер, а я жива. Только не надо обращаться ко мне – «ваše величество». Меня зовут Лада.

– У вас, королева, очень красивое имя. Я все понял. Вы путешествуете инкогнито. Вы не хотите огласки. Но все же позвольте мне иногда, наедине, обращаться к вам как должно вашему званию. Это возвышает и меня. Я никогда и помыслить не мог, что предметом моей любви будет королева. Я буду счастлив умереть за вас.

– Только не нужно спешки, – заметила Лада, – сначала помогите мне освободить Али. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счёт?

– Простите?

— Как вы собираетесь освобождать моего друга? Или об этом должна думать я, слабая женщина?

— Мы поедем в Иерусалим, — сказал рыцарь, — и бросимся в ноги королю.

— Я никому в ноги бросаться не собираюсь, — сказала Лада, — тем более, что неизвестно, moet ли ваш король ноги. Я слышала, франкские монархи не очень чистоплотны, в отличие от мусульман.

— Я не вас имел в виду, — поправился рыцарь, — я брошусь в ноги.

— Никто никуда бросаться не будет, — решительно заявила Лада, — я знаю, что надо делать. Надо ехать за крестоносцами. Подождать — пока они заснут. Ночью убить часового и выкрасть Али.

Раймонд смущенно кашлянул.

— Что такое? — спросила Лада. — Вам не нравится моя идея?

— Видите ли, сударыня. Я осуждаю поведение этих людей, но я сам крестоносец. Получается, что я предаю своих товарищей.

— В таком случае прощайте, — воскликнула Лада, — мне не нужен сомневающийся рыцарь. Или все, или ничего. Я запрещаю вам следовать за мной.

Не успел рыцарь осознать ее слова, как вспыльчивая вдова азербайджанского монарха стегнула коня и помчалась прочь.

Рыцарь припустил было за ней, но сразу же понял, что его пожилая кобыла такого темпа не вынесет. Рыцарь натянул поводья, наблюдая, как удаляется предмет его любви. Размолвка произошла в месте, где дорога спускалась с холма. Далеко в степи клубились столбы пыли, поднимаемые отрядом госпитальеров, увозивших Али. Раймонд не любил ситуаций, когда ему приходилось делать выбор и принимать решение. Он надеялся, что Лада одумается и вернется. И тогда он со спокойной душой приложит все силы для освобождения Али, с которым ее связывали какие-то неведомые ему крепкие узы. Но королева взяла правее и поскакала в сторону небольшого поселения, видневшегося вдали.

Во время этой быстрой скачки Ладой владели два сильных чувства: беспокойство за Али и презрение к Раймонду. Она громко выкрикивала ругательства, крепости которых позавидовал бы любой мужчина. Но, к счастью, никто этого не слышал. Кстати говоря, если бы Раймонд услышал часть слов, адресованных ему, то проблема выбора не стояла бы перед ним так сильно.

Вскоре Лада уже ехала по узким улицам, меж глинобитных стен поселения, встречая удивленные и настороженные взгляды. Она достигла главной площади, где вокруг нее тут же собралась стайка чумазых ребятишек, глядевших на нее, как на неzemное существо. Ребятня галдела, пожирая глазами светловолосую незнакомку. Наконец появился мужчина, который, подобрав хворостину, отогнал детей и, поклонившись, приветствовал ее на арабском языке. Арабского она не знала. Лада заговорила по-азербайджански. К счастью, мужчина говорил по-туркски.

— Что привело тебя сюда, госпожа, — спросил он, — в наше забытое Богом селение? Верно, ты сбилась с пути.

— Ты попал в самую точку, — ответила Лада, — правда, это случилось не сейчас, а несколько лет назад. Мое появление здесь — это следствие.

Этот странный ответ с философским подтекстом, казалось, изумил мужчину не меньше, чем сама русоволосая красавица, неизвестно откуда взявшаяся в Сирийской пустыне.

- Скажи,уважаемый...
- Меня зовут Селим, – вставил человек.
- Скажи,уважаемый Селим, как мне найти самого влиятельного человека в этом поселке?
- Он перед вами, госпожа, – с достоинством ответил Селим, – я староста этого городка.
- В таком случае, у меня к тебе серьезное дело.
- Пройдемте ко мне в дом, – сказал Селим, – не будем же мы говорить о делах посреди улицы.
- Мое дело не терпит промедления, – ответила Лада, – моего брата схватили крестоносцы. Найдется ли в твоем подчинении десяток храбрых мужчин, чтобы освободить его?
- Узнав о сути дела, староста поскучнел и, теряя интерес к незнакомке, ответил:
- У нас здесь живут ремесленники да торговцы. А из них неважные воины. К тому же у нас с крестоносцами перемирие.
- Перемирие? Почему же тогда они хватают ни в чем не повинных людей?
- Они поступили незаконно. Я думаю, что надо подать жалобу правителю.
- Я готова заплатить людям, которые освободят моего брата, – сказала Лада. Староста встрепенулся.
- Сколько госпожа не пожалеет на это опасное и благородное дело?
- Пятьдесят золотых.
- Пятьдесят золотых? – воскликнул пораженный староста. – За эти деньги я готов в одиночку сразиться с крестоносцами. Укажи мне их след.
- Твой благородный порыв похвален, – усмехнулась Лада, – но в одиночку ты не справишься. Сам же сказал, что ты мирный житель. Мне нужны головорезы.
- Староста не стал спорить.
- Ты права, прекрасная госпожа. Мне их не одолеть. Хотя деньги мне нужны.
- Селим призадумался и вскоре сказал: – Я знаю, как помочь тебе, благородная госпожа, есть в наших краях ватага лихих людей. Для наших мест пятьдесят динаров – большие деньги. Но, конечно, не для них. Меньше, чем за сто золотых, они не возьмутся. И мои десять процентов комиссионных.
- Отведи меня к ним, – нетерпеливо сказала Лада.
- Подождите меня здесь. Только никуда не уходите. Я оседлаю своего осла, и тронемся в путь, – заторопился Селим.
- Я жду, – бросила Лада.
- Староста убежал, а гурьба ребятишек, выжидавшая поодаль, с прежним любопытством подтянулась ближе. Один из них, красивый мальчик лет десяти, неожиданно подошел, взялся за стремя и сказал:
- Тетя, я слышал ваш разговор. Не очень доверяйте тем людям, к которым вас отведет Селим.
- Лада наклонилась к мальчику и, глядя ему в глаза, ответила:
- Тетя – это обидно. Не называй меня так.
- Но вы же не дядя, – с неумолимой детской логикой ответил мальчик.
- Ну, раз так, то ладно, – смирилась Лада, – видишь ли, мальчик, у меня нет другого выхода.
- При этом она вложила монетку в руку неожиданного союзника. Разглядев серебряный дирхем, мальчик сказал: «спасибо, пойду, отнесу маме», и тотчас убежал.

– Когда же у меня будет такой сын! – вздохнув, сказала Лада...

...Наконец на площади появился Селим, оседлавший осла. Он понукал медлительное животное босыми пятками. Животное вдруг проявило неожиданную прыть, и Селим умчался, едва успев крикнуть: «Следуйте за мной». Лада поскакала за ним, боясь запутаться в путанице и тесноте улиц. Однако на окраине поселка обнаружила Селима. Его осел стоял под деревом и хрумкал зелеными листьями. Селим же, ругаясь, пытался сдвинуть его с места.

– Ничего, госпожа, – сказал он виновато, – дурь с него сойдет, и мы поедем.

К вечеру они добрались до продолговатого двухэтажного дома, стоящего недалеко от дороги.

– Что это? – спросила тревожно Лада.

Чем темнее становился воздух, тем чаще она вспоминала предостережение давшего мальчика.

– Это караван-сарай, госпожа, – ответил Селим.

– Почему же здесь так тихо и безлюдно? Не видно постояльцев.

– У заведения дурная слава, – пояснил Селим.

– Отчего же? Здесь кого-то убили? Ограбили? Почему ты привел меня сюда?

– Никого не убили и не ограбили. Просто владелец караван-сарай проиграл его в кости главарю разбойников. Хозяин, новый, решил заняться честным делом. Но репутация, увы, не та, поэтому купцы объезжают эту гостиницу стороной, опасаются. Вы не беспокойтесь. Он меня знает.

Им навстречу выбежал слуга. Взял коня за поводья, приветствуя гостей, и повел во двор. Вскоре появился хозяин гостиницы. Лада ожидала увидеть богатыря, а это оказался невысокий человек с тихим голосом. Но по тому, как все поднялись, уступая ему дорогу, Лада поняла, что этого человека, если и не боятся, то уважают изрядно. На его одежде были следы свежей крови. Лада понимала, что это была баранья кровь, но все равно ей было не по себе. После того, как Селим, почтительно поприветствовав его, сообщил, что у благородной госпожи есть к нему важное дело, Карим, так звали владельца, движением руки отпустил свое окружение. Селим говорил на тюркском, оказалось, что хозяин знает этот язык. Вообще тюркский язык знали все, включая крестоносцев.

– А я решил было, что вы хотите остановиться в моем караван-саарае. Целую неделю ни одного клиента, – посетовал Карим. – А я так рассчитывал на перемирие. – Карим вздохнул: – Одни убытки. Зачем только я купил это заведение?

– Я слышала, что вы выиграли его в кости.

Карим посмотрел на женщину, а затем перевел взгляд на Селима.

– К слову пришлось, – смущенно заметил тот.

– Благородная ханым-эфенди, если вам не нужна комната, то что же вам нужно, что привело вас ко мне?

Карим, улыбаясь, смотрел на гостью. От этой улыбки у Лады по спине пополз холодок. Но она взяла себя в руки и ответила:

– Моего брата схватили крестоносцы. Мне сказали, лишь вы можете помочь.

– Боюсь, ханым-эфенди, вас ввели в заблуждение. Я не эмир, не судья, зачем вы с этим пришли ко мне? Я мирный человек, владелец гостиницы. Верно, Селим? – Карим вновь посмотрел на старость и покачал головой.

– Госпожа щедро заплатит за это, – поспешил сказать Селим.

– А почему ты так сутишься? Она тебе кто?

– Она – гость нашего селения. Ты же знаешь, гость для нас, арабов, – святое. Кодекс чести. Она пожаловалась мне, и я привел ее к тебе, потому что ты главный в нашей местности.

– Отрадно это слышать, – заметил Карим, – но, к сожалению, я не могу помочь твоей гостью. Раньше за мной водились кое-какие дела. Кровь бурлила, молод был, а теперь я остынился. Я в ладах с законом.

– Жаль, – сказала Лада, – а Селим всю дорогу расписывал ваши достоинства, говорил о вашей доблести. Жаль, – повторила она, – столько времени потеряла.

– Кого еще можно нанять? – обратилась она к старосте.

– Так сразу и не сообразишь, – замялся Селим. – Я был уверен, простите.

Лада поднялась.

– Праздный вопрос, – сказал владелец караван-сарай, – сколько вы собирались заплатить за эту опасную...

– Сто золотых динаров.

– Как далеко они уехали? – спросил Карим.

– В полдень я еще видела пыль, которую они поднимали.

– По какой дороге?

– На Иерусалим. Здесь одна дорога?

– Думаю, что ночью они ехать не будут, – задумчиво сказал владелец гостиницы. – Значит, если мы сейчас выступим, то к утру как раз их настигнем.

Карим поднялся, подозвал слугу и отдал ему распоряжения.

Мальчик побежал выполнять приказ.

– Я бы хотел получить деньги вперед, – заявил Карим.

– Половину вперед, а половину – после завершения дела, – ответила Лада.

– Принимается, – согласился Карим. Лада отцепила от пояса кошелек и положила в ладонь разбойника. – Здесь только сорок пять, – пересчитав, заметил Карим.

– Объясни, – Лада оглянулась на старосту.

– Мое посредничество, – смущенно кашлянул Селим.

– Как? – удивился Карим. – Ты же говорил о святом долге гостеприимства, о кодексе чести арабов.

– Говорил и не отказываюсь от своих слов, но семью тоже надо кормить, – пристодушно ответил староста.

Лада встала.

– Мы теряем время, – нетерпеливо сказала она.

– Денежный вопрос – это важный вопрос, – сказал Карим, – проценты заплачу я. Добавьте недостающую сумму. Это мои с ним расчеты. – Лада посмотрела на Селима. Тот развел руками. Она добавила еще пять золотых. – Так-то лучше, – заметил Карим. – Мои люди будут кровь проливать за гораздо меньшую сумму. С него хватит и пяти процентов. Ты согласен?

– Вообще-то я рассчитывал на десять, – обиженно сказал староста.

– Я могу отказаться от этого дела, и ты вообще останешься ни с чем.

– Я согласен, – быстро сказал староста.

Появились люди Карима, они были увешаны оружием и смотрели на Ладу уже другими глазами. К любопытству примешивалось невольное уважение.

– Сколько человек в отряде крестоносцев? – спросил Карим. – Не запомнили?

– Отчего же, я их пересчитала. 20 человек.

– Приятно иметь с вами дело, – заметил Карим и скомандовал, – эй, вы двое,

останьтесь. Десяти человек будет достаточно.

Двое беспрекословно отошли в сторону. Не говоря ни слова, Лада взлетела в седло и, хлестнув свою лошадь, направила ее в открытые ворота.

— Клянусь Аллахом, она мне нравится все больше и больше, — сказал своим людям Карим. — За мной, ребята.

— А мои деньги? — возопил в отчаянии Селим.

Карим бросил через плечо один золотой динар.

— Остальные получишь, если я вернусь живым.

— Ну, при чем здесь это, — жалобно сказал староста, разгоняя перед собой ладонью пыль, поднятую копытами лошадей, — я же свою работу сделал.

Они скакали всю ночь и на рассвете в самом деле нагнали отряд. Местность была холмистая, и, поднявшись на вершину одного из них, они увидели угасающий дым костра, спящих крестоносцев, палатку командора.

— Чего ты медлишь? — спросила Лада. — Перережем их сонных и освободим моего брата.

— Простите, ханым-эфенди, — неожиданно сказал главарь разбойников, — я не могу напасть на спящих.

— Почему, вот еще новости, — удивилась Лада.

— У меня, видите ли, свои принципы, — пояснил Карим, — я не нападаю на спящих. Спящего человека даже змея не жалит. Что я за собака, чтобы нападать на спящих. Не беспокойтесь, считайте, что ваш брат уже свободен.

— Я буду так считать, когда вы освободите моего брата, — сказал Лада. — Можно ведь не убивать их, а только обезоружить.

— Это вряд ли, они не сдадутся. Потерпите, сейчас солнце встанет, и мы нападем. А пока у нас есть время, чтобы рассчитаться.

— Сначала освободите моего брата.

— Если мы погибнем, деньги нам уже не понадобятся, — резонно сказал Карим.

Лада, найдя его слова справедливыми, более ни слова не говоря, отсчитала пятьдесят золотых. Карим спрятал деньги и посмотрел на Ладу. Выражение его лица Ладе не понравилось.

— Что такое? — холодно спросила Лада.

— Добавить бы надо, — сказал Карим.

— Сколько? — холодно спросила Лада.

— Еще двадцать динаров.

— Я думала, что вы разбойник, а вы просто лавочник.

— Не оскорбляйте меня, ханым-эфенди, сейчас не лучшее время для этого.

— Они уже проснулись, встают, — воскликнула Лада, — нельзя медлить.

— Пока вы не заплатите, я с места не тронусь, — заявил Карим.

Неожиданно Лада выхватила саблю из ножен разбойника и помчалась вниз, к лагерю крестоносцев.

— Что за женщина! — восхищенно воскликнул Карим.

Пришпорив коня, он помчался за ней, отобрал саблю и с диким гиканьем, во главе отряда, атаковал госпитальеров.

Принципы Карима не позволили ему напасть на спящих, но у франков все равно не было времени изготовиться к бою. Карим опрокинул их с ходу. Началась сеча. С

обеих сторон были раненые и убитые. Но разбойники неудержимо брали верх. Лада, наблюдавшая бой со стороны, искала глазами Али, как произошло невероятное. Вдруг послышались звуки трубы, появились всадники с черными крестами на белых мантиях. Их было много, три-четыре десятка. Они окружили сражающихся. Через короткое время бой был закончен. Лада видела, как Карим с двумя разбойниками прорвал оцепление и спасся бегством. Он исчез среди холмов, преследуемый крестоносцами. А ее окружили несколько человек. Лада произнесла несколько слов из русского фольклора, которые автор не решается привести на страницах этой книги.

– Простите, мадам, – сказал крестоносец, – что вы сказали?

– Ничего, это я не вам.

Али, наблюдавший бой, тоже произнес несколько слов из русского фольклора, которым его научил Егорка, практически те же самые.

Он обо всем догадался, когда узнал во всаднице Ладу.

Лада не сделала попытки спастись бегством, сидела на коне, кусая губы от ярости. К ней подъехали, взяли коня под уздцы и проводили к командору. Увидев Али, Лада помахала ему рукой. Приступ ярости прошел, и ее жизнелюбивая натура взяла вверх над неудачей. Али не мог ответить ей тем же, поскольку руки у него были связаны. Но, в отличие от Лады, он испытывал чувство досады. Командор сказал:

– Кажется, сударыня, я уже имел честь лицезреть вас, или я ошибаюсь?

– Разве можно меня забыть? – без ложной скромности ответила Лада.

– И было это на постоялом дворе, где мы арестовали сирийского шпиона. Я надеюсь, что вы сможете меня убедить в том, что вы оказались здесь случайно и не имеете отношения к этому нападению.

– Это не так, – ответила Лада.

– Значит, это были ваши люди?

– Нет.

– Нет?

– Нет, я их просто наняла, чтобы освободить этого человека.

– Жаль, – сказал командор. – Мне очень жаль. Такая красивая дама. Вы сейчас приговорили себя к смерти.

– Вы меня прямо сейчас казните? – деловито спросила Лада.

– Нет, я доставлю вас в Иерусалим, к своему королю.

– Это правильно, судьбу королевы должен решать король.

– Вы королева?

– Я жена покойного правителя Азербайджана.

– Что же, мы окажем вам почести, возможные для плененного монарха. Однако странно, что вы путешествуете без двора.

– Мне пришлось покинуть свою страну, спасаясь от монголов. И этот человек помог мне. Вы позволите поговорить с ним?

– Сколько угодно. До Иерусалима путь неблизкий. У вас будет время наговориться. В пределах лагеря я дам вам свободу передвижения.

– Благодарю вас, – сказала Лада и направила коня в сторону Али.

Командор, провожая ее взглядом, спросил у своего окружения:

– Где рыцарь Раймонд? Он, кажется, пристал к нам вчера.

– Он ранен, сударь, – ответил один из госпитальеров, – ему делают перевязку.

– Тем не менее, когда ему окажут медицинскую помощь, арестуйте его и при-

ведите ко мне на допрос. Я должен в этом разобраться.

– Салам алейкум, – сказала Лада, подъехав к Али. – Как ты себя чувствуешь? С тобой нормально обращались?

– Алейкум ас-салам, – ответил Али, – все в порядке, спасибо. Я рад тебя видеть.

– Так ты недоволен, почему? Я сделала все, что было в моих силах. Если бы не эта неожиданная подмога, мои люди освободили бы тебя.

– Меня бы и так освободили.

– Кто? – ревниво спросила Лада.

– Твой рыцарь.

– Мой рыцарь? Он здесь?

– Да, он сказал, что освободит меня, как только представится возможность. Меня сторожат по ночам. Завтра он должен был заступить в караул. Ты несколько поторопилась.

– Вот так всегда! – расстроилась Лада. Она погладила Али по руке. – У тебя связаны руки. Тебе не больно? Я скажу им, чтобы тебя развязали.

– Не надо, физическая боль отвлекает меня от действительности.

– А вот это мне совсем не нравится, – заметила Лада, – но ничего, рано или поздно я верну тебе интерес к жизни. А где мой рыцарь? Я с ним вчера сурово обошлась. Он не так уж плох, как оказалось. Но тут будем. Медленно соображает. Если бы он мне вчера предложил этот план действий, не понадобилось бы привлекать разбойников. И ты был бы на свободе.

Справедливости ради следует сказать, что Раймонд не сразу решился освободить Али. Когда Лада уехала от него, он намеревался догнать госпитальеров и уверить командора в невиновности Али. Но затем счел за лучшее не рисковать, а просто освободить его. За нерадивую службу Раймонд получил бы взыскание, возможно, суровое. Но это было лучше прямого предательства. Осуществить свои намерения он не успел. На лагерь было совершено нападение. В бою Раймонд, к счастью, уцелел, получив ранение, и теперь с перевязанным плечом, бледный от потери крови, стоял перед командором.

Допрос Раймонда

Командор: «Скажите, сударь, каким образом вы оказались связаны с этими людьми?»

Раймонд: «Мы познакомились два дня назад. Когда вы арестовали этого господина, он попросил меня оказать содействие его спутнице».

Командор: «И вы согласились, зная, что ее спутник – наш враг?»

Раймонд. «Я рыцарь, я не могу отказать женщине, которая нуждается в помощи. К тому же у меня не было оснований считать его врагом».

Командор: «Вы догнали нас уже без нее. А на следующий день она напала на нас. Это похоже на заговор».

Раймонд: «Она предложила отбить своего спутника. Но я отказался, и она оставила меня».

Командор: «Хорошо, допустим. Но вы знали о том, что она собирается силой отбить своего спутника?»

Раймонд: «Это было лишь намерение. Я не думал, что она сумеет воплотить его в жизнь. Она слабая женщина».

Командор: «Вы ошиблись, она это осуществила, погибли наши люди. Вы обязаны были поставить меня в известность».

Раймонд: «Донос не красит рыцаря. Я предпочел участвовать в защите от ее предполагаемого нападения».

– Не знаю, чего в этом больше, благородства или предательства, – заметил командор, – во всяком случае, выглядит неубедительно. Если бы вы не доказали в бою свою правоту, у меня не было бы сомнений в вашем предательстве. Сейчас я в затруднении. Пусть вашу участь также решит король. Вы находитесь под арестом, не покидайте расположение лагеря. Впрочем, за вами будут присматривать. Идите.

Рыцарь кивнул и отошел в сторону. Он направился к Ладе, которая встретила его насмешливым взглядом и следующими словами:

– Вы еще осмеливаетесь подходить ко мне? Мало того, что вы отказались мне помочь. Но вы еще и сражались против меня. И кто вы после этого?

– Ваш верный слуга, – ответил рыцарь, – прошу простить меня, госпожа. Я не мог поступить иначе. Моя честь не позволила мне. Но я счастлив видеть вас живой и невредимой и по-прежнему готов отдать жизнь за вас.

– Ладно, я вас прощаю, – сказала Лада, – я не злопамятная. Что еще вы хотите мне сказать?

– Я люблю вас. Я написал песню и посвятил ее вам.

Лада не успела ничего ответить. К ним подъехал капеллан со словами:

– Сударь, командор запрещает вам разговаривать с пленниками.

Раймонд поклонился Ладе и отъехал в сторону.

– Ты слышал, что он сказал? – обратилась Лада к Али.

– Я не слушаю чужие разговоры, – ответил Али.

– Он сказал, что любит меня.

– Он мог бы этого и не говорить, и так видно, – заметил Али.

– Разве? А я и не замечала. Мне, конечно, все равно. Но приятно. Он написал песню обо мне.

– Любопытно.

– Так интересно. Обо мне еще никто не писал песен.

– Песни пишет, любит тебя, да и человек хороший. Чем не пара?

– Любить-то любит, – с неожиданной грустью сказала Лада, – да не тот, что надо. Как у нас в деревне говорили: «Человек-то мил, да мне другой мил».

– Кажется, у вас еще говорят: «Стерпится, слобится». Все впереди.

– Чего это я терпеть должна? Да и не ровня он мне.

– Как это?

– Я была женой правителя Азербайджана. Что же я теперь, за простого рыцаря пойду?

– Должен тебе напомнить, что после правителя Азербайджана ты еще была женой брачного афериста.

– От ошибок молодости никто не застрахован, – рассердилась Лада, – а тебе не стоит напоминать мне о том, о чем я давно забыла.

– Прости, – сказал Али, – вырвалось. Логика разговора. Просто возникло в твоих словах противоречие, и я из любви к ясности поспешил устраниТЬ его, не подумав, что тебе будет неприятно.

– А если это была отговорка? – спросила Лада.

– Тогда это меняет дело, – согласился Али. – Однако справедливости ради должен заметить, что он дворянин. Такой же дворянин, как и король, которого принято считать первым среди равных. Его выбирают из дворян.

– Ты хочешь сказать, что Раймонд может стать королем?

– Это вряд ли.

– Но ты же сам сказал, что выбирают.

– Выбирают, но один раз и надолго. А затем они передают власть своему потомству. И длится это довольно долго. Столетия.

– Но это же несправедливо! – воскликнула Лада. – Один раз выбирают самого достойного, а затем просто передают власть своим детям, а дети могут быть не такими достойными. Надо каждый раз выбирать.

– Совершенно верно, но, увы, сев на трон, они стараются уже не выпускать его из-под седалища. Более того, когда кто-либо более сильный, умный или хитрый забирает у них власть, его обвиняют в узурпаторстве.

– Жаль.

– Почему жаль, ты же все равно не хочешь Раймонда, какая разница?

– Ну, мало ли, как жизнь повернется, – уклончиво ответила Лада.

– Ты лучше расскажи, как тебе удалось организовать это нападение. Я восхищен. Это было впечатляюще.

Лада вздохнула:

– Чему тут восхищаться, если я потерпела неудачу. И во всем виноват этот рыцарь. Если бы он не отвел нас в караван-сарай, мы бы не попали в эту передрягу.

– На крестоносцев мы могли наткнуться в любом месте, – сказал Али. – Будем справедливы, он здесь ни при чем. И то, что он отказался участвовать в нападении на своих, характеризует его с лучшей стороны.

На следующий день они прибыли в Иерусалим. Здесь пленников разделили. Лада попросила разрешения привести себя в порядок после дальней дороги, и командор позволил ей это, ибо красота вызывает к себе особое отношение. Ее оставили в госпитале на некоторое время, отвели комнату. Али под стражей отправили в другой дом, принадлежащий ордену иоаннитов.

Иерусалим

Егорка с тревогой думал о том, что стало с Ладой, Али и Йасмин. На базаре угольщиков он доподлинно выяснил, что и Нахчыван, и Байлакан, а также Гянджа, Шамхор, Товуз, Гардман и другие города Азербайджана разорены монголами. В Ширване монголов еще не было, но в Баку с тревогой ожидали их появления. Егорка понял, что встреча с монахом была предопределена, и ему следует сопровождать его в Иерусалим. Он сказал об этом монаху и обрадовал его, потому что о лучшем товарище тот и мечтать не мог.

– Тебе зачтется, вот увидишь, – клятвенно пообещал монах, запихивая угощение за обе щеки. Егорка поставил Фоме одно-единственное условие: что его миссионерская деятельность не будет распространяться на него. Монах пообещал и всю дорогу держал слово, но в Иерусалиме, увидев храм Гроба Господня, не выдержал и стал рассказывать о разногласиях в лоне христианской церкви. После Баку они без приключений добрались до Персии и далее, присоединяясь то к одному, то к друг-

гому торговому каравану, прибыли в Палестину. Фома не пил всю дорогу, но, увидев храм, до того расчувствовался, что за обедом потребовал вина, заявив, что факт благополучного прибытия следует отметить.

– Ну, у нас есть некоторые разногласия, – добродушно сказал Фома.

– Например?

– Например, они носятся с непорочным зачатием девы Марии. А мы этот догмат не признаем. Тебе, нехристю, этого все равно не понять.

– Так это единственное противоречие между вами?

– Нет, не единственное. Еще мы не признаем догмат о чистилище. Да, еще мы не признаем догмат о непогрешимости римского папы.

– Батю-то почто обидели? – поинтересовался Егор.

– Никто не обижал, просто он никак не отреагировал, когда крестоносцы захватили Константинополь, и наш патриарх был вынужден бежать оттуда.

– Я так понимаю, что с этого все и началось, – сказал Егор. – Патриарх оскорбился и ... – Егор замолчал.

– Что – и? – не дождавшись продолжения, монах оторвался от трапезы и посмотрел на товарища.

Тот со странным выражением на лице провожал взглядом конный отряд.

– И произошел раскол, – закончил Егор.

Он бросил монету и поднялся.

– Я бы сказал, что этим все и закончилось. Куда, ведь я еще не доел? – воскликнул Фома.

Но Егор, не обращая на него внимания, быстро пошел, так широко шагая, что Фома вынужден был бежать за ним мелкой трусцой, поддерживая рясу, задыхаясь и жалуясь:

– Ну что ты делаешь, куда ты несешься, я же только что поел. Нельзя же давать такую встряску организму после обеда. Да стой ты, нехристь, черт нерусский.

Отряд, который преследовал Егора, остановился у ворот какого-то дома. Ворота открылись, и вся кавалькада въехала во двор.

– Что в этом доме находится? – спросил Егор у запыхавшегося монаха.

– Больница, наверное, – тяжело дыша, сказал Фома. – Не видишь разве, болеющий с крестом в изголовье и светильником в ногах над воротами. Что ты сюда прибежал, оглашенный?

– Как чего, может, я полечиться хочу. Здесь же, наверное, всех лечат. А почему это ты меня нерусским обозвал? А?

– Да потому, что ты некрещеный.

– Значит, по-твоему, если человек живет на Руси, но при этом не христианин – значит, он не русский?

– Конечно.

Егор сложил кулак в огромный кукиш и сунул его миссионеру под нос.

– А это видел? Вы можете новую веру хоть каждый год принимать – это ваше личное дело, но название народа не присваивайте. Понял? Хоть в бесов человек верит. Но если живет на Руси, значит, он наш, русский. Понял?

Монах уворачивался от кукиша, но тот везде его настигал.

– И вообще, – разжал, наконец, руку, сказал Егор, – что ты за мной побежал? Ты уже в Иерусалиме. Мы стоим перед храмом, который тебе был нужен. Иди, выполняя свою миссию, ищи настоятеля, проси придел для православной церкви.

– Я же выпил, – виновато сказал Фома, – не могу же я идти в храм в таком состоянии. Неудобно.

– А бегать за мной и обзывать меня нерусским тебе удобно?

– Ладно, извини, просто так хорошо сидели, выпивали, закусывали, и вдруг бросай все и беги, очертя голову. Весь обед насмарку. Вон меня уже подташнивает.

– Ничего, авось, не вытошнит, – бросил Егор.

Он отошел к противоположному дому и сел возле него на корточки, на манер уличной шпаны. Монах, недолго думая, последовал его примеру.

– Чего мы ждем? – наконец, не выдержав долгого молчания, спросил Фома.

В этот момент ворота госпиталя открылись и появились четверо крестоносцев: двое спереди, двое – сзади. Они конвоировали человека, который со связанными руками шел в центре. Дождавшись, пока они пройдут, Егорка поднялся и пошел за ними. Фома тяжело вздохнул, встал и поплелся следом. Ему было как-то нехорошо. Он никак не мог понять, почему: вследствие ли вина, или обильной пищи, или непривычной пробежки? Ему хотелось прилечь где-нибудь в тенистом месте и вздремнуть немного. Подумав об этом, он почувствовал, как наваливается на него сонливость, но события развернулись таким образом, что он вмиг забыл о недомогании и дремотных мыслях.

Али, конвоируемый четырьмя капелланами, шел по узким улочкам Иерусалима, с любопытством поглядывая по сторонам. Священный город христиан был почитаем и мусульманами. Здесь брала начало религия Христа, признаваемого Пророком в исламе. Здесь находилась мечеть, построенная по приказу третьего праведного халифа Омара. Когда Омар после двухлетней осады взял Иерусалим, патриарх Софроний пригласил халифа и его свиту в храм Гроба Господня и показал самые сокровенные христианские святыни – камень помазания и Голгофу. В честь халифа отслужили молебен. Софроний и халифу предложил помолиться, но тот отказался. Выйдя из храма, он поднял камень под ногами и бросил его вверх. Там, где он упал, возвели деревянную мечеть. После этого патриарх передал ключи от храма халифу. Омар разрешил и даже настоял на том, чтобы все бежавшие христиане вернулись на свои земли.

Война за обладание этим городом шла вторую сотню лет. Иерусалим несколько раз переходил из рук в руки, и каждый раз улицы заливались кровью, осажденные мусульмане и христиане поочередно вырезали друг друга. Когда в 1099 г. крестоносцы взяли священный город, они захватили все мусульманские и христианские святыни. Сразу же после кровавой бойни, во время которой они изрубили 35 тысяч мусульман, православных и иудеев, рыцари-католики вошли в храм и как ни в чем не бывало стали молиться.

– А где находится храм Христа? – спросил Али у крестоносцев.

– На что тебе храм Христа?

– Интересно, мы почитаем его, как Пророка.

– Иди, иди, – буркнул один из конвоиров, – пока я тебя пикой по башке не согрел. Умник еще нашелся. Интересно ему. Он Бог, а не Пророк. – Али хотел было возразить, что одно другого не исключает, но не успел.

В ближайшем переулке Егорка, ускорив шаг, поравнялся с замыкавшими процессию крестоносцами, раскинув руки, ухватил капелланов за загривки и, сдвинув, столкнул их головами с такой силой, что шлемы их издали подобие набатного звона.

Оба повалились наземь. Идущие впереди успели оглянуться, но не успели изгото- виться. Некий русобородый человек налетел, размахивая кулаками, и вывел из строя еще одного крестоносца. Четвертый успел обнажить свой меч. Он сделал несколько выпадов, от которых Егор успешно увернулся и поднял трофеиное копье. Отбил следующий выпад, затем еще один. Следующим взмахом крестоносец снес наконечник у копья. В руках у Егорки осталось древко, и далее он больше уворачивался, чем отбивал удары меча. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы Фома, наблюдавший с ужасом за происходящим, не перекрестился, произнеся: «Прости меня, Господи, ибо не ведаю, что творю». Он нанес удар кулаком сбоку в голову ретивого крестоносца, свалив его замертво. После этого Егорка, схватив арестанта за локоть, с криком: «Бежим», побежал, увлекая его за собой.

– Нет, вы это видели, – возмущенно обратился Фома к редким зрителям, прижавшимся к стене, – они – «бежим», а я?

После этого он рванул за ними с прытью, какую трудно было ожидать от его тучного тела. Фома догнал их не сразу, но из виду не потерял и бежал уже не так быстро, опасаясь-таки лишиться съеденного ужина. В следующем переулке он, к ужасу своему, обнаружил за собой погоню. Тогда уже припустил со всех ног. Обогнал Егорку и второго, который безропотно бежал, подчиняясь воле ведущего. Следующий переулок вывел на базарную площадь, где было так много народа, что преследователи потеряли их из виду. Но вскоре выяснилось, что госпитальеры обладают отличной военной организацией. В короткое время базарная площадь была оцеплена. Поняв это, все трое вбежали в приоткрывшуюся дверь одного из домов, фасад которого выходил на площадь. Стариk, который открыл дверь, едва успел отскочить, иначе его сбили бы с ног. Хозяин дома обругал их на незнакомом языке. Ни Фома, ни Егорка не поняли ни одного слова, но, судя по интонации, он требовал покинуть двор. Старику ответил человек, которого Егорка отбил у крестоносцев. Он обратился к владельцу дома на таком же гортанном языке. Из всех слов Фома разобрал только слово «Аллах». Но после этого человек сразу замолчал. Выражение его лица изменилось, и он бросился запирать дверь.

– Это Али, – сказал Егорка, обращаясь к Фоме, – мой брат. Али, это Фома, он монах, христианин.

– Рад познакомиться, – сказал Али.

– Я тоже, – ответил Фома. – Егор много рассказывал о вас. На каком языке вы сейчас говорили с этим человеком?

– На арабском.

– Вы знаете арабский?

– Я – хафиз, знаток Корана.

Фома почтительно кивнул и еще раз пожал собеседнику руку.

– Ты мог бы предупредить меня, что собираешься освободить своего брата, – с упреком сказал он Егорке.

– Извини, так получилось.

Разговор был прерван сильным стуком в дверь. Стариk, который с озабоченным видом наблюдал за ними, отозвался.

– Откройте, – послышалось за воротами.

– Что вам надо? – спросил стариk.

– Проверить, не прячутся ли у вас преступники.

Стариk открыл дверь, но войти находящимся перед ним крестоносцам не поз-

волил. Он стоял в проеме и оттолкнуть его никто не решился.

– Здесь нет никаких преступников, – сказал он.

– Позволь нам войти и обыскать дом.

– Этот дом и двор неприкосновенны, – сказал старик. – Я надеюсь, вам известно об этом.

– Известно, известно, – пробурчал крестоносец. – Так нет никого?

– Нет, – бросил старик и закрыл дверь. Беглецы, которые стояли справа от него, вжалвшись в стену, с изумлением смотрели на происходящее. Хозяин дома обладал непонятной властью, если позволил себе так разговаривать с вооруженными людьми. Старик жестом велел следовать за собой. Он отвел их в пристройку дома, где хранились какие-то припасы в корзинах, мешках и кувшинах и указал им на скамью.

– Ну? – сурово спросил он. – И что вы натворили?

– Я совершаю паломничество, – сказал Али, – хадж.

– В Иерусалим? Разве ты христианин? – нахмурился старик.

– Нет, нет, – поспешил успокоить его Али, – я мусульманин и совершаю хадж, как полагается, в Мекку и Медину. Но по дороге меня схватили госпитальеры, заподозрили во мне сирийского шпиона и привезли сюда.

– Чего это вдруг, разве у тебя на лбу написано, что ты шпион?

– При мне было письмо малику Ашрафу.

– Ты водишься с султаном Ашрафом?

– Собирался, во всяком случае.

– А эти кто? Они не похожи на мусульман. Они говорят по-арабски?

– Вряд ли. Этот богатырь – мой побратим. Он вдруг появился, как с неба, и освободил меня из плена. А второго я пока не знаю.

– Я тоже паломник, – отозвался Фома, которому Егорка перевел вопрос, – христианский.

Старик кивнул и, перейдя на тюркский, задал новый вопрос:

– С каких пор христиане и мусульмане совершают паломничество вместе?

– Нет, нет, – сказал Али, – вы неправильно поняли. Мы совершали паломничество порознь, а час назад встретились. Хотя мысль, которая сейчас прозвучала, довольно любопытна. Я думаю, что это возможно в будущем.

В ответ старик недоверчиво хмыкнул.

– Оставайтесь здесь, – сказал он, – я подумаю, что с вами делать.

– Позвольте задать вам вопрос, – обратился к нему Али.

– Видать, ты человек непростой, – ответил старик. – Задавай свой вопрос.

– Почему ваш дом имеет статус неприкосновенности?

– Оттого, что ключ от ворот храма Христа хранится в нашей семье со времен халифа Омара праведного. Еще вопросы есть?

– Как ваше имя?

– Меня зовут Расул.

Старик ушел, и Егорка обнял Али. Монах смотрел на них с любопытством и некоторой ревностью. Егорка при этом проявлял больше восторженных чувств, в отличие от Али, который был рад встрече, но при этом оставался спокоен.

– Какой невероятный случай! – сказал Егор. – Представь себе, что я ехал к тебе и к Ладе. Но по дороге узнал, что монголы разрушили и разграбили Азербайджан. В пути я встретился с монахом и отправился с ним в Иерусалим. Это удивительно. Наша

встреча была предопределена. Как ты здесь оказался, где Йасмин?

– Йасмин умерла, – коротко ответил Али.

Егор осекся. Радостное выражение сползло с его лица, и он вдруг заплакал. Так странно было видеть этого богатыря, который совсем по-детски вытирал слезы. Али почувствовал резь в глазах.

– При родах, – добавил он, отвернувшись.

– Да упокоит Перун ее душу, – наконец сказал Егорка.

– Да упокоит Аллах твоих умерших родственников, – ответил Али.

– Царствие ей небесное, – произнес монах, – это ничего, не отчайвайся, брат мой. Кого Бог любит, того он забирает молодым. Твоей жене сейчас хорошо. Она теперь в раю со своим младенцем.

– Спасибо.

– Это ничего, что мы разной веры, – заявил Фома, – ибо Бог один.

– Конечно, – согласился Али.

– Смотри, как заговорил, – буркнул Егор, – а всю дорогу он мне пел об истинности веры православной.

Услыхав о православной вере, монах вдруг загрустил. Но друзья, занятые разговором, на него не обращали внимания.

– Ты ничего не знаешь о моей сестре? – спросил Егор.

– Знаю ли я что-нибудь о твоей сестре? – повторил Али. – Ты лучше спроси, чего я не знаю о твоей сестре. А я не знаю, что с ней происходит в течение того часа, что мы находимся в бегах.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Егор. – Только не говори, что она здесь.

– Она осталась в госпитале, нас решили доставить к королю по отдельности.

Али рассказал ему все, что произошло с ними, начиная с того времени, когда они выехали из Дамаска, и до того момента, когда отряд Карима потерпел неудачу и ретировался, оставив Ладу одну на холме.

Появился стариk, хозяин дома. Хмуро оглядел всех троих и сказал:

– Всех троих укрыть в доме будет довольно сложно. Поэтому одного из вас я сейчас отведу в храм и запру там на ночь. Кто из вас пойдет?

– Вот он, – сказал Егорка, указывая на Фому.

– Это правильно, – одобрил Расул, – этот мусульманин, а ты слишком велик, вы бросаетесь в глаза. А он в самый раз, незаметен.

– Дело в том, – пояснил Егор, – что ни моя, ни его вера не одобрят посещения христианского храма. А Фома только мечтает об этом.

– Не думаю, что я так уж незаметен, – обиделся Фома, – но попасть в храм Христа действительно моя мечта.

– Выйду, погляжу. – сказал Расул. – Кто знает этих франков, может, за домом следят, сидите смирно.

Стариk ушел и вернулся нескоро.

– Походил, поспрашивал, – счел нужным пояснить он, – говорят, привезли сирийского шпиона, а его отбили, слежки, кажется, нет, пошли.

Фома встал. Попрощался с Али, а Егорке сказал:

– Спасибо тебе, земляк, за помощь. Без тебя мне было бы нелегко сюда добраться. Я думаю, что Христос воздаст тебе за то, что ты помог рабу божьему, пренебрегши делами своими. А я буду ждать, когда ты дозреешь, и я с радостью приму

тебя в лоно истинной церкви. Не знаю, свидимся ли, я иду в храм, а значит, моя цель достигнута.

– Я рад за тебя, – ответил Егор.

– Счастливый человек, – сказал ему вслед Али. – Как мало ему нужно.

– Он монах, – заметил Егор, – если долго умерщвлять свою плоть, то и от души мало что остается.

– Они считают иначе, – возразил Али.

Егорка пожал плечами. Расул крикнул кого-то из дома, вышел мальчик лет десяти и запер за ним дверь.

Храм Гроба Господня

Лязгнул замок, и Фома остался один. Чувство благоговения, с которым он вступил в храм Воскресения Христова, вскоре исчезло. И ему, хотя он стыдился себе в этом признаться, стало как-то не по себе. Он походил немного по храму, не отходя, впрочем, далеко от горящих свечей. Каждый шаг его отдавался где-то в недрах помещения слабым эхом. В голову лезло все, что угодно, только не мысли о Боге. В мыслях он почему-то все время обращался к Егорке, при этом испытывая какое-то смешанное чувство обиды и ревности. Уж больно равнодушно он с ним простился, переключив свое внимание на старого друга. Фома полагал, что длительное совместное путешествие должно было завершиться более чувствительным расставанием.

– А что с нехристя возьмешь, – тяжело вздохнув, глубокомысленно заключил монах.

Он поднялся на Голгофу и, присев на корточки, потрогал скалу. Здесь, на этом месте, был распят, а затем воскрес сын Божий Иисус Христос. Ему вдруг в голову пришла дерзновенная мысль – лечь спать прямо здесь, на этой скале. Недолго поколебавшись, он сходил за постелью, лег и долго ворочался на комковатом тюфяке, пока, наконец, сон не сморил его. Впрочем, длилось это недолго, то есть он заснул и тут же проснулся, словно кто-то взял его за руку. Он дернул рукой, помня, что в храме никого нет, и, вероятно, это крыса задела его хвостом. Фома с трудом разлепил глаза и увидел над собой человека, который бил его по ногам и ругался:

– Что вам здесь, мирром намазано? Человек здесь страдал и умер, а они ровно пчелы на мед. И ходят, и ходят. Только отвернешься, глянь, а он уже с Голгофой обнимается. Ну, что ты будешь делать. Житья нет от этих паломников. Пошел отсюда.

В этот момент снизу донесся голос, в котором Фома узнал Расула:

– Это я его привел, не ругайся. Не успел тебя предупредить. Забыл совсем про него.

– А-а, – остывая от гнева, другим, более миролюбивым тоном, сказал человек.

– Ну, ладно, извини за брань. Все равно вставай.

За пинки настоятель почему-то извиняться не стал. Он пошел вниз, спрашивая:

– И зачем же ты его сюда привел?

– У него к тебе дело, Аристарх. Поговори с ним, а я сейчас вернусь.

– Ладно, – буркнул Аристарх, – спускайся.

Фома последовал за ним. Голова трещала от похмелья, да жажда мучила.

– Ну, что головой крутишь? – спросил настоятель. – Ищешь кого?

– Да нет, так просто, голова шибко болит. Попить бы мне водицы.

Настоятель дал ему воды, подождал, пока он утолит жажду, и спросил:

– Как звать-то тебя?

– Фома.

– Расул сказал, дело у тебя ко мне. Излагай.

– Я пришел со Святой Руси, – начал Фома.

Настоятель усмехнулся:

– Какого, однако, вы мнения о себе. Ну-ну.

Фома изложил свою просьбу.

– Ага, и вы туда ж, – заметил настоятель. – Армяне здесь воду мутили, теперь ваша очередь настала. В любом случае, это не ко мне, а к патриарху.

– А что значит, армяне воду мутили?

– Ну, ты что, армян не знаешь?

– Нет, – простодушно ответил Фома.

– Значит, в блаженном неведении находишься. Когда здесь турки всем заправляли, армяне вздумали вытеснить нас, греков, от Гроба Господня, собрали большую сумму денег и подкупили Иерусалимское начальство, уверяя турок, что святой огонь нисходит не ради греков, а ради всех христиан, и они, армяне, тоже могут его получать. Турки послушались армян и удалили греков. Армяне весьма возрадовались, что их воля исполнилась, стали писать по всему миру своим единоверцам, чтобы все шли на поклонение, и собралось здесь столько армян, что все остальные света белого не взвидели. Наступила великая суббота, армяне собирались в храме, а бедных греков турки выгнали вон. Скорбели и горевали греки, одно им было утешение: Гроб Господень, и от того их отлучили, и святые врата для них затворили. Армяне в церкви, а православные – на улице. Армяне торжествуют, а православные плачут. Стоят на площади против святых врат со свечами вместе с патриархом, надеясь хоть от армян из окна получить благодатный огонь. Подошло время, когда нисходит благодать, а ее нет, армяне испугались, начали плакать и просить Бога, чтобы послал им благодать. Но Господь не услышал их. Проходит полчаса, а святого света все нет. Вдруг раздался удар грома, ударила молния, и мраморная колонна напротив патриарха треснула, а из трещины вышел огонь. Патриарх зажег от этого пламени, и от него все православные зажгли свечи. Все возрадовались, и православные арабы от радости стали причитать и кричать: «Ты еси един Бог наш Иисус Христос, наша истинная вера православных христиан».

Подняли по всему Иерусалиму шум и крик. Воины турецкие, кругом стоявшие на страже, чтобы не было бунта, видели это чудо. Один из них, по имени Омар, тотчас же уверовал в Христа. Он стоял у Авраамова монастыря и прыгнул к христианам с высоты, и на твердом мраморе, куда он ступил, словно на воске, остались отпечатки его ног.

– Можно взглянуть на них? – спросил Фома.

– Можно, потом покажу. Омару этому турки за отступничество голову отsekli. Армяне ничего не получили и остались со стыдом. Турки хотели их изрубить, но, убоявшись гнева султана, лишь наказали их тяжко. Вот так вот.

– Но мы же не армяне, – возразил Фома. – Мы же свои, православные.

– Здесь, друг мой, сейчас католики всем заправляют. Они нас не очень жалуют.

– Не враги же мы, в конце концов. Что же мне делать, домой возвращаться?

– В этом я тебе помочь не могу. Обратись к патриарху.

– Нешто он меня примет? Сам говоришь, что не жалуют православных.

– Совет могу дать. Оставайся у меня служить при храме. Мне как раз помощник нужен. А раз ты православный, то я тебя с охотой возьму. Патриарх сам сюда придет, на службу церковную, вот ты и обратишься к нему.

– А если откажет? Тогда чего?

– Да ты и впрямь Фома, верить надо в свое дело. Ну, а если откажет, все равно оставайся, будешь ждать.

– Чего ждать? Хоть и грешно это говорить, но надо жить с открытыми глазами.

– Когда мусульмане опять верх возьмут, только между нами. Их и попросишь. А они не откажут.

– Я согласен, – сказал Фома.

– Вот и хорошо. В таком случае и приступай к службе. Бери веник, вымети пол, как следует, сейчас народ пойдет уже.

Фома кивнул и безропотно принялся за работу.

Госпитальеры

Основателем иерусалимского ордена святого Иоанна, как это ни странно, был богатый арабский купец из Амальфи, который получил у египетского халифа разрешение построить в Иерусалиме для паломников пристанище, где пилигримы могли бы найти убежище и медицинскую помощь, и при нем капеллу в честь святой девы Марии. Для совершения служб сюда прибыли бенедиктинские монахи, получившие название иоаннитов или госпитальной братии святого Иоанна. После взятия Иерусалима Готфридом Бульонским госпитальная братия была отделена от церкви святой девы Марии. Папа Пасхалий II в 1113 году утвердил устав нового учреждения.

Герэн де Монтегю был четырнадцатым по счету магистром иоаннитов. Ему доложили о том, что один из рыцарей, командор отряда, вернувшийся из патрулирования районов, сопредельных с Сирией, просит принять его.

Магистр взглянул на помощника:

– Милейший, разве вы не видите, что я занят?

Помощник взглянул на доску. Глава госпитальеров играл сам с собой.

– Он утверждает, что дело неотложное и чрезвычайной важности.

– А я, по-вашему, пустяками занимаюсь?

Магистр говорил с самым серьезным видом, но помощник, хорошо знавший своего начальника, понял, что тот шутит. Он был в хорошем расположении духа. Секретарь оценил положение фигур и сказал:

– Если пожертвовать пешку, то вы возьмете коня.

– Чем я возьму коня?

– Ладьей.

– Ладьей, так, посмотрим. Но теперь он объявляет мне шах. Видите?

– Да, сир.

– Вы это нарочно.

– Нет, сир, я этого не предвидел.

– А что же вы лезете со своими советами?

– Прошу прощения, сир.

– Ладно, партию вы мне все равно испортили, зовите.

В зал вошел командор. Выслушав приветствие, магистр спросил:

– Как ваше имя?

- Огюст, сеньор магистр.
– Итак, командор Огюст...
– Сеньор магистр, вчера вечером мы вернулись после патрулирования.
– Да. И как прошло патрулирование?
– Удачно, сир. Мы перехватили курьера с письмом Малику Ашрафу.
– Кто это Малик Ашраф? – спросил магистр, косясь на шахматную доску.
– Султан, правитель Дамаска.
– Вот как, – встрепенулся магистр. – И что в письме?
– Я не знаю, сир, я решил передать его королю. Но прежде, согласно субординации, обязан вас поставить в известность.
– Это правильно, – заметил магистр. – Письмо у вас с собой?
– Да, сеньор магистр.
– Дайте его мне.
- Командор протянул письмо магистру, который, не раздумывая, вскрыл его и стал разглядывать, поднося к пламени свечи. В помещении было довольно сумрачно, несмотря на утро. Затем он взялся за рукоять колокольчика и позвонил. В комнату вошел секретарь.
- Рене, вы ведь читаете по-турецки? – полууверенно сказал магистр.
– Да, сир.
– Здесь мало света, я плохо вижу при таком освещении. Прошу.

Секретарь взял письмо и, хмурясь и морща брови, стал изучать бумагу.

– Автор, – сказал Рене, – ходатайствует об освобождении какого-то Насави.
– Значит, он был прав, – не удержался Огюст.
– Кто был прав? – спросил магистр.
– Человек, у которого было обнаружено письмо. Он все время твердил, что это письмо частного характера.

– Где это произошло? – спросил магистр.
Огюст произнес название местности.

– Это три дня пути отсюда, – заметил магистр, – вы могли бы познакомиться с содержанием этого послания и не везти этого человека сюда. Отпустите его, и дело с концом. Хорошо, что вы к королю не пошли.

– Дело в том, сеньор магистр, что ситуация неожиданно осложнилась. Вчера вечером его отбили сообщники. Во время конвоирования.

– Что значит – отбили? – магистр вопросительно посмотрел на секретаря. – Сударь, вы же сказали, что письмо частного характера.

– Это следует из письма, – ответил Рене.

– Хм, ничего не понимаю. Кто же в таком случае отбил его? Расскажите все.

Огюст стал излагать все по порядку, начиная с того момента, когда на постоялом дворе был арестован Али. Когда он в своем повествовании дошел до Лады, магистр прервал его.

– Выходит, что его уже пытались отбить, значит, все не так просто.

– Видите ли, сир, в том случае как раз все логично и объяснимо. Это молодая женщина, уж не знаю, кем он ей приходится. Довольно экстравагантная особа, пыталась вызволить его из плена...

– Она хороша собой?

– Более чем, сир, она красавица.

– Вот как? Хотел бы я быть на месте мужчины, ради которого красавица рис-

кует жизнью, – в голосе отягощенного годами магистра послышалась неожиданная зависть.

Командор бросил взгляд на секретаря, тот был невозмутим.

– И что же? – спросил магистр. – Где она?

– Я задержал ее, она сейчас находится под арестом, в госпитале.

– Она больна? – поинтересовался магистр.

– Отнюдь, совершенно здорова.

– Так почему вы не привели ее ко мне?

– Боялся, что ее тоже отобьют, – подсказал Рене.

Но командор не принял подсказку.

– Позвольте, я выскажусь до конца, – произнес он.

Магистр сделал поощрительный жест.

– Вся эта история становится все более странной и загадочной. Я задержал курьера с письмом к нашему врагу. По дороге его вдруг пытаются отбить. И кто же – молодая, красивая женщина. Она утверждает, что наняла людей для этого. Но я в это не верю. Возникает вопрос: что это за курьер, который имеет такую ценность? Кроме того, в деле, оказывается, замешан некий рыцарь по имени Раймонд. Далее, в самом Иерусалиме курьера отбивают у конвоя, и он бесследно исчезает. Мы перевернули вверх дном весь город, но его нигде нет. Возможно, это заговор, и мы имеем дело с разветвленной организацией.

– Гм, и против кого, по вашему мнению, направлен этот заговор? У нас перемирие с мусульманами. Где логика?

– Этого я не знаю. Следует выяснить.

– Я думаю, сир, что в словах командора есть логика, – осторожно заметил Рене, противореча магистру.

Тот недовольно взглянул на секретаря и понял, что тот дерзит неспроста.

– Хорошо, Огюст. Доставьте сюда вашу пленницу и рыцаря. Мы побеседуем с ними. А сами отдыхайте. Вы проявили себя лучшим образом. – Командор поклонился. Когда он ушел, магистр сказал: – Ну, милейший. Выкладывайте, что у вас на уме?

– Сир, независимо от того, что кроется за этой историей, мы можем использовать ее против Фридриха. Письмо может служить доказательством сношений Фридриха и Малика Ашрафа.

– Но этого не следует из содержания.

– Мы его изменим.

– У вас на все готов ответ, – заметил магистр, не то одобряя, не то осуждая. – Но дело в том, что всем известно о дружбе короля с мусульманами, ни для кого не секрет, что они переписываются. Фридрих участвовал в сражении против хорезмшаха на стороне Малика Ашрафа.

– В таком случае, – не унимался секретарь, – можно обвинить в измене его наместника, графа Эда Монбельярского.

Лада в это время сидела взаперти в одной из комнат Дома иоаннитов, изнывая от неведения и бездействия. Поэтому когда отворилась дверь и ей приказали следовать за конвоирами, она с удовольствием подчинилась.

– Сударыня, следуйте за нами, – сказали ей, – и не пытайтесь бежать.

– Хорошо, – пообещала Лада, – тем более, что бежать мне некуда.

Процессия вышла со двора и двинулась по узким улочкам Иерусалима, сопро-

вождаемая любопытными взглядами прохожих. Причина столь усиленного конвоя была в том, что незадолго до этого из-под стражи бежал рыцарь Раймонд. Раймонда отвели в караульное помещение и оставили там под присмотром находящихся там иоаннитов. Рыцарь тут же заснул, а когда спустя несколько часов проснулся, в караулке к тому времени сменилось несколько нарядов, и на него уже никто не обращал внимания. Проснувшись, рыцарь обратился к госпитальерам со словами:

– Мне нужно выйти во двор, по надобности.

– Конечно, сеньор, – почтительно ответили ему, – зачем же вы спрашиваете?

Кругом были люди простого звания. Поблагодарив, Раймонд вышел.

– Какой вежливый рыцарь, – заметил один из госпитальеров, – что, интересно, привело его сюда?

– Известно, что, – отозвался другой, – напился, видать, до чертиков, забрел сюда, да и заснул.

На этом обмен мнениями закончился. Рыцарь же, оказавшись во дворе, понял, что свободу его никто не ограничивает, и он просто ушел, решив, что на свободе принесет больше пользы даме своего сердца.

Поскольку Раймонд был странствующим рыцарем и не был ничьим вассалом, то он отправился прямиком в резиденцию наместника. У входа в здание стояли двое часовых, которые преградили ему путь. После нескольких минут объяснений к нему вышел офицер и, узнав, в чем дело, заметил:

– Ваше лицо кажется мне знакомым.

– Меня зовут Раймонд, – ответил рыцарь, – я был в отряде графа Н.

– Жаль графа, – сказал офицер, – сейчас я доложу о вас.

– Благодарю вас, – ответил Раймонд.

Когда магистру доложили о том, что командор Огюст вновь находится в приемной, он приказал привести его.

– Вы привели своих пленников? – спросил он у командора и, не дожидаясь ответа, сказал: – Пусть сначала войдет женщина, я допрошу ее, а уж затем – рыцарь.

– Сир, – замялся командор, – я привел только женщину. Рыцарь исчез.

– Что же это такое, – удивился магистр, – у вас пленники разбегаются, как тараканы! Он что, бежал из-под стражи?

– Его особенно не сторожили. Никому и в голову не могло прийти, что он сбежит. Он крестоносец, не к маврам же ему бежать. Дело становится все загадочней.

– Ничего, мы его постараемся разгадать. Давайте сюда вашу пленницу, пока она тоже не сбежала.

Красота Лады произвела на магистра такое впечатление, что он даже поднялся и подошел к ней.

– На каком языке вы с ней объясняетесь? – спросил он у Огюста.

– Она знает тюркский и французский.

– Вот как? – удивился магистр и, перейдя на тюркский, спросил: – Сударыня, кто вы такая?

– Я королева в изгнании, – не промедлив ни минуты, дала ответ Лада.

– Королева чего? – спросил развеселившийся магистр. – Может быть, шахматной доски? – и он указал на этот предмет, где как раз в безвыходной ситуации томился белый ферзь.

– Если мою страну рассматривать в качестве шахматной доски, то вы правы.

– Достойный ответ, – заметил магистр. – В таком случае, ваше величество, прошу вас сесть в это кресло, негоже королеве стоять.

Лада опустилась в указанное кресло и взглянула на магистра:

– А вы?

– Да, спасибо. Мы могли бы и постоять. В присутствии царственной особы сидеть нельзя. Рене, принесите королеве... вы желаете чего-нибудь выпить?

– Я бы выпила воды.

– Рене, принесите воды.

– Итак, страна? – спросил магистр.

– Азербайджан.

– Азербайджан. Что вынудило вас оставить вашу страну?

– Неисчислимые бедствия, обрушившиеся на мою страну. Проклятые татары разрушили этот цветущий край. Мой муж умер от горя, а я принуждена была бежать.

– Могли бы вы назвать свое имя?

– Меня зовут Лада.

– Как звали вашего мужа?

– Атабек Узбек.

– Можете вы чем-либо подтвердить ваши слова? – спросил Магистр. – Какие-нибудь доказательства.

– Вот я сижу перед вами, – сказала Лада, – какие еще нужны доказательства?

– Насколько мне известно, Атабек Узбек был женат на сельджукской принцессе и ее звали Малика-Хатун. Чем можно объяснить это недоразумение?

– Временем, – нимало не смущившись, ответила Лада.

– Ваши доводы ввергают меня во все большее изумление, – заметил магистр.

– Что значит временем? Объяснитесь.

– Атабек Узбек действительно некоторое время, то есть, большую часть жизни, был женат на Малике-Хатун. Но она развелась с ним и вышла замуж за султана Джала-ад-Дина. Атабек Узбек женился на мне. Это сущая правда, – простодушно добавила Лада.

– Чем вы можете подтвердить ваши слова, сударыня? Ну, кроме того, что вы их повторите. У вас есть какие-то документы?

– Я могу подтвердить это лишь одним документом – кэбин, брачное свидетельство. Но его у меня с собой нет. Я покидала Азербайджан в такой спешке. Представляете, скрываясь от монголов, мне пришлось просидеть в подвале одного дома целую неделю с одним молодым человеком. Этого я никогда не забуду.

– Представляю себе, – вожделенно произнес магистр.

– Это было не так приятно, как это может показаться, – взглянув на собеседника, сказала Лада.

Магистр подошел к шахматной доске. Несколько минутостоял над ней, изучая расстановку фигур, затем вернулся к пленнице.

– Хорошо, допустим, но где в таком случае ваш двор, свита? Наконец, почему вы оказались на постоялом дворе? И что вас связывает с рыцарем по имени Раймонд?

Лада принялась объяснять. Магистр выслушал ее, затем сказал:

– Довольно, побудьте в соседней комнате, отдохните. Мы еще вернемся к этому разговору.

Он сделал знак секретарю и смотрел ей вслед, пока она уходила.

«Хороша, чертовка», – едва не сорвалось с его языка. Но он вовремя спохва-

тился. Госпитальеры принимали три обета: безбрачия, целомудрия и бедности. Не к лицу было магистру духовно-рыцарского ордена выражать восхищение женщиной. Вместо этого он сказал:

– У нее на все есть ответ, и говорит она так естественно, что поневоле во все веришь, хотя все это довольно нелепо. Во всяком случае, на королеву она не похожа. Девка породистая, но не та стать. Хотя она славянка, а все славяне – варвары. Эти безродные атабеки женились на ком попало. Впрочем, я отвлекся. Отведите эту женщину обратно и не спускайте с нее глаз. Займитесь розыском беглецов. Иерусалим – город маленький, а человек не иголка. Найдите их и доставьте ко мне.

– Слушаюсь, мессир, – сказал командор.

В гостинице

– Итак, хафиз, чем я могу вам помочь? – стариk смотрел на них, пряча улыбку в седой бороде. – Вывезти вас из города сейчас сложно. Но, выждав несколько дней, я смогу это сделать.

Али взглянул на Егорку и поднялся с места. Егорка последовал его примеру.

– Сидите, что вы вскочили, – стариk взял их за руки, усадил и сам сел рядом.

– Спасибо, Расул, мы никогда не забудем вашей доброты. Но выйти из города – это самое легкое, что мы могли бы сделать. В плenу у крестоносцев находится сестра моего друга. А без нее мы не можем оставить этот город. Чтобы не подвергать опасности ваш дом, мы уйдем с наступлением темноты и вечно будем молить Аллаха, чтобы он ниспоспал вам здоровья, благодеяния и долгих лет жизни. Вы и так сделали много для нас. Нам только надо изменить внешний вид, одежду, мы поселимся в гостинице, а дальше будет видно... Иншаллах, – добавил Али.

– Ну, положим, твой товарищ может и не менять внешний облик, – сказал, обращаясь к Али, Расул, – но тебе ничего не поможет, даже если ты перекрасишь волосы. Твой нос, глаза, а, главное, взгляд всегда выдаут нашего брата – тюрка.

– Я буду закрывать лицо, – неуверенно сказал Али. Об этой стороне вопроса он как-то не подумал.

– Я могу раздобыть плащ крестоносцев, – продолжал Расул, – твой приятель найдет его и сойдет за одного из этой братии. Ты же можешь притвориться его оруженосцем.

– С моей внешностью?

– У короля Фридриха есть войско, состоящее из сицилийских мусульман. Это ничего. Когда они берут наших в плен, некоторых оставляют себе служить. Если, конечно, это не уронит твоего достоинства – изображать слугу.

– Не уронит, – спокойно ответил Али. – Но у нас ничего не выйдет. Мой друг не знает франкского языка, и я тоже не знаю франкского языка.

Расул развел руками и стал скрести бороду. Егорка кашлянул.

– Что, друг мой, говори, не стесняйся, – ободрил его Али.

– Я изъясняюсь на греческом. Среди крестоносцев не все же франки.

– Не все, – сказал Расул, когда Али перевел ему слова друга, – но франки не очень ладят с греками.

– И те, и другие – христиане, – заметил Али.

– Верно, правда, эти – католики, а те – православные. Но это полбеды. Беда в том, что после взятия франками Константинополя, они уже не друзья. Не враги, но

и не друзья. Я раздобуду вам монашеские рясы, – сказал Расул, – натяните на головы клобуки. Ни одна собака вас не признает.

– Это единственный выход, – согласился Али.
– Они любят всякие обеты принимать. Скажете, что вы приняли обет молчания.
– Как скажем, если мы обет молчания приняли?
– Я думаю, что никто не спросит. Монахов редко о чем спрашивают. Что взять с убогих. Согласны?

– У нас все равно нет выбора.

Расул вышел из комнаты и через некоторое время вернулся с кипой одежды в руках. Это были монашеские одеяния.

– Как быстро ваши слова претворяются в дело, – заметил Али.

Расул довольно кивнул и протянул горсть деревянных бус:

– Это – четки, они ходят с четками.

– У Фомы не было четок.

– Фома – православный, а вы католики.

Прощаясь, старик дал им адрес, по которому они могли бы снять комнату.

– Я не знаю, как его теперь зовут, наверное, он сменил имя. Но ему можно доверять, потому что он еврей. Тайный, естественно, поскольку явных крестоносцы вырезали вместе с мусульманами. Просто скажите хозяин, что вы от меня. Если я что-то узнаю о вашей сестре, я буду знать, где вас найти. Идите, да хранит вас Аллах!

Убедившись, что за домом никто не наблюдает, Расул выпустил их со двора.

На площади, на которую выходил фасад дома, было многолюдно, и мало кто обратил внимание на двух монахов, вышедших из дверей дома. Они сразу же стали частью пейзажа, состоящего из паломников, монахов, крестоносцев и прочего люда, населявшего Иерусалим. Оказавшись вне стен дома, где они вынуждены были скрываться в течение суток, Егорка сказал:

– Насколько все-таки приятнее, если при данных обстоятельствах уместно употребить это слово, оказаться лицом к лицу с опасностью, нежели прятаться от нее в чужом доме.

– Разделяю твои чувства, – ответил Али, – но должен тебе напомнить, что мы дали обет молчания, поэтому говори тише. Нас могут услышать.

Егорка кивнул, соглашаясь, и тихо сказал:

– Надо отметить встречу. У старика как-то неудобно было заговаривать об этом.

– Прежде найдем еврея, – ответил Али.

И они отправились на поиски нужного дома. Они недолго шли по узким улочкам и переходам Иерусалима по пути, указанному Расулом.

– Кажется, это здесь, – сказал Али, – но здесь закусочная.

– И в ней подают вино, – добавил Егор.

Они спросили хозяина, и к ним вышел человек, по описанию похожий на пресловутого еврея.

– Мы от Расула, – без обиняков сказал Али.

– Что вам угодно? – быстро спросил хозяин.

– Комнату снять.

– Прошу за мной, – пригласил хозяин.

– А поесть можно здесь? – спросил Егор.

– Можно.

- А выпить вина?
- Можно, только вначале я покажу, где вы будете жить.
- Комната находилась на втором этаже, и окна выходили на улицу.
- Чем будете платить, и будете ли платить вообще?
- Али протянул монету. Хозяин, разглядев золотой динар, одобрительно кивнул:
- Можете меня звать Енох, хотя для всех остальных мое имя Джакомо. Располагайтесь и спускайтесь вниз. Я приготовлю для вас чего-нибудь.
- Еврей ушел.
- Чему ты улыбаешься? – спросил Али.
- Вместо ответа Егорка облапил его и потряс. У Расула он был сдержан и не давал волю чувствам.
- Я рад тому, что мы снова вместе, – сказал он.
- И вновь ищем твою сестру, – добавил Али, освобождаясь от медвежьих объятий друга, – и вновь ты вызволил меня из плена. Благодарю тебя.
- В этом мире все повторяется, – ответил Егор, – мы живем вечно, проживая одну и ту же жизнь. Просто забываем об этом.
- Но, судя по твоему радостному выражению лица, на этот раз судьба сестры тебя не особенно беспокоит.
- Моя сестра как кошка. Она вывернется из любой ситуации. Я убедился в этом. Подозреваю, что на этот раз она станет женой короля Иерусалима.
- Увы, – заметил Али, – Конраду всего 7 лет.
- Ее это не остановит, – возразил Егор. – Уж коли она пошла по этому пути, будет идти до конца.
- Мне слышится упрек в твоих словах. Не осуждай ее. Человеку только кажется, что он волен в выборе.
- Хочешь поспорить? – осведомился Егор. – Хотя с верующими трудно спорить. Ведь ты верующий!
- Али покачал головой.
- Уже нет, – обронил он.
- Не пугай меня, – сказал Егорка. – Это с каких же пор ты, богослов, знаток Корана, стал неверующим?
- После, – отмахнулся Али, – я слишком трезв, чтобы говорить об этом.
- Ну, тогда пойдем вниз, выпьем вина, потолкуем о том, о сем.
- Енох накрыл для них стол на внутренней веранде.
- Здесь вы можете сидеть спокойно, никто из крестоносного быдла сюда не сунется. Это место для своих.
- Для города, находящегося практически в мусульманской изоляции, стол в таверне был накрыт сверх меры: перченое вяленое мясо, сыр, хлеб, оливки и несколько видов овощных салатов, сдобренных иной маслом, иной кислой простоквашей, смешанной с сухой мятой, а иной – виноградным уксусом. В довершение ко всему Енох принес фаршированную рыбку, приготовленную на углях. В центре этого великолепия раздувал свои бока глиняный кувшин. Хозяин приветливо улыбался:
- Я многим обязан Расулу. Его друзья – это мои друзья. Останетесь довольны моим обслуживанием. Вино у меня сирийское, очень хорошее. Пробовали?
- Это правда. Я как раз оттуда, – подтвердил Али, – выпейте с нами.
- С удовольствием, почему бы и не выпить с хорошими людьми.

Он сломал печать на кувшине и наполнил глиняные чаши.

– Посуда простая, не обессудьте. Все свое добро я потерял во время одного из этих проклятых крестовых походов. Ваше здоровье.

Он быстро осушил свою чашу. Глядя на него, друзья в свою очередь припали к чашам. Вино в самом деле оказалось отменным. Енох довольно улыбнулся.

– Говорят, что это вино пьет сам Малик Ашраф – правитель Сирии.

– Я надеюсь, что это не последний кувшин? – спросил Али.

– Нет, не последний. Но это емкий кувшин. Вам должно хватить.

– Как знать, – возразил Али.

– Давно вы здесь? – спросил Егорка.

– Всего два года, и за это время мое заведение стало лучшим в городе. Свободных мест почти не бывает. До этого я жил в Германии, пока эти ублюдки в очередной раз не вздумали освобождать Гроб Господень. Проходя через Германию, они устроили еврейский погром. Я потерял все свое имущество. Чудом уцелел и долго скитался, пока не попал сюда. Я здесь единственный еврей. Смешно, да? В Иерусалиме нет ни одного еврея. Простите, меня зовут.

Хозяин ушел, оставив друзей наедине.

– Так что, Христа ты не признаешь? – спросил Егорка.

– Почему же, признаю, но мне ближе Мохаммед. И знаешь, почему? Мохаммед никогда не заявлял о своей божественной сущности. Он не брал на себя сверх меры. Он всегда говорил: я человек, я смертен, я только передаю божественную волю.

Егорка кашлянул и поднял чашу. Али последовал его примеру.

– Бога нет, – холодно сказал Али. – Можешь не ссылаться на него и взывать к нему.

Егорка пролил вино на рясу.

– Ты ли говоришь эти слова? – изумленно произнес он.

– Аз есмъ, – ответил Али, – Бога нет, и я настаиваю на этом. Иначе трудно объяснить пролитую кровь и страдания народа. В чем были повинны люди, павшие от рук проклятых монголов? Я стараюсь не думать о том, какой смертью погибли мой отец, его жена и их дети. Признаться, я никогда не любил мачеху и ее детей. Но не настолько, чтобы желать им смерти. Так как же Бог может желать смерти своим детям?

– С чего ты взял, что он желает им смерти?

– Это в его силах отвратить ее.

– В смерти нет ничего противоестественного, – сказал Егорка. – Смерть – это естественное завершение человеческой жизни.

– Да, да, я помню – все живое своим появлением на свет, вырываясь из лона природы, нарушает закон и несет за это наказание тлением и смертью.

– Это так, – согласился Егор.

– И я согласен с этим, я согласен со смертью, но смертью своевременной. А несвоевременная смерть называется убийством, к твоему сведению, особенно ни в чем не повинных детей. Так что Бога нет, и не пытаешься разубедить меня в этом.

– Кто же, по-твоему, сотворил этот мир? Кто все это сделал?

– Этот мир создал Бог, – сказал Али. – Но этот Бог не имеет ничего общего с Богом христиан, мусульман, иудеев, многобожников. Извините, если я кого-то пропустил. Это некая сила, которая управляет мирозданием, но она, мой друг, увы, бесчеловечна, то есть ей, этой силе, которую можно называть Богом, нет до нас никакого дела. И вообще, я подумываю о том, чтобы вернуться в лоно зороастризма.

– Между прочим, – после недолгого молчания заговорил Егор, – о том же мне толковал все время грек, с которым я был скован одной цепью.

– Ты никогда не говорил об этом.

– Не решался. Ты не был готов к этому разговору. Богослов, знаток Корана, мог ли я говорить с тобой об этом? Да и повода как-то не находилось.

– Почему ты вернулся? – спросил Али.

– По разным причинам, – ответил Егорка. – Большой частью потому, что местный воевода вынудил меня к этому. Но в глубине души я был даже рад этому. Так разбойник, долго бывший в бегах, даже чувствует некоторое облегчение после ареста. И я был доволен, воевода снял с меня груз выбора решения. Я не мог там больше оставаться. Охота больше не была смыслом моей жизни, я не зарабатывал ею на жизнь. Я тяготился своим времяпрепровождением.

– Теперь тебе легче, – улыбнулся Али. – Нас преследуют. Мы вынуждены скрываться от крестоносцев.

– Как ни странно, да, – заявил Егорка. – Тяготы и лишения пути, злоключения, которые я пережил, изменили мой характер. Мне не нужна спокойная обеспеченная жизнь. Теперь – я искатель приключений и надеюсь сложить голову в бою.

– Ответ воина, – одобрительно заметил Али.

– Ну, а как же ты? Должен признаться, ты поставил меня в тупик. Ты сказал, что совершаешь хадж, правда, в сопровождении моей сестры, что несколько снижает святость этого мероприятия. И в то же время ты заявляешь о том, что утратил веру в Аллаха. Я знаю тебя как последовательного человека. Как это все совмещается?

– Я надеюсь обрести веру вновь. Я иду в Мекку для этого. Мне тяжело жить в безверии. По крайней мере, я надеюсь получить ответы на интересующие меня вопросы. Я хочу дотронуться до камня Каабы. Но вначале закончу здесь с делами, поэтому какое-то время нам с тобой по пути.

– Какие у тебя здесь дела? – удивился Егор.

– Освободить Ладу, – сказал Али.

– Действительно, я как-то забыл о ней.

Али хотел что-то возразить, но в этот момент появился хозяин.

– Что-нибудь нужно? – деловито спросил он. Вместе с ним во внутренний дворик ворвался шум, производимый посетителями таверны.

– Еще вина, – сказал Али, взвесив в руке опустевший кувшин.

Еврей уважительно кивнул и крикнул кого-то из глубины кухни. Появившийся поваренок выслушал распоряжения и бросился их выполнять.

– У вас всегда так многолюдно? – спросил Егорка, кивая в сторону зала.

– Всегда. Сейчас перемирие, войны нет. Крестоносцам занять себя нечем, вот они и накачиваются вином каждый день.

– Почему же им занять себя нечем? – поинтересовался Али. – Разве они не пришли сюда освобождать Гроб Господень и добились своего? Самое время отложить мечи и молиться в свободное время. Почему же они дерутся и пьют?

Али произнес эти слова вслед за шумом и криками, донесшимися снаружи.

– Понимаю вашу иронию, – согласился еврей, – и разделяю ее. Могу сказать лишь одно: я за них не в ответе.

– У меня к вам претензий нет, – успокоил его Али.

Шум становился сильнее. Там в самом деле завязалась нешуточная потасовка.

– Пойду взгляну, может, удастся утихомирить буйнов. А вы ешьте, пейте, сюда

они не сунутся. Вам не о чем беспокоиться.

– А хоть бы и сунулись, – пробурчал Егор, сжимая пудовые кулаки.

– Не в наших интересах привлекать к себе внимание, – заметил Али.

Проведенные сутки у Расула дались Егорке нелегко. Ему хотелось размяться, да и вино уже ударило в голову. Еврей с опаской взглянул на его кулаки и несколько встревожился. Однако он ничего не сказал, тем более, что появился мальчик с кувшином вина и отвлек его внимание. Он сломал глиняную печать на горлышке, с наслаждением вдохнул аромат вина и наполнил чаши.

– Жаль, что я должен работать, – с сожалением бросил он и ушел.

А точнее, убежал, так как снаружи до несся треск ломающихся стульев.

...Али удивленно взглянул на товарища, но тот уже вставал из-за стола, глядя на кого-то за спиной Али. Он обернулся и увидел франка, появившегося на внутренней веранде. Это был тамплиер. За ним торопился еврей, спеша предотвратить неожиданную встречу.

– Прошу прощения, господа, – сказал крестоносец. – А где здесь выход?

– Выход в другой стороне, – быстро произнес хозяин, беря солдата под руку и увлекая за собой. Но вояка вдруг заупрямился и задирясто спросил:

– А почему они не отвечают?

– Все в порядке, – уверял его хозяин, – это паломники, языка не знают, вот и не отвечают.

– А этот вот на сельджука похож, – заявил тамплиер, тыча пальцем в Али. Он отпихнул руку хозяина и подошел к Али: – Ты ведь мусульманин, а? Мусульманин?

Познания Али во франкском языке ограничивались несколькими словами. Тем не менее, вопрос он понял.

– Какого черта, – продолжал крестоносец, – с каких это пор мусульмане совершают паломничество в Иерусалим?

Видя, чтоссора неизбежна, Али встал.

– Да, я мусульманин, – с достоинством ответил он.

И крестоносец его тоже понял.

– Хочу напомнить, что сейчас перемирие, король Фридрих заключил мир с мусульманами, – вновь вмешался хозяин, не теряя надежды погасить пламя раздора.

– Мне плевать на короля Фридриха. Он трус и предатель, – воскликнул тамплиер, – папа отлучил его от церкви. Если бы не заигрывания с тюрками, мы бы уже взяли верх над ними. Тебе чего здесь надо, турок недорезанный?

– Пошел прочь, – сказал ему Али, – пока цел.

И эти слова, сказанные по-азербайджански, тамплиер понял,

– Ит баласы, – воскликнул тамплиер, выказывая некоторое знакомство с тюркским языком. Он стал шарить на поясе в поисках меча. Но меча не оказалось. У Еноха, хозяина таверны, было правило: все посетители сдавали оружие специальному человеку для хранения. У Еноха была образцовая таверна.

Тогда крестоносец занес руку для удара, но был остановлен мощной дланью Ильи Муромца, то есть, Егорки.

– Не очень-то здесь руками размахивай, – посоветовал он задире, – иди лучше подобру-поздорову.

Пожатие Егоркиной десницы оказалось столь действенным и тяжелым, что франк тут же утратил волю к сопротивлению. Тогда Егорка отпустил его и придал его шагам правильное направление, то есть, возвратное. Хозяин, сопровождая его, участ-

ливо спрашивал:

– Не болит ли рука?

Через несколько минут тамплиер вернулся с подкреплением. За спинами тамплиеров, а вернее, в просветах между ними, виднелось бледное лицо хозяина таверны. Он уже не контролировал ситуацию, но не оставляя отчаянных попыток предотвратить побоище. Ввязаться в таверне с тамплиерами в драку, тем более находясь на нелегальном положении, было чистейшим безумием, но, как известно, храбрец – не тот, кто, идя в бой, думает о его последствиях. На счастье наших героев, на веранде было не развернуться, выйти на нее можно было через дверь, в которую одновременно могли попасть не более двух человек. Поэтому в каждую минуту боя численный перевес противника был не очень велик. Кулаки Егорки разили, как чугунные ядра. Али, несмотря на проявленную им скромность, тоже держался достойно благодаря опыту, приобретенному в настоящих сражениях против хорезмийцев. Многие крестоносцы, сидящие в таверне, а там было много разного люда, слыша шум, удивленно переглядывались и спрашивали друг друга: «Что там происходит?»

Хозяин таверны объяснял завсегдатаям, успокаивая их:

– Там всего два человека, паломники.

Храмовников было около десятка. Шестеро из них уже лежали без чувств или были небоеспособны. Оставшиеся четверо дрогнули и отступили в общий зал:

– Что вы сидите? – стали взывать они к посетителям. – Там мусульмане.

Громкий хохот был им ответом. Тогда они торопливо ушли, пригрозив вернуться и разобраться со всеми.

– О, праотец Авраам, – причитал еврей, – как это могло произойти?! Что же теперь будет?

– Простите, – тяжело дыша, сказал Али, – но это они начали.

– Да, да. Я видел. Правда, мне от этого не легче. А вам надо уходить, потому что они сейчас вернутся и арестуют вас. А когда выяснится, кто вы, пропадет и моя голова. Прошу вас. Но вы молодцы, я получил удовольствие.

Извинившись и поблагодарив хозяина, друзья натянули на головы монашеские клубки и покинули заведение. Когда они проходили через зал, их сопровождал одобрительный гул. Оказавшись на улице, они, торопясь, пошли, куда глаза глядят.

– Если бы они все на нас навалились, пожалуй, мы бы не сдюжили, – заметил Егорка. – Почему, интересно, они не пришли тем на выручку?

– Это тевтонцы, – сказал Али, – а мы дрались с тамплиерами. Германцы не любят франков.

– У них у всех кресты на одежде. Как ты их различаешь?

– У тамплиеров плащ белого цвета, – объяснил Али, за время плена поднаторевший в различиях рыцарских орденов, – а крест красного, у рыцарей Тевтонского Ордена – плащ белый, крест – черный, у госпитальеров, которые нас разыскивают – плащи черные, кресты белые. Но мы легко отделались, нам повезло.

– Что это у тебя под мышкой оттопыривается? – спросил Егорка.

– Кувшин, – ответил Али.

– Полный, – уверенно сказал Егорка.

– Как догадался? – спросил Али.

– У тебя одно плечо выше другого.

– Молодец, – похвалил Али, – сметлив.

Беседуя таким образом, они быстро шли по улицам Иерусалима, сворачивали

в переулки, оказывались в тупиках, поворачивали обратно. Затем пристали к толпе паломников и долго шли за ними, пока не оказались в небольшом дворике, с одной стороны которого возвышалась мечеть, а с другой высилась церковь. Это был тот самый храм Гроба Господня – возведенная цель всех крестовых походов. У мечети никого не было. У церкви же роилась толпа пилигримов. Вдоль стен сидело, лежало множество нищих и убогих. Недолго думая, Али опустился на землю возле женщины, просящей подаяние, и потянул за собой Егорку. Женщина неодобрительно покосилась на конкурентов.

– Не бойся, мать, – успокоил ее Али, – все, что нам подадут, я отдаю тебе.

Они просидели так до наступления темноты, поочередно прикладываясь к кувшину, который Али, соблюдая меры предосторожности, закрывал полой рясы. Женщина, которой они отдали все монеты, доставшиеся на их долю, прониклась к ним расположением и угостила их двумя корками хлеба. В ответ друзья угостили ее вином. После этого женщина часть монет попыталась вернуть, но друзья воспротивились. Тогда она вовсе расчувствовалась и разрешила им прийти завтра, и все, что им подадут, оставить себе. Вышел служок и стал закрывать ворота. Что-то в его облике показалось Али знакомым. Он толкнул друга и обратил его внимание.

– Фома, – позвал Егорка.

Удивленный монах обернулся, недоумевая, кто в Иерусалиме может знать его имя, но в следующую минуту сообразил, еще не видя окликавшего, что это может быть только один человек. Во дворе еще оставалось несколько человек, а в густившихся сумерках трудно было разглядеть лица. Наконец он понял, что голос звучит из-под монашеского клобука. Подойдя к двум попрошайкам, он спросил:

– Что случилось?

– Долго рассказывать, нам надо укрыться, – ответил Егорка.

– А Расул?

– Мы не хотим вновь подвергать его опасности.

– Но он все равно сейчас появится запереть ворота. Он поможет.

– Тем более надо укрыться, как-то неловко появляться перед ним в таком виде.

– Что постыдного в монашеском одеянии? – обиделся Фома.

– Дело не в одежде, – объяснил Али, – Расул – правоверный мусульманин, мы сегодня немного выпили, проявим к нему уважение.

– Где же я вас укрою?

– Там, – показал Егорка в глубь церкви.

– То есть показаться пьяным перед мусульманином – вам неловко, а войти в таком виде в храм вы можете?

– Не занудствуй, – сказал ему на это Егорка. – Во-первых, у вас там вином людей причащают. А во-вторых, вспомни, сколько я для тебя сделал.

Один из этих доводов подействовал. Фома, скрепя сердце, приоткрыл ворота и впустил друзей внутрь.

(Окончание следует)

САВЕЛИЙ КОЛМАНОВСКИЙ

* * *

Спешат в сапогах-скороходах года,
Уносят любимых и милых.
И в жилах не кровь, а всё больше вода.
Нет прежних ни пыла, ни силы.
На башню высокую мне не взойти:
Уж больно там много ступенек.
А я, приближаясь к восьмидесяти,
У старческой немощи пленник.
И вижу, всё ближе костлявая дрянь
С косой, отягчающей плечи,
Как северный ветер хладна её длань,
И мы угасаем, как свечи.
Но всё ещё теплится мой огонёк,
Ещё и свечу я, и грею,
Ещё напеваю, присев на пенёк:
– И скучу, и пошлость на рею!
Ещё, если надо, охотно отдам
Друзьям и коня, и полцарства.
Ещё восхищенно смотрю я на дам,
Прельщённый их милым коварством.
И смерти не раз ещё вставлю фитиль:
Ни бог мне не страшен, ни черти!
Но время идет – попаду я в утиль:
Увы, не бывает бессмертья.
Поймите, что я никуда не спешу
И нету там разных предчувствий.
А просто на случай возможный пишу
Я вам что-то вроде напутствий.
Когда вы останетесь здесь без меня,
Вы планов своих не меняйте.
Дороги вас манят? Не ждите и дня.
Езжайте! Летите! Гуляйте!
Гостей соберите в назначенный час.
(Не надо откладывать встречи!)
И пусть будет весел ваш добрый карасс¹,
Традициям вечным перечат.
Ходите в театры, концерты, кино.
Вдыхайте жизнь полною грудью...
А что до меня — нужно помнить одно,
Что очень люблю я вас, люди.

¹ Карасс (боконизм) – группа людей, собранная вместе для выполнения божьей воли без своей на то воли и ведома.

По Вике

Памяти брата

**Я, в здравом уме (а пусть даже поддатый!),
Готов подписаться под каждой под датой:
Нам это мгновенье даровано жизнью.
Прекрасно оно! И не хайте облыжно.
(Хотя, как обычно, чуть-чуть рановато
Природа сочтёт нас персоной «нон грата»,
Но ныть и грустить — просто времени трат.)
Есть в жизни хорошего край непочатый.
Не надо читать только блоги и чаты.
Так будьте здоровы! Живите богато!
А я сочинил тут чего-то, ребята.**

**Как много есть горестных свадебных песен,
Поют их веками по долам и весям.
А вот похоронных нет маршей веселых,
Таких, чтоб их знали в столицах и сёлах.
Традициям старым бесспорно покорны,
Мы пишем упорно по белому чёрным,
Но, смело подумав, что это не дело,
Пишу неумело по черному белым.
Так будьте здоровы! Живите богато!
Все дни нашей жизни — отличные даты.**

**И день, когда хладными нас обнаружат,
Ей богу, других дней нисколько не хуже.
Землица не зря мать-землёю зовётся,
Что значит — кто умер, тот к маме вернётся.
А мама даст силы, разгонит печали,
И снова отчалишь ты в дальние дали.
И к нам, когда будем лежать на погосте,
Приходят пусть только весёлые гости.
Так будьте здоровы! Живите богато!
Пусть грустными будут одни супостаты!**

**А те, кто нас любит и нами любимы...
Вы нам улыбнитесь: мы с вами незримо.
И даже не нужно ума быть палатой,
Чтоб знать, что улыбке цена два карата.
А вот у слезинки цена две копейки,
И то, это в очень богатой семейке.
И в нищей хибаре, и в царских палатах
Гусар всегда держится молодцевато.
Так будьте здоровы! Живите богато!
Все дни вспоминайте со смехом — не с матом.**

И пусть наша жизнь, как матрац, полосата,
Но как на матраце спать мягко, ребята!
Теперь не шутя. Мы глупы беспримерно
И к близким относимся, в общем-то, скверно.
Друзей на руках при их жизни не носим
Ни в снег, ни в жару, ни весною, ни в осень.
То времени нету, то силы жалеем...
И зря! С гробом будет нести тяжелее.
Так будьте здоровы! Живите богато!
Гребите не землю, а счастье лопатой.

С момента рождения до даты последней
Живите и знайте, что смерть — это бредни,
Что жизнь после смерти ещё интересней.
Так пойте же, люди, задорные песни!
И пусть в день прощанья звучит непременно
Не марш похоронный — мазурки Шопена.
Вся жизнь наша, право, вполне бен тровато.
А если кому помирать страшновато...
То будьте здоровы! Живите богато!
Мужчины не смерти боятся — простаты.
А дам вообще не волнует кончина:
Их больше пугает — вдруг будут морщины...

«Так будьте здоровы! Живите богато!»
Рефрен — пожеланья и ... реквием брату.

В душе молодой — по годам аксакал.
По жизни он шествовал, а не скакал.
Не гнался за славой. Спокоен был к злату.
И не был он фатом. И не был он хватом.
Врагам не грозил он каленым булатом.
И не был прославленным «Лёнькой с Арбата».
Он не был ни богом, ни даже Руматой.
Но просто над смертью смеялся он с детства,
И в возрасте, с нею живя по-соседству.
Чуть-чуть эпатаж. В основном, вольнодумство.
А вот чего не было — это кощунства!
В трагедии юмор искал он с успехом,
И щедро с другими делился он смехом.
И видел не раз я, как это смешное
От горя людей отделяло стеною.
Конечно, он смерти себе не искал,
Но знаю, что, страшный завидев оскал,
В тот миг свой последний, пред самым концом,
Спокойно он ей улыбнулся в лицо.
И много смешного, уж вы мне поверьте,
Он вам рассказал бы о собственной смерти.

Так будьте здоровы! Живите богато!
Пусть жизнь будет долгой от даты до даты.

Мне кажется, если я всем расскажу
Всё, что о нём знаю, всё, чем дорожу,
То мысль и душа его (вечные странницы!)
Уйдут и... и мне ничего не останется.
А так он со мной. Хоть частично во мне!
С ним вместе легко быть всегда на коне:
Ведь я жил на склоне, а он в вышине.
И звал за собой, и тянул сколько мог,
Но я был дурак, да простит меня бог.
Я так никогда до него не дорош!
Он был ... нет, он есть среди многих – колосс.
И он на проблемы земной суеты
Взирал с недоступной для нас высоты.
И каждый, кто был с ним хоть мельком знаком,
Имеет своих впечатлений на том,
А может, на два. Не сужу я о том.
Конечно, всех больше сказать я могу,
Но жаден, и всё для себя берегу.
И думаю с болью сейчас о другом.
Мы связаны с ним пуповиной одной
Всю-всю нашу жизнь. Мы не просто родня.
Я жив, и я знаю – он здесь, он со мной.
А там? Я боюсь – вдруг он Там без меня.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ
(США)

НЕЖДАННЫЙ ВЕТЕРОК

Миниатюра

Отрабатывая дневной прогулочный моцион по парку, я внезапно уловил ветерок, который принес мне некое беспокойство.

Это было тем более странно, что ветерки здесь шляются часто и ничего примечательного до сих пор не привносили. Но вот этот – откуда его занесло? Вначале я попытался разобраться в чем его, собственно, примечательность, т.е. откуда он родом, чем попахивает и в чем его необычность.

Ветерок как ветерок, но что-то в нем знакомое, и даже, если хотите, что-то родное. Последнее весьма заинтриговало меня и я стал внимательно к ветерку принюхиваться. Точно, запах был ну, очень знакомый и напоминал какое-то далекое, до боли близкое место. Да, не может быть сомнений.

Ветерок чуть-чуть усилился, повеяло прохладой, и обоняние подтвердило: «это невероятно, но этот ветерок забрел, несомненно,с Бакинского бульвара!»

«Вот это здорово! С чего бы он сбежал оттуда? Ааа! Очевидно, кое-что рассказать мне о родном kraе! Ну что ж, послушаем!»

А ветерок, уютно обволакивая мою седую голову, стал ласково нашептывать мне новости из далекого города. Про то, как он смело пронесся по новой городской парковой зоне, что протянулась вдоль улицы Физули.

«Ну да, ведь ни за какой тополь нельзя было зацепиться!» – оправдывал свое лицо молодой ветерок. «Также вольготно и на новом бульваре», – продолжал он делиться своими впечатлениями.

«Я даже заскочил в один глянцевый банк. Но там было много народа. Все говорили, что надо держаться за доллар. Это хорошо или плохо? Если надо, то и держитесь, а то устроили из солидного банка «новый» базар! Эх, скучища!»

Холодком обдало мою шею, но мне было приятно – я почувствовал прохладу Каспия.

«Сделай ещё!» – смущенно попросил я дружка и он снова прикоснулся к моим плечам, одновременно продолжая рассказывать о своих похождениях.

«Представляешь, я залетел в большое светлое здание: там каждый сидел за своим столом, но все одновременно одобряюще кивали головами кому-то на трибуне и, представляешь, хлопали, как дети, в ладоши. Потом кто-то под одобрительный гул стал выкрикивать: «Страну необходимо азербайджанизировать!» Странно, ведь все и так говорили на азербайджанском», – удивлялся несмышленый ветерок.

Мне захотелось отшлепать его за политнекорректность.

Но что с него возьмешь? Одно слово – ветер!

«Ой, чуть не забыл! А в другом, ничем не примечательном здании с каким-то странным названием сидело много немолодых мужчин и все, многозначительно пе-

реглядываясь, теперь уже задумчиво отнекивались головами. Что бы это значило, как ты думаешь?»

«Наверное большую думу думали о будущем», – подумал я, но вслух не сказал.

Ветерок продолжал трепать мои волосы и, хотя я его уже плохо слушал, мне был приятен его шелест – ведь он примчался с самого Абшерона.

Но вот это сообщение заинтересовало меня. Оказывается, ветерок успел побывать в старинном цокольном здании с часами и там, вроде бы, чиновники с искренним напускным сожалением прощались с «хозяином» этого офиса.

«А как вообще народ на улицах, о чем думает, как выглядят девушки?» – попробовал я перевести разговор на другую тему.

«Трудно узнать по молчаливому и сосредоточенному виду, о чем думает народ. Видел только, что сумки они носят совсем тощие. Что касается женщин, то поскольку сейчас никто не оголяет ноги, как это было лет 20 назад, то при моей скорости перемещения мне затруднительно ориентироваться в том, «кто есть кто». Однако я научился определять женщин по их тонкому запаху, грациозной походке и более оптимистичному взгляду. А мужики выглядят уныло и весьма ненадежно».

«Какими еще новостями ты можешь меня обрадовать?» – с тайной надеждой обратился я к посланцу из Баку.

«Да, я видел её! – опередил меня шустрой агент. – Она шла по Торговой, опираясь на палку» .

«Какую еще палку, она же такая егоза!» – зашевелилась моя редкая седая шевелюра.

«Была лет 50 назад, а сейчас ... – ветер глубоко вздохнул, а затем выдохнул: – ...сейчас и ты все время кряхтишь», – бесцеремонно задел он меня.

Я сразу почувствовал боль в спине.

«Кхе, кхе, почему все окружающие так постарели? Ведь я уверен, что внутренне я совсем не изменился».

Ветерок торжественно крутанул вокруг меня, и я услышал знакомые голоса моего детства.

Мы стали прощаться: я крепко обнял ветерка – он извивался и повизгивал, ласкал и целовал. Когда, наконец, он вырвался и взметнулся ввысь, то от него отделилось несколько черных капель.

«Сюрприз!» – обрадовался я.

Я растер капли на ладони и поднес к лицу для пробы на запах и на вкус.

Когда я расprobовал их, то чуть не потерял сознания – это были самые настоящие капли родного мазута!

Дорогие бакинцы! Дорожите этим достоянием у себя на Родине, и чтобы вам никогда не пришлось получать эти капли подобным способом!
